

Сохрани мою речь
Сохрани мою речь

5/1

Российский государственный гуманитарный
университет

Мандельштамовское общество

Кабинет мандельштамоведения
научной библиотеки РГУ

Записки Манделъштамовскаго общества
Том 19

«Сохрани мою речь...»

Выпуск 5/1

Москва
2011

УДК 821.161.1
ББК 83.3. (2 Рос-Рус)6
С54

Редакторы-составители:
*С. Василенко, А. Еськова, О. Лекманов,
П. Нерлер, С. Шиндин*

Редколлегия серии:
*С. Василенко, Л. Видгоф, О. Лекманов,
П. Нерлер, С. Шиндин*

Художник *Михаил Гуров*

© Коллектив авторов, 2011
© Василенко С., Еськова А.,
Лекманов О., Нерлер П.,
Шиндин С., составление, 2011
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2011

ISBN 978-5-7281-1157-3

*Памяти
Натальи Евгеньевны Штемпель
и Александра Анатольевича Морозова*

Об этой книге

Мандельштамовское общество существует с 1991 г., и за это время под его грифом вышло более 30 изданий¹. Несомненно, главное среди них – это так называемый голубой четырехтомник Мандельштама, выпущенный издательством «Арт-Бизнес-Центр» (руководитель Михаил Яковенко) между 1993 и 1997 гг. и на долгое время ставший одним из базовых научных изданий поэта².

В 1991 г. – в год 100-летия со дня рождения Мандельштама! – появился первый мандельштамовский сборник (а правильнее сказать – альманах!) «Сохрани мою речь...» (составители А. Никитаев и П. Нерлер), профинансированный и выпущенный издательством «Обновление» (главный редактор Юрий Трифонов³), причем небывалым тиражом – 100 тыс. экз.! Никто не знал и не ведал тогда, будет ли продолжение и сколько продержится на плаву само Мандельштамовское общество, – никакими внешними признаками нормальной серийности эта 96-страничная брошюра не обладала.

Но общество и не собиралось тонуть, а оказывавшийся в его распоряжении материал прямо-таки вопиял о своем обнародовании. Выход в октябрьской книжке «Нового мира» за 1987 г. воспоминаний Натальи Евгеньевны Штемпель стал заметным событием для всех, кому творчество и судьба Мандельштама были небезразличны. Смерть Н. Штемпель настоятельно потребовала подготовки и издания ее мемуарного наследия в полном объеме – над этой задачей работали Василий Гыдов и Павел Нерлер. Они подготовили и выпустили в 1992 г. небольшую книгу Н.Е. Штемпель «Мандельштам в Воронеже» с предисловием Даниила Заславского: на обороте титула можно прочесть, что ее тираж – 500 нумерованных экз., но правильный тираж обозначен в конце книги – 300 экз., отпечатанных на ротапринтном станке типографии «ВНИИЭкономики Газпрома». Именно

там работал Николай Златоверховников (его издательство «Достоинство» на книге не указано), выступивший фактическим спонсором этого скромного и с самого начала раритетного издания. Часть средств, полученных от реализации книги, пошла на оплату работ по сооружению памятника на могиле Натальи Евгеньевны в Воронеже (скульптор – Владимир Циммерлинг, главный спонсор – антиквар Виктор Михайлович). На обороте титульного листа уже упомянута, но никак еще не раскрыта издательская программа общества.

Впервые наброски программы были изложены в брошюре П. Нерлера «Осип Манделъштам в Гейдельберге», выпущенной издательством «Арт-Бизнес-Центр» в 1994 г. (а фактически – в 1993 г.) тиражом 1000 экз. вслед за 1-м томом Собрания сочинений Манделъштама. На обороте титульного листа впервые были указаны серия – «Записки Манделъштамовского общества» и номер тома – 3, а в аннотации приведены все необходимые пояснения: «Книга продолжает издательскую серию “Записки Манделъштамовского общества”, начатую сборником «Сохрани мою речь...» (М.: Обновление, 1991. Вып. 1) и книгой Н.Е. Штемпель “Манделъштам в Воронеже” (М.: МО, 1992). И хотя на указанных изданиях номера томов серии не были обозначены⁴, мы сочли возможным подчеркнуть отмеченную преемственность обозначением этой книги как третьего тома в серии». Тем самым серия ретроспективно охватила два первых издания, подготовленных обществом, а сборнику «Сохрани мою речь...», обозначенному как первый выпуск, придали даже еще и внутрисерийный статус (сегодня мы поступили бы иначе, выделив эти сборники – фактически альманахи – в отдельную серию, но тогда, в ситуации, когда каждая книга могла оказаться последней, это не приходило в голову).

Четвертым томом «Записок» стал второй выпуск «Сохрани мою речь...», составленный Олегом Лекмановым и Павлом Нерлером. Он вышел в 1994 г. тиражом 2000 экз. в издательстве «Книжный сад» все того же Юрия Трифонова⁵.

Кроме того, Манделъштамовское общество приняло решение об издании монографических и тематических сбор-

ников, посвященных как биографии и творчеству Мандельштама, так и людям из его непосредственного окружения или просто ярким представителям эпохи. Заметным событием для филологической общественности стало появление сборника прозы Сигизмунда Кржижановского «Страны, которых нет» (статьи о литературе и театре. Записные тетради. М.: Радикс, 1994) – талантливого писателя и глубокого мыслителя, на тот момент почти неизвестного в России. Сборник подготовил Вадим Перельмутер в статусе 6-го тома «Записок Мандельштамовского общества». Парадоксальным в нем оказалось то, что имя Мандельштама на страницах книги практически не встречается. Это вызвало соответствующую критику и навело на мысль основать вторую издательскую серию – «Библиотеку Мандельштамовского общества», в которой могли быть опубликованы произведения авторов, лишь частично (биографически или исследовательски) связанных с Мандельштамом, но, по мнению редколлегии, значимых именно в мандельштамовском контексте. В последующем в этой серии вышло несколько книг – Александра Сопровского, Бориса Горнунга, Льва и Анастасии Горнунг, но «повивальной бабкой» серии следует считать именно книгу Кржижановского.

Последовавший за книгой Кржижановского седьмой выпуск, составленный О. Лекмановым, – «Мандельштам и античность» (М.: Радикс, 1995) – представлял собой сборник статей, прямо и опосредованно затрагивающих отраженную в названии проблематику. В него вошли как исследования, публиковавшиеся в 1970–1980-е годы за рубежом или в малотиражных изданиях в России и поэтому недоступные российским ученым (статьи К. Тарановского, Н.-О. Нильсена, Ю. Левина, М. Гаспарова и др.), так и новые материалы (публикации В. Швейцер, А. Немировского, С. Ошера, О. Лекманова и др.). Этот сборник также явил собой новацию как тип издания и был высоко оценен специалистами.

Ярким событием этого периода, наверное, можно считать выход 8-го тома «Записок Мандельштамовского общества» – сборника статей одного из основоположни-

ков позднего мандельштамоведения, Ирины Михайловны Семенко, «Поэтика позднего Мандельштама: От черновых редакций – к окончательному тексту» (М., 1997). По сравнению с «предшественником» (издан под тем же названием в 1986 г. в Риме) сборник, тщательно и любовно подготовленный Сергеем Василенко, содержал переработанные и исправленные варианты ранее публиковавшихся статей, новые исследования, предисловие Лидии Гинзбург и справочно-библиографические материалы, подготовленные П. Нерлером и Н. Поболем.

Продолжением краеведческого начала в серии стал ее 9-й том – книга-экскурсия Леонида Видгофа «Москва Мандельштама», выпущенная в 1998 г. в издательстве «Корона-Принт» с предисловием П. Нерлера.

Изданный в 2001 г. 11-й том под названием «Смерть и бессмертие поэта» вобрал в себя материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня смерти О.Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.).

По оплошности тот же номер (11-й вместо 12-го) стоит и на томе, посвященном важнейшему из текущих проектов общества – подготовке Мандельштамовской энциклопедии (О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007). В него вошли статьи, представляющие разделы, из которых будет состоять издание, – «О.Э. Мандельштам и мировая культура», «Произведения», «Поэтика», «Персоналии», «Библиография и архивные материалы» и др.

Тринадцатым томом стала книга Надежды Мандельштам «Об Ахматовой» (составитель и автор вступительной статьи – П. Нерлер, подготовили текст П. Нерлер и С. Василенко при участии Н. Крайневой). Книга выпущена в 2007 г. «Новым издательством» и переиздана в 2008 г. издательством «Три квадрата».

Из числа самых последних изданий в серии «Записки Мандельштамовского общества» следует назвать 15-й и 16-й тома – сборники разнообразных материалов, посвященных в первом случае Н.Е. Штемпель («Ясная Наташа»: Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. М.; Воронеж,

2008) и во втором С.И. Липкину, воспоминания которого о Мандельштаме относятся к числу наиболее достоверных и ценных как для исследователей-специалистов, так и для простых читателей (Липкин С. «Угль, пылающий огнем...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о Семене Липкине. М., 2008). В нумерации тома о Липкине, увы, снова допущена оплошность (указано – т. 15, а надо – т. 16).

В 2011 г. начиная с 17-го тома «Записок» порядок – и надеемся, что прочно – восстановился. Том 17 – это книга «Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы», подготовленная П. Нерлером и Д. Мамедовой, ядром которой стал свод статей и других высказываний Сергея Аверинцева о Мандельштаме, а том 18 – сборник Л. Видгофа «Статьи о Мандельштаме» (оба вышли в Издательском центре).

И снова о «фирменном» издании Мандельштамовского общества – сборниках «Сохрани мою речь...», вышедших в 2000-е годы.

Третий выпуск вышел в 2000 г. тиражом 1000 экз. в Издательском центре РГГУ в двух частях – 543 страницы. По оплошности (составители П. Нерлер, О. Лекманов и М. Соколова) номер тома в серии «Записки Мандельштамовского общества» не указан, подобающий номер тома – 10-й. То же самое, увы, повторилось и с 4-м выпуском «Сохрани мою речь...», вышедшим в 2008 г. в том же Издательском центре и снова в двух частях – 808 страниц, но тиражом всего 300 экз. В отсутствие ответственного редактора составители (И. Делекторская, О. Лекманов, Д. Мамедова и П. Нерлер) вновь не уследили за тем, чтобы номер серийного тома – 14 – появился на обороте титула этого двухтомника.

К особенностям издательской деятельности Мандельштамовского общества наряду с составительским энтузиазмом и жанровым разнообразием можно, к сожалению, отнести довольно рваный ритм выхода (между 2001 и 2006 гг. книги не выходили вовсе) и не всегда строго прочитывающиеся серийность и преемственность. На примере сборников «Сохрани мою речь...» это тем контрастнее, что они единственные, где серийность выдерживается даже в оформ-

лении (так, первый и второй оформлены в одном серийном дизайне, а третий и четвертый выпуски – в другом).

При подготовке выпусков формировалась и окончательно сложилась определенная структура сборников, теперь (постфактум) воспринимающихся как альманахи. Самый первый выпуск состоял из трех рубрик: «Публикации» (тексты самого Мандельштама), «Воспоминания и документы» и «Статьи». Во втором выпуске появилась четвертая рубрика, содержащая произведения, посвященные Мандельштаму: «Венок поэту».

Начиная с третьего выпуска установилась печальная традиция выделять специальный раздел книги, посвященный памяти кого-то из великих ушедших, в третьем выпуске это был Иосиф Бродский, в четвертом – Михаил Гаспаров. В третьем выпуске в разделе «Публикации» помещен блок статей, все другие рубрики вошли во 2-й полутом: его открыл раздел, посвященный И. Бродскому, далее – аналог блока «Воспоминания и документы» (разбитого на три более дробные подрубрики: «Воспоминания», «Материалы к биографии» и «Современники»). Завершал выпуск традиционный блок «Венок Мандельштаму».

Четвертый выпуск «Сохрани мою речь...» во многом следует структуре третьего выпуска, но в то же время и несколько развивает и уточняет ее. Раздел, посвященный М. Гаспарову, вынесен в самое начало. Блоки «Публикации» и «Материалы к биографии» сведены в один общий раздел, внутри которого появилась новая рубрика: «Материалы к биографии Н.Я. Мандельштам». Блок «Статьи» впервые разбит на внутренние рубрики: «Мандельштам и мировая культура», «Поэзия и поэтика Мандельштама», «Разборы и анализы», «Диалог с современниками» и «Мандельштам и дискурс немецкого языка», а к разделу «Венок Мандельштаму» добавился еще один – «Varia», где собраны все прочие многопестрые материалы, выпадающие из названной рубрикации.

В этот контекст хотелось бы вписать и настоящее издание – 19-й том «Записок Мандельштамовского общества» и пятый выпуск мандельштамовского сборника (альманаха)

«Сохрани мою речь...». Он примерно вдвое меньше предыдущего выпуска как по объему, так и по числу участвующих в нем авторов. Такая компактность позволяет выпускать сборники чаще и более совершенным с точки зрения издательских технологий способом.

Выпуск посвящен памяти сразу двух замечательных людей – Александра Анатольевича Морозова, умершего в октябре 2008 г., и Натальи Евгеньевны Штемпель, чье 100-летие со дня рождения отмечалось в сентябре того же года. Связанные с ними материалы и составили блок «In memoriam», вынесенный в начало сборника.

Раздел, посвященный А.А. Морозову, состоит из подборки прижизненных и посмертных высказываний о нем, библиографии его работ, подборки нескольких републикуемых работ о Мандельштаме, а также из расшифровки его беседы о поэте, записанной на видеопленку.

Раздел о Н.Е. Штемпель – это в сущности продолжение посвященной ей же книги «Ясная Наташа»: он состоит из материалов, публикация которых стала возможной уже после выхода сборника в свет в сентябре 2008 г.⁶

Вопреки ожиданиям, все еще «не сдается и держится» раздел «Публикации». На сей раз он представлен неизвестным письмом, не публиковавшимся ранее переводом и сводом инскриптов и маргиналий Мандельштама (один из инскриптов – дарственная надпись поэта К. Федину – послужил поводом для публикации специальной статьи).

Рубрика «Воспоминания» представлена републикацией малоизвестных мемуаров Анаиды Худавердян «Встречи с поэтом», в свое время печатавшихся в «Литературной Армении», а рубрика «Современники» – материалами об Ароне Штейнберге, Степане Гамбаряне и Михаиле Рудермане.

В статейный блок вошли работы таких авторов, как С. Шиндин, В. Плунгян, М. Безродный, Г. Кубатьян, Ф. Успенский, В. Микушевич, Е. Сошкин, А. Жолковский, Д. Черашняя и О. Лекманов.

Как и в прошлый раз, «Венок Мандельштаму» содержит образцы разных жанров, в том числе и иронические.

Впервые в этом блоке внимание уделено зарубежным авторам (статья А. Ботниковой).

Что касается раздела «Varia», то на этот раз в него включены: фрагмент воспоминаний одного из главных «издателей» Мандельштама в «самиздате», Георгия Лесскиса (публикуемый его вдовой – К. Атаровой), рассказ о первом официальном вечере памяти Мандельштама в СССР – на мехмате МГУ в мае 1965 г. (в изложении его главного организатора В. Гефтера), а также заметка П. Нерлера о первом в Европе вечере памяти О. Мандельштама, состоявшемся 4 июня 1989 г. в Цюрихе (с воспроизведением прозвучавших на нем кратких выступлений А. Синявского, А. Львова, С. Лурье, А. Битова, Б. Сарнова, Е. Эткинда и В. Войновича), мандельштамовская выборка из «Записей и выписок» М.Л. Гаспарова, выполненная О. Лекмановым, и перечень опубликованных изданий Мандельштамовского общества.

Напоследок отметим, что многие из публикуемых в настоящем выпуске материалов тесно связаны с подготовкой «Мандельштамовской энциклопедии», работа над которой продолжается.

Составители искренне благодарят всех авторов и публикаторов за участие в издании. Отдельная благодарность Л. Брусиловской, Н. Поболу и О. Шамфаровой за разнообразную помощь.

Следующий выпуск альманаха «Сохрани мою речь...» планируется посвятить памяти Надежды Яковлевны Мандельштам.

П. Нерлер, С. Шиндин, О. Лекманов, А. Еськова

¹ См. их полный перечень в конце настоящего издания.

² *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1–3 / Сост.: А. Никитаев и П. Нерлер; Т. 4 / Сост.: А. Никитаев, П. Нерлер, С. Василенко, Ю. Фрейдин. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1997.

³ Не путать с тезоименным известным прозаиком. Подразумеваемый здесь Ю. Трифонов также писал прозу (под псевдонимом Юрий Кувалдин), в том числе повесть «Улица

Мандельштама». Он вошел в анналы мандельштамоведения еще и тем, что, будучи главным редактором многотиражки Московского автомобильно-дорожного института «За автомобильно-дорожные кадры», первым в СССР напечатал полный текст стихотворения Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...».

⁴ Как, впрочем, и сама серия!

⁵ Для истории книжного дела середины 1990-х годов: завершающая сборник статья Ю. Крохина «Взмах маятника. Об Осипе Мандельштаме и Иосифе Бродском» вставлена в сборник самим Ю. Трифоновым без какого бы то ни было согласования с составителями – пусть и не типичная, но характерная для нравов того времени деталь.

⁶ Подробнее см. в конце статьи П. Нерлера «Мифы и загадки мандельштамовского Воронежа».

Сокращения

В настоящем издании приняты сокращения:

МО – Мандельштамовское общество

Н. М. – Надежда Мандельштам

О. М. – Осип Мандельштам

IN MEMORIAM

Павел Нерлер

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ МОРОЗОВ
(1932–2008)

22 сентября 2008 г. не стало Саши Морозова, выдающегося человека и общепризнанно лучшего знатока и ценителя творчества Осипа Мандельштама. Он скончался в Москве, в больнице, от скоротечной лейкемии. Никогда не искал он общественного внимания и признания – скорее бежал от него, предпочитая ему чистую совесть, не запятнанную компромиссами. Следствиями стали короткая библиография и почти непререкаемый авторитет.

Александр Анатольевич Морозов родился 24 июня 1932 г. в Ленинграде – своим питерским происхождением и блокадным прошлым он всегда очень гордился. После войны семья переехала в Москву, где он закончил школу с золотой медалью. Поступил же в Ленинградский университет. Два года проучился на физическом факультете, но вернулся в Москву и закончил уже филологический факультет МГУ, одновременно русское и классическое отделения. Увлекался театром: в университетском театре пробовал себя как актер и как режиссер; любил шахматы (одно время даже работал в редакции журнала «Шахматы в СССР»).

Активный распространитель Мандельштама в самиздате, в начале 1960-х годов он познакомился и сблизился с Н.Я. Мандельштам и Н.И. Харджиевым. В 1967 г., когда между Надеждой Яковлевной и Николаем Ивановичем раз-

разился непримиримый конфликт, Морозов тяжело переживал ситуацию и старался не брать ничьей стороны. Именно тогда, в разгар конфликта, в издательстве «Искусство», где он работал, вышел его первый мандельштамоведческий труд – тщательно и любовно подготовленное и откомментированное им издание «Разговор о Данте». Годом позже, в «Краткой литературной энциклопедии» (т. 4) была опубликована его статья «Мандельштам О.Э.», вызвавшая сильный гнев и раздражение со стороны официального литературоведения. Примерно тогда же Морозов инициировал в издательстве «Искусство» издание томика Р.-М. Рильке в переводе В. Микушевича и К. Азадовского. В 1968 г. его уволили из издательства (сократили по суду) за то, что написал письмо в защиту А. Гинзбурга – Ю. Галанскова. После этого Морозов устроился шофером, развозил хлеб. Он умел многое делать своими руками, в летние месяцы, чтобы заработать на остальной год, ездил на шабашку (а позднее, когда шабашка стала ему не по силам, искал возможность просто пожить вне города, в гостях или в одиночестве на чьей-то пустующей даче).

Его занятия творчеством Мандельштама никогда не прерывались, но широкого выхода к читателю не получили: представления Морозова о подходящих случаю Мандельштама изданиях были настолько высоки, что список проектов, участвовать в которых он отказался, многократно превзошел бы его лаконичную библиографию. Строгий и нелюдимый с коллегами, он был откровенен и щедр в личном общении с ними¹, часто помогал справками из своей знаменитой картотеки или архива, а также максималистскими советами, следовать которым, как, впрочем, и не следовать, было невероятно тяжело. Он был единственным, кто соответствовал установленному им для всех уровню, но не было ни одного, на кого бы он так или иначе глубоко и серьезно не повлиял.

Те, кто слышал его самого и стихи Мандельштама в его чтении, никогда не забудут его дрожащего и взволнованного голоса, напряженного пересиленного шепота, его возвышенной речи и напряженно ищущей мысли, многи-

ми воспринимавшихся как эманации самого Осипа Эмильевича.

¹ Публикация С.В. Василенко неизвестных материалов О.Э. Мандельштама из архива А.А. Морозова, равно как и републикация в настоящем издании воспоминаний А.А. Худавердян, – прекрасный тому образец.

Впервые: Toronto Slavic Quarterly. Nr. 26. Fall 2008. См.: <http://www.utoronto.ca/tsq/26/index26.shtml>

А. Морозов

БИБЛИОГРАФИЯ

1967

Мандельштам О.Э. Разговор о Данте / Послесл. Л.Е. Пинского; Подготовка текста и примеч. А.А. Морозова. М.: Искусство, 1967. 88 с.

1968

Морозов А.А. Мандельштам Осип Эмильевич // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. Ст. 568–570 (отклик: *Астахов И., Волков А.* В кривом зеркале литературной энциклопедии // Октябрь. 1969. № 2. С. 211).

Мандельштам О. Записные книжки. Заметки: Записные книжки 1931–1932 годов: 1. <Вокруг «Путешествия в Армению»>; 2. <Читая Палласа>; 3. Литературный стиль Дарвина / Вступ. заметка и подгот. текста И. Семенко; Записи разных лет: К статье «Франсуа Виллон» (1919); Об Ахматовой (1916); К «Заметкам о Шенье» (1922); Записи 1931 г.; К «Разговору о Данте» (1933); К радиокomпозиции «Молодость Гёте» (1935); Записи 1935–1936 гг. / Подгот. текста А. Морозова и В. Борисова // Вопросы литературы. 1968. № 4. С. 181–204.

1971

Морозов А.А. Реминисценция // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 6. Ст. 254.

1973

Морозов А.А. Письма О.Э. Мандельштама к В.И. Иванову // Записки Отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. 1973. Вып. 34. С. 258–262.

1979

Морозов А.А. О. Мандельштам в дневниках и записях С.П. Каблукова // Вестник русского студенческого христианского движения. 1979. № 3. С. 13–55.

1981

Шаламов В. Неизвестный солдат. Пятнадцать стихотворений // Вестник русского студенческого христианского движения. 1981. № 133. С. 115–119. (На с. 120 «Примечание [публикатора]» под акронимом «А.М.» о том, как записывались эти стихи и их интерпретация. Публикатор не обозначен.)

1982

Шаламов В. Стихи («Но разве мертвым холодна...» // Вестник русского студенческого христианского движения. 1982. № 136. С. 146. (Помета под публ. «Из неопубликованных стихотворений. Дата не установлена». Публикатор не обозначен.)

Шаламов В. Четыре неизданных рассказа [Экзамен. Белка. Чужой хлеб. Воскрешение лиственницы]: Памяти А. Ахматовой. Стихи // Вестник русского студенческого христианского движения. 1982. № 137. С. 192–207. (На с. 191 фото В.Т. Шаламова в Доме престарелых; на с. 207 фотокопия профсоюзного билета В.Т. Шаламова. Публикатор не обозначен.)

1988

Мандельштам О. Главы из автобиографической книги «Шум времени»: Хаос иудейский. Эрфуртская программа / [Вступ. ст. Р. Тименчика; Послесл. А. Морозова] // Даугава. Рига. 1988. № 2. С. 96–101.

Морозов А.А. История – биография – образ: Заметки читателя: [Послесл. к публ. глав из «Шума времени» О.Э. Мандельштама] // Даугава. 1988. № 2. С. 101–104.

1989

Мандельштам Н. Воспоминания / Подгот. текста Ю. Фрейдина; Послесл. Н. Панченко; Авт. примеч. и сост. раздела «Стихотворения О. Мандельштама» А. Морозов. М.: Книга, 1989. 479 с.

1990

Морозов А.А. Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938) // Русская литература XX века: Материалы для вып. кл. Смоленск, 1990. Ч. 1. 192–193.

А.А. Морозов. Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 77–85.

1991

Морозов А.А. [К 100-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама] // Памятные книжные даты–1991. М., 1991. С. 136–139.

Морозов А.А. [К 100-летию со дня рождения О. Мандельштама] // Русская мысль: Лит. прил. Париж, 1991. № 12. 28 июня. С. IV (Републ. статьи в: Памятные книжные даты. 1991).

Морозов А.А. Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 77–85.

Из архива К.И. Чуковского: Письма Н.Я. и О.Э. Мандельштам. Стихи 1935–1937. Приложение: Записи в дневнике К.И. Чуковского / Публ. и примеч. А.А. Морозова // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991. С. 34–49.

1992

Морозов А.А. Каннегисер Леонид Иоакимович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. сл. Т. 2: Г–К. М.: БРЭ, 1992. С. 461.

1994

Морозов А.А. Мандельштам Осип Эмильевич: [Биографическая статья] // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. сл. Т. 3: К–М. М.: БРЭ, 1994. С. 505–510.

1996

Морозов А.А. Памяти Н.И. Харджиева. 10 июня в Амстердаме скончался блестящий исследователь классического русского авангарда Николай Иванович Харджиев // Литературная газета. 1996. № 26. 26 июня. С. 6.

1999

Мандельштам Н. Воспоминания / Подгот. текста Ю. Фрейдина; Предисл. Н. Панченко; Примеч. А. Морозова. М.: Согласие, 1999. 552 с.

Мандельштам Н. Вторая книга / Подгот. текста С. Василенко; Предисл. и примеч. А. Морозова. М.: Согласие, 1999. 750 + хvi с.

Морозов А.А. «Без покрова, без слюды...»: Вместо предисловия // Мандельштам Н. Вторая книга. М.: Согласие, 1999. С. I–XVI.

Морозов А.А. Об «ангеле воруящем» и многом другом // Наше наследие. 1999. № 49. С. 122–123. Рец на кн.: *Герштейн Э.* Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 998. 528 с.

2000

Записка О.Н. Арбениной / Публ. А. Морозова // Сохрани мою речь: Зап. Манделъштамовского об-ва. М., 2000. Вып. 3, ч. 1. С. 17–18.

2002

Манделъштам О. Шум времени / Предисл. А. Битова; Примеч. А.А. Морозова; Подгот. текста С.В. Василенко и А.А. Морозова. М.: Вагриус, 2002. 301 с.

2006

Морозов А.А. К истории «Стихов о неизвестном солдате» О. Манделъштама // Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ, 2006. С. 425–441.

Составление П. Нерлера и Н. Поболя

А. Морозов

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

<Энциклопедическая статья>

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Реминисценция (от позднелат. *reminiscentia* – воспоминание, припоминание) – в худож. произведении (преим. поэтическом) к.-л. черты, наводящие на воспоминание о др. произведении. Р. обычно рассматривается как бессознат. заимствование автором чужих образов или ритмико-синтаксич. ходов, что чаще всего бывает следствием т. н. ритмической памяти. Пример: «Чтоб встать он из гроба не мог» (М.Ю. Лермонтов); «Чтоб он, воскреснув, встать не мог» (А.А. Блок).

Интересен случай Р. как сознат. поэтич. приема, рассчитанного на память читателя. Заимствованные элементы, намекающие на творчество др. автора, вызывают у читателя сложные ассоциации, обогащают восприятие произведения. Такова, напр., у А.С. Пушкина строка Г.Р. Державина «Языком сердца говорю»; в «Евгении Онегине» описание могилы Ленского ассоциировалось в памяти современников с популярной элегией Ш.И. Мильвуа; нек-рые другие Р. раскрыты Пушкиным в примечаниях к роману. У Блока: «...Крылами бьет беда, И каждый час обиды множит» – Р. из «Слова о полку Игореве». «О, эти дальние руки!» (Блок), «Вы, с квадратными окошками...» (О.Э. Мандельштам) – сознат. на-

мек на творчество И. Анненского (стихи «Дальние руки», «Квадратные окошки»).

Пример тонкой Р. из Пушкина:

...И подруги шалунов
Соберут их *легкий пепел*
В урны праздные пиров.
(А.С. Пушкин)

...Я же легкою рукою
Размету твой *легкий пепел*
По равнине снеговой.
(А.А. Блок)

...И блаженных жен родные руки
Легкий пепел соберут.
(О.Э. Мандельштам)

Лит.: Томашевский Б., Пушкин – читатель франц. поэтов, в кн.: Пушкинский сб. памяти проф. С.А. Венгерова, М. – П., 1922, Бобров С., Заимствования и влияния, «Печать и революция», 1922, № 8; Квятковский А., Поэтич. словарь. М., 1966.

Краткая литературная энциклопедия. М.: БСЭ. 1971. Т. 6. Ст. 254.

<Эссе>

ИСТОРИЯ – БИОГРАФИЯ – ОБРАЗ ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

Петербургского мальчика везут к дедушке с бабушкой в Ригу¹, все равно как нового Багрова-внука из города в фамильную деревню, с такими же длинными сборами; густая патриархальность чужого ему прародительского дома, а рядом распахнутый мир морского побережья, застывший на ветру, как паутина, весь в тоненьких квадратиках социального и племенного устройства...

Тем кончается глава, в которой раньше рассказывалось о ближайшем родственном окружении мальчика, о еврейском квартале в Петербурге (не гетто, которого в России не существовало), о посещениях синагоги. О чем же – «Хаос иудейский»? Названием служит образ, но образ, прямо не выводимый из содержания рассказа, а входящий в него строительным элементом, реализуемый в нерасторжимом, как всегда у Мандельштама, контрастном сочетании. Тем, может быть, важнее себе мысленно представить, хотя бы условно, какую собственную реальность имеет этот один из самых главных в поэзии и прозе Мандельштама формообразующих образов. Очевидно, «хаос» сгущается на том жизненном полюсе, где ему отвечают понятия типа вечного бытия или мира вещей. Изобилие, бесструктурность, сопринродная физиологическая органика – ему свойственны. У него множество степеней и качественных состояний, неодинаковых в разных укладах жизни, но всем одинаково присущих, в еврейском же обиходном иудаизме он образует свой, **родимый** для Мандельштама, омут. Ясно, что ни к «тяжелой книге» еврейской Библии, ни к другой истории евреев, например той, что открывалась ребенку в причудливом характере речи отца, – «хаос иудейский» отношения не имеет. Как Быт (не Бытие) он противостоит любой истории, – как писал много позднее Мандельштам, в том вечном, что к нему относится, нет «вчерашнего дня... а есть только очень древнее и будущее» (в письмах к отцу, недавно опубликованных «Новым миром»).

«Очень древнее» можно понимать – как сама материя. И слово «иудейский» в этом «древнем» смысле войдет в состав многих образов Мандельштама – каждый раз далекое от тождества с какой-либо национальностью.

Какой же образ концентрируется вокруг положительного для Мандельштама полюса исторической жизни? В приводимой главе как тема он почти не затрагивается, но все равно незримо присутствует фоном. Именно «гранитный город славы и беды» кладет на все свою тень, дает всему контраст, разводит по полюсам и соединяет в одно. Разлив открытых гласных в речи матери – как фон широкой реки, на

котором воспринимается уже подростком мальчиком «дивное равновесие» гласных и согласных в еврейских песнопениях. Он же («широких рек сияющие льды» – Ахматова) – фон, на котором происходит раннее постижение будущим поэтом тютчевского «эолийского» строя (с его «разливом открытых *a*» в альпийских стихах, – об этом в другой главе «Шума времени»). Но вот главное, уже **сюжетное**, из чего возникает контраст. В образе вознесшегося «из топи блат» города зримо реализуется для Мандельштама знаменитая тютчевская антитеза: «Весь стройный мираж Петербурга был только сон, блистательный покров, накинутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал».

Мираж... Само слово выдает зависимость этого отрывка от другого знаменитого видения, тоже словно наяву реализующего метафору поэта. Видения Достоевского на тех же невских берегах, о котором великий писатель потом говорил, что с него началось все его существование. Различие, может быть, в том, что у Мандельштама приговор над прозрачным городом («я всегда ощущал “старый мир” как нечто законченное и обреченное», – напишет он в 1928 г.) выносится как бы по праву самого рождения, от прирожденного еврейскому мальчику знания об окружающем материальном «хаосе». Роковая неизбежность здесь соединима с последним, трепетным, как пух, ощущением жизни. Это роль судьбы и особо жалостливого свидетеля, столь многое помогающая понять в будущем отношении Мандельштама к революции. На уровне поэтики, и с той же двойственностью, она будет участвовать в создании его «скорбной книги» («*Tristia*»). Здесь важно, что именно от соприкосновения с историческим (то есть «созданным»), не соприродным миром возникло у петербургского мальчика щемящее чувство родины, о чем так пронзительно рассказано в предшествующих «Хаосу иудейскому» главах («нежное сердце города, с разливом площадей, с кудрявыми садами, островами памятников, кариатидами Эрмитажа...»)².

В главе «Эрфуртская программа» действие также заканчивается на латышских землях вблизи Риги – в романтическом Зегевольде (Сигулда), среди обрывов, старых дубов, рыцарских замков и заброшенных в лесу кладбищ. Пейзаж у Мандельштама «остранен» памятью об утонувшем в обрывистой речке, «достигшем преждевременной зрелости» поэте, чьи стихи звучат, «как лес шумит под корень». Образ подразумевает звучание длинных, обремененных символическим восприятием, романтических строчек, – но почему они шумят **под корень**? И почему «по духу» ближе к погибшему (были толки – добровольно) Коневскому, чем эпохальным романтикам круга Жуковского, оказывается в тот **1906 год** (время действия главы) пятнадцатилетний школьник с Эрфуртской программой в руках? Ответ у Мандельштама («потому что») всего лишь пунктир в общей смысловой ткани образа. Он строится по законам поэтики «Разговора о Данте», когда «надо перебежать через всю ширину реки, загроможденной подвижными и разноустремленными джонками... Его, как маршрут, нельзя восстановить при помощи опроса лодочников...». И все же надо принять ответ Мандельштама и в его прямой функции, со всей беспощадностью вывода, из него проистекающего, и даже собрать относящиеся к нему в «Шуме времени» другие свидетельские показания. Отправной образ тут – революция (название главы всего лишь образная метонимия), а она, сказано в другой главе, «сама жизнь и смерть... она не примет ни одной капли влаги из чужих рук».

Итак, поэт, ознаменовавший ранней смертью свой природно-романтический мир (и, кстати, создавший один из апокалипсических образов Петербурга), оказывается в 1906 г. близким школьнику с Эрфуртской программой в руках, сумевшему этот «зримый мир с ячменями, проселочными дорогами, замками и солнечной паутиной» рассеять марксистскими схемами, пересоздать, социализировать и заново населить (да и что сделали для революции эти «источники бытия»? – продолжая цитату из другой главы. – «Куда как равнодушно текли их круглые волны!»). Собственно марксизм здесь мало при чем. Уж если не одно родовое гнездо,

и то материальное, что губительно отзывалось на нежной душе города, а весь зримый мир явлен «хаосом иудейским» (однако природа в этом контрастном описании окрашена тоже ностальгически), то мировоззренческую подоснову для его «чистого» отрицания нужно отыскивать в том общем повороте в сторону от бытийственного онтологизма, который известен как неокантианский рубеж столетия. К России он имел самое непосредственное отношение, особенно если вспомнить, какой процент обучавшихся в немецких университетах молодых русских составил ядро тогдашних эсеро-террористических кадров. Взрывы эсеровских бомб, потрясшие в начале столетия людское воображение, еще найдут свое место в ранней биографии Мандельштама³, пока же «любимый ученик Канта», каким его знают в школе, вернется после эрфуртского лета в свой последний класс «совершенно готовым и законченным марксистом». Но ощущение «покрова над бездной» уже приравнено в этой главе **мироощущению**, и – не Каутский, так другой – а главное, Тютчев все тот же «источник космической радости», «мыслящий тростник» над хаосом бытия, а в числе других важных источников, очевидно в силу придачи личностного напряжения этому космическому чувству, указано житие Аввакума.

Для поэта проза может быть проверкой его метафорического строя. Здесь **как** проходит испытание на **когда**. Для Мандельштама, написавшего свои записки, стало ясным, что, «лишь прислушиваясь к нарастающему шуму века» и претворяя его в своей биографии, поэт (у Мандельштама «мы») обретает свой язык. Что хотела поэту сказать семья, чего ждала от него людская забота, он не знает. Его личная память ему враждебна, она занята «не воспроизведением, а отстранением прошлого». Это же, объясненное у Мандельштама его позицией нового различинца, – можно понять иначе. Собственная память враждебна автору потому, что шумящее время, в которое он вырос, – та же бездна, образующая тот роковой **провал**, в который рухнули его родовые семейные связи. Но семья, понимаемая не в смысле прямо-

го родства, а в смысле для Мандельштама благоприобретенном, знаменует у него тот мысленный «пир отцов», за которым стоит весь «разбившийся, конченный, неповторимый» девятнадцатый век русской культуры, от которого на положительном полюсе осталась разве фигура одинокого артиста, зажатого немим полукружием хора. Из огненного рва времени этот безумно роскошный пир «Багровых-внуков» с их семейственными воспоминаниями предстает истинным пиром во время чумы, где дом когда-то был полная чаша и откуда все еще доносится, – продолжая сборно цитировать недостающие места «Шума времени», – «произносимая всегда, казалось в последний раз, просьба: “Спой, Мэри”».

От того же лета 1906 г., проведенного в Зегевольде, или, по крайней мере, от времени, к нему примыкающего, до нас дошли, может быть, самые первые стихи Мандельштама. Тогда в прибалтийских губерниях еще догорал 905-й, здесь превосходивший своим ожесточением все, чего бы ни было в тот год страшного. В главе скупыми красками рисуется эпилог одного из повсеместных там крестьянских восстаний, но того ли, о котором повествуется в стихах, нельзя сказать с уверенностью, – написаны они явно не «памятью зрения». И хотя уланы с пиками – тогдашний по времени образ карательных экспедиций в Прибалтике, значение его у Мандельштама – символическое. Стихи поражают именно напряженной символизацией действия, в конце приобретающего зловеще профетический оттенок, что уводит их далеко в сторону от народнической традиции («Блок уже был прочтен» – замечено в «Шуме времени»). Впрочем, народническое чувство в этих стихах неподдельно, а если говорить о традиции, то она восходит непосредственно к первоисточникам (Некрасов, «Вырыта заступом яма глубокая...» Никитина). Финальные же строки каждого стихотворения, в силу присущего им контрастного сопряжения, таят в зерне поэтику будущего Мандельштама времени даже не «Камня», а следующего.

- ¹ Латышско-литовские земли, старая Курляндия (местечко Жагоры Шавельского уезда) со всей далекой округой – фамильная родина О. Мандельштама. Сам поэт родился в Варшаве, родители поженились в Двинске. В 1894 г. коммерческая карьера отца (отнюдь не самая удачливая) привела семью сначала в дворцовый Павловск, потом в Петербург. Первым «сознательным и ярким» впечатлением, оставшимся в памяти трехлетнего ребенка, были, о чем рассказывается в «Шуме времени», черные от темноты улиц толпы народа, ожидающие в ночь траурный кортеж предпоследнего самодержца. В Ригу, уже школьником, Мандельштам ездил с родителями в 1901 г.
- ² Прежде чем перейти ко второй из приводимых глав, – об одном упоминании в этой, через которое как бы перекидывается мост назад от будущей революционной темы: за десять лет до рождения сына отец Мандельштама как нарочно попадает в Петербург, чтобы запомнить, откуда шел минный подкоп, обнаруженный спустя несколько дней после 1 марта 1881 г. (накануне не нашли при обыске!). У Мандельштама здесь, видимо, сознательно оставлена ошибка, характерная для его работы «с голоса»: лавка «Кобозевых» была не на Караванной, а на Малой Садовой улице (в доме на углу Караванной и Невского был арестован Желябов).
- ³ Действие «Шума времени» завершается поездкой Мандельштама в Райволу (Финляндия) в следующем, 1907 г., где в присутствии самого Гр. Гершуни он готовится вступить в боевую организацию партии эсеров. «Ночное солнце нового Аустерлица» – конспиративная коптилка в ореоле огненных вспышек – отложится потом в образных глубинах его поэзии.

Даугава. 1988. № 2. С. 101–104.

<Эссе>

«НЕТ, НЕ МИГРЕНЬ...»

– Нет, не мигрень, – но подай карандашик ментоловый, –
Ни поволоки искусства, ни красок пространства веселого!

Жизнь начиналась в корыте картовою мокрою шёпотью,
И продолжалась она керосиновой мягкой копотью.

Где-то на даче потом в лесном перелете шагреновом
Вдруг разгорелась она почему-то огромным пожаром
сиреневым...

– Нет, не мигрень, – но подай карандашик ментоловый, –
Ни поволоки искусства, ни красок пространства веселого!

Дальше, сквозь стекла цветные, сощураясь, мучительно
вижу я:
Небо, как палица, грозное, земля, словно плешина, рыжая...

Дальше – еще не припомню – и дальше как будто оборвано:
Пахнет немного смолою да, кажется, тухлую ворванью...

– Нет, не мигрень, – но холод пространства бесполого,
Свист разрываемой марли да рокот гитары карболовой!

О. Мандельштам. 1931 год

«Я не знаю, кто ты и как сюда сошел, но поговору ты мне
кажешься настоящим флорентийцем. Ты должен знать, что
я был Уголино...»

*Из Данте. Приводится в «Разговоре
о Данте» О. Мандельштама*

Людей с чрезвычайно обостренным чувством обществен-
ственных потрясений – чувством тревоги, когда-то назы-
вали английским словом «дисплэстик». В стихах Мандель-
штама тревога живет всегда, сопровождаемая сокрушитель-

ной реакцией поэта на губительные перемены во времени, – словно потрясен весь физический состав человека, словно утрачен воздух, которым человек дышал до тех пор. И может быть очень личным переживание поэта, как может быть случайным то, что было к нему поводом, тем даже сильнее, пронзительнее проявится возникающее по необъяснимой связи с целым мятущееся ощущение гибели.

И не в этом ли суть наших самых ранних, самых детских ностальгических воспоминаний?..

Жизнь начиналась в корыте картовою мокрою шёпотью...

Общая линия его стихов хронологична – другого порядка их расположения он не знал. И ни у кого из великих «поэтов рубежа» водораздел эпох «до» и «после» не образует такого личного ранящего сюжета, не протянут так непосредственно в биографическое время – в нечто, происшедшее *до* и ставшее *после* с самим художником. Мы будто присутствуем при созидании и крушении его собственного «храма». Свершавшееся и совершившееся в историческом времени отражено на глубине личного свидетельствования, что делает фактом само понятие конца.

...Весной 1931 г. писался «волчий цикл». В череде губительных событий времени, отравляющих воду и небо по извращенной сути происходящего, – процесс над бывшими и мнимыми меньшевиками. Не должно исключать политическую газету из комментариев к мандельштамовским стихам (вспомним: «комментарий, разъяснительный, неотъемлемая структурная часть самой Комедии» – так писал он о неистовом Данте). В меньшевизме была своя судьба революции. Многих из этих социалистов поэт знал. Он не мог забыть, как в июне 1918-го, в день чистки Советов, видел их, пожимающих плечами: «Но почему лакеи?». – Это значило, что те, другие, с самого начала пользовались краплеными картами.

Так вот это, с «последней прямою» сказанное: «Все лишь бредни, шерри-бренди, ангел мой!» – на второй день процесса.

Революция в сознании Мандельштама, изначально заряженным чувством конца, – сама непоправимость. С ее приходом кончается век русской культуры и само историческое время как бы прекращает свой ход («это конец исторического процесса» – о том же записано у Блока в январе 1918 г.). Речь идет о судьбе христианской эры. В оде Мандельштама уходящему времени «Нашедший подкову» (1922) – читаем:

Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу.

Спасибо за то, что было:

Я сам ошибся, я сбился, запутался в счете.

Эра звенела, как шар золотой,

Полая, литая, никем не поддерживаемая...

Как у Гоголя, парящий золотой купол храма в зените времени: «казалось, висело на воздухе ничем не поддержанное, сверкавшее горящими червонцами золото» –

...На всякое прикосновение отвечала «да» и «нет».

Поэт высоко ценил знаменитую книгу Флоренского о Церкви. В ней он выделял главу, трактующую тему предельности сущего. Глава называется «Сомнение». Вот встречная образам Мандельштама цитата из нее, приводимая только лишь в доказательство совпадения ощущений, возникавших у сопереживателей зреющих в историческом воздухе и уже творимых губительных перемен: «...я вхожу в последний круг скептического ада – в отделение, где теряется самый смысл слов. Слова перестают быть фиксированы и срываются со своих гнезд [у Мандельштама: “Всё трещит и качается... Ни одно слово не лучше другого”]. Всё превращается во всё [у Мандельштама: “Все хотят увидеть всех” – в позднем стихотворении], каждое слово-сочетание совершенно равносильно каждому другому, и любое слово может обменяться местом с любым. Тут ум теряет себя, теряется в безвидной и неустроенной бездне. Тут носится горячечный бред и бестолочь <...>. Бредовый хаос клубами вырывается с этой предельной границы разума, и все-пронизывающим

холодом ум умерщвляется [“холод пространства бесполого” у Мандельштама]. Тут, за тонкой перегородкою, – начало духовной смерти. И потому состояние предельного скепсиса возможно лишь в мановение ока, чтобы затем... погрузиться в беспросветную ночь отчаяния, откуда нет уже выхода и где гаснет самая жажда Истины» (Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М., 1914).

Итак, «Нет, не мигрень...». Утраченное было стихотворение той же весны 1931 г., что и «волчий цикл», и, очевидно, к нему принадлежащее. Оно лежит за пределами прежнего эсхатологического сознания. Выход в пространство времени, лишенное всех своих качественных определителей, всех сравнительных красок бытия: «холод пространства бесполого» – что это как не крайний рубеж уже свершившейся в одночасье катастрофы? («За короткий выморочный день», цена которому всё живое – так в будущем стихотворении «Ламарк», где исторический крах приравнен геологическому катаклизму.) «Рокот гитары карболовой», гул вечного небытия в обстановке операционной палаты довершают жизнь после конца.

...А что случилось с музыкой, дарующей рай «распростертому в уныньи и в пыли» поэту? Той даже роковой, запредельной, что некогда пронзила его стихи ощущением бездны и в «поперечном разрезе звучности» явила петербургскому поэту закатное солнце империи, а потом обернулась в «советской ночи» нежной любовной Психеей и в радости певучего «блаженно-бессмысленного» слова расплавила скорбный закал его стихов? Наступившая явь, во всякий раз грозя гибелью, сама уходила в великое ничто, – без пауз, без пространственных и временных интервалов. Как было совладать с этой «воздушной могилой» тому встревоженному музыканту...

Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть, –

сказано будет потом. А что теперь? Томительно-безнадежный рокот гавайской гитары, этот слышимый в стихах «вол-

чьего цикла» аккомпанемент, под который поэт выхватывает из прожитой жизни что ему оставила тускнеющая память в цвете, вкусе, запахе, сам ужасаясь несозвучности всего этого мировому оркестру.

Сонным обзором я жизнь воскрешаю, —
Сгинь, поволока искусства:
Мне стыдно, мне сонно и солово —

начинается стихотворение «Нет, не мигрень...» в черновике.

За концом стихотворения, может быть, останется место чему-нибудь, объясняющему у Мандельштама истоки его «вспоминательных» образов. В самом раннем детстве, где-то на лесной даче под Вырицей, случилось: он «очнулся и начал жить». Но огромный *«пожар сиреневый»* — не блоковские ли это «лиловые миры» первой русской революции? «Мальчики 905 года» из автобиографической прозы Мандельштама, они шли в революцию, «как Николенька Ростов в гусары». А дальше? В конце 1914 г. санитаром едет Мандельштам на войну. «Небо, как палица, грозное» — в аэростатах загражденья, а на земле, в перевернутом небе, — «плешина рыжая» окопов. Горящие предместья Варшавы, города, где он родился. Но когда запахло дьявольским — *«смолою и тухлою ворванью»* и стало *«как будто оборвано»*? Сомнения нет, в гражданском Петрограде перед последней революцией. У Блока в дневнике за 1917 г., после июльских дней, записано: «...пахнет дымом и какими-то морскими бочками». Чем не параллель?

...Послереволюционной явью было создано в стихах Мандельштама новое временное пространство, та безвидная, потерявшая твердь, вселенная, «семьянином» которой готовился стать поэт в последний год жизни.

Но окончилась та переключка
И пропала как весть без вестей,
И по выбору совести личной,
По указу великих смертей
Я — дичок, испугавшийся света,

Становлюсь рядовым той страны,
У которой попросят совета
Все, кто жить и воскреснуть должны,
И союза ее гражданином
Становлюсь на призыв и учет,
И вселенной ее семьянином
Всяк живущий меня назовет.

(«*Стихи о неизвестном солдате*». Вариант)

Но в 1931 г. этой новой вселенной был задан образ от противного – в реальном пространстве природных стихий, существующем от века, где в «*жаркой шубе сибирских степей*» поэт встретит *равный себе* приговор от высших сил мироздания. Так утверждается в центральном стихотворении «волчьего цикла» – «*За гремучую доблесть грядущих веков...*», – в этом знаменитом ныне романсе, что поет под гитару человек из революционной толпы 1917 г.

Памятные книжные даты. 1991. М.: Книга, 1991. С. 136–139.

<Рецензия>

ОБ «АНГЕЛЕ ВОРУЮЩЕМ» И МНОГОМ ДРУГОМ

Герштейн Э. Мемуары.

СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 528 с. Тираж не указан.

Сборник воспоминаний Эммы Григорьевны Герштейн – книга, принципиально не выходящая за пределы памяти, тем более она не оставляет места ничему придуманному. Но это проза, и проза большого мастера-художника, умеющего одним поворотом пера обратить свидетельства

памяти в зримые приметы времени. Книга, героями которой наряду с автором, тогда – в тридцатые годы – начинающим литературоведом, выступают Ахматова и ее сын Лев Гумилев, Мандельштам и его подруга [и] жена Надежда, уже потому не может не вызывать обостренного и во многих отношениях насущного интереса.

По сути это дневниковая проза (в отсутствие дневника) – жанр достаточно давний (вспомнить «Старую записную книжку» П.А. Вяземского), но в последнее время, с развитием эссеистики, обновляемый («Дневник» Евг. Шварца, проза Ан. Наймана об Анне Ахматовой). Преимущества его, у Э.Г. Герштейн означенные особенно явно, заключаются в самих свойствах памяти. Действительно, ни один самый подробный дневник не донесет того, что в поле сознания вступает лишь со временем, – «околичности» эпохи, ее сопровождение, наличный аккомпанемент – от реплики случайного прохожего до выражения глаз близкого человека. В памяти как в лучших стихах: вдруг обнаруживаешь, что в ней «заветных заметок не счесть».

Такое можно было только вспомнить об Ахматовой, не записать тогда же (вот когда понимаешь выражение «алтарь памяти»): *«Она идет своей странной неуверенной походкой, как бы отгороженная чем-то надежным от торопливо проходящих мимо чужих людей. Я почувствовала, что люблю ее. Это так легко определить, когда неожиданно видишь родного тебе человека на улице, в толпе. Он кажется таким беспомощным... затолкают, переедут... Неужели они не видят, что с ним надо бережно обходиться?»*

Э.Г. Герштейн не из тех мемуаристов, что прячут свое лицо, – да и как может быть иначе, память ведь тоже лична, – скорее можно говорить, что автор не прибегает ни к чему искусственному, чтобы его затушевать. Стиль, освобожденный этим от всего наносного, приобретает исключительную цельность, неженскую твердость. Автор точно режет по стеклу. Нить окликаемого времени то закручивается в нечто вроде романа («Вблизи поэта»), то свивается в более ровное течение повести, но течение это – адов поток Хроноса. «Лишняя любовь» вводит в книгу историю любви автора и

Л.Н. Гумилева, в будущем знаменитого ученого, а тогда начинающего узника лагерной системы. Но в основе своей это одно из самых пронзительных на свой лад повествований о страшных в своей железной пустоте тридцатых годах – из тех вещей, которые надо не разбирать, а читать (о годах войны уже другое – по чувству и наполнению не всегда оправданное, рассказ сбивается, и жаль, что эта часть «повести» не стала чем-то от нее отдельным).

«...я с тех пор и подумать не могла о прогулке на теплоходе по великой реке...» Одних этих слов в их прямом и символическом смысле достаточно, чтобы дать конечное заключение эпохе. В чувстве, заставляющем этот вывод сделать, залог нашего отрешения от нее.

Среди главных героев книги двое высоких, спасающих звание человека, поэтов. Читая о них, неизбежно сверяешься мыслью с тем, что уже вынесено тобой из чтения этих поэтов, что знакомо по другим воспоминаниям о них или почему-либо известно тебе. Коллизии не возникает, когда читаешь у Э.Г. Герштейн всё написанное ею об Ахматовой. Заново переживаешь ахматовскую легенду, лишь убеждаешься, что легенда до малейших подробностей верна действительности. Э.Г. Герштейн – мастер детали, высвечивающей необычайное в обыкновенном, будь это передача простой, не афористической, однако точно интонированной фразы Ахматовой. Необычайна тут высокая естественность реакций, их моментальность, нешуточная непридуманность – в сущности, просто свойство благородного человека, отличавшее Ахматову в условиях, когда после 17-го года об этом достоинстве и памяти почти не осталось.

С семьей Мандельштама и с ним самим Э.Г. Герштейн дружила с 1928 года. Отсутствие жизненной дистанции между ними (одна глава воспоминаний называется «Перечень обид») способствует тому в ее книге, что можно назвать сознательной дегероизацией образа. С Надеждой Яковлевной Мандельштам в самые последние годы ее жизни возникло состояние вражды, дружба перешла в неприязнь, образ, не теряя в узнаваемости, вышел отрицательным. Нет ли здесь противоречия в методе, имея в виду собирание черт

почему-либо отрицаемого человека в некое художественно замкнутое целое – тип? Плохо, когда художественное качество отдает ядом. Уже не говоря о том, что «правда-матка», стоящая за каждым человеком («я правду о тебе порасскажу такую...»), никогда не могла и не может возместить собой всю правду образа. Да, какие-то страницы «Мемуаров», связанные с именем Н.Я. Мандельштам, одиозны – не столько из-за их неприкрыто личного характера, сколько обличающего тона (где уместна горечь). Но в этом читатель может себе только признаться, не вынося приговора автору, одному из немногих, исключительных людей пассионарного строя, с системой ценностей, далеких от безразличного объективизма. Пусть будет такое оправдание «от противного», тем более что имя Н.Я. Мандельштам в защите не нуждается.

В своих литературоведческих трудах (ссылаясь особенно на статью в альманахе «Лица», № 6) автор «Мемуаров» склонен подчеркивать особое значение экзистенциальных моментов в судьбах великих поэтов. В истории гибели Пушкина место последней реальности занимает факт убийства. Исследователи, замечает Э.Г. Герштейн, часто забывают, что дуэль была (рассуждая о словах Пушкина, вырвавшихся у него во время и сразу после поединка, забывают, что это слова смертельно раненного человека и что если хватает обсуждать их с евангельских позиций, то нельзя же забывать, что само Евангелие сверхэкзистенциально). Запись д'Аршиака: «parfait» (совершенно, безукоризненно) – о поведении Пушкина на месте дуэли – покрывает собой все до и во время случившееся. Таков этот жизненный подход к биографии поэта, избираемый Э.Г. Герштейн вслед за Ахматовой, подход, безусловно возвышающий звание литературоведа. Применяя его, можно представить себе поведение Гамлета (не Гамлета, так Пушкина, Мандельштама) адекватно отвечающим трагическому содержанию жизни, в этом смысле оно совершенно естественно – parfait, не могущее быть иным. Про стихи Мандельштама можно сказать, что они тем и отличны – своей экзистенциальной, «поведенческой» сущностью, этим приближаясь к значению документальных свидетельств о состоянии и поведении поэта, пошедшего

на смертельный диалог с властями. Если нужен пример, он дан в замечательном разборе стихотворения о «трамвайной вишенке», производимом Э.Г. Герштейн в «Мемуарах» (с. 439–440). Любые рассуждения в духе теории «лирического героя» показались бы тут голосом пушкинской черни. Вообще замечательно умение автора ставить великие стихи в единственно возможный для них контекст времени конкретного и общего, с преобладающим, как у Мандельштама, значением именно конкретного времени. Отсюда подчеркиваемая Э.Г. Герштейн важность детали – точно прокомментированная в стихотворном контексте, реалья времени в состоянии вызвать у читателя чувство новизны, способна изменить в его глазах сложившийся образ стихотворения, даже изменить его общий смысл.

Отношениям с Мандельштамом отведено в книге центральное место («Вблизи поэта»). Большинству современников поведение этого человека в жизни казалось не отвечающим образу большого поэта. Если стихи Ахматовой – это Ахматова, то стихи Мандельштама, казалось, принадлежали неведомому его гению, а не ему лично. Сложилась своя мандельштамовская легенда. Многое, о чем рассказано в книге, на вид не разрушает стереотипа, но позволяет заглянуть глубже – увидеть в поведении поэта нечто отвечающее его умонастроению в советские годы. Известны его слова: «Теперь надо виλλονить» (от имени Франсуа Вийона, в стихах Мандельштама «ангела ворующего»). «Теперь» – когда настало такое время. Поразителен творческий феномен Мандельштама – слияние в его стихах и жизни времени исторического и личного, когда происходящее вовне переживается как крушение собственного «храма». В тридцатые годы вступают в силу образы, замешенные на отрицаемой физиологической основе, – немыслимые прежде у автора «целомудреннейших стихов» (так когда-то отозвался о стихах «Камня» С.П. Каблуков). Рубеж ставшего во времени невозможным обозначен у Мандельштама сразу после революции («всё не о том прозрачная твердит, всё – ласточка, подружка, Антигона...») – отпал мир «европеянок», – а чем это сознание обернулось в событиях личной жизни поэта,

читатель вынесет из книги. Но главное, без чего не было бы Мандельштама, своим существованием «физиологический ряд» в его поздних стихах (до «червей» и «жирных пальцев» включительно) обязан сохранению идеального полюса в других стихотворениях, создававшихся параллельно и рядом. Сила вживания в отрицаемый ряд равна силе отворачивания от него. О Мандельштаме Ахматова однажды обмолвилась как о великом *советском* поэте, сумевшем запечатлеть новое бытие, очевидно, благодаря силе своего переживания за будущее людей.

Каким же был он на самом деле, этот поэт? К синтетическому суждению о его личности Э.Г. Герштейн, к сожалению, подходит не с высоты пушкинской формулы («И меж детей ничтожных мира...»), а выражая достаточно распространенный (например, в кругу современников Лермонтова) взгляд, мешающий жизненный образ поэта с тем двойственным, демонически-житейским, что извечно присутствует в человечестве («и благородный, и предатель», он — «носитель высокого духа и низменных страстей»). Представлять себе дело таким образом — «в двух планах» (название давней книги В.В. Вересаева о Пушкине) совсем неверно, и, говоря о Мандельштаме, прежде всего потому, что это не содействует верному чувствованию его стихов. Стихотворение об «испуганном орле», приводимое Э.Г. Герштейн в доказательство своего вывода (с. 445), как раз говорит о неизбежном для поэта акте очищения от всего «слишком человеческого», хотя акт этот оказывается для него роковым. Кажется, что ближе всех к постижению личности поэта подошел Пастернак, сравнивший состояние мандельштамовской свободы («...завидую вашей свободе. Для меня вы новый Хлебников, и такой же чужой»), в каком только и могли быть написаны рвущие жизненные преграды стихи, с самым высоким, что есть в мире, — состоянием детства (в одном письме 1935 г.). Мандельштам из тех людей [и] поэтов, правда о которых скорее выскажет себя именно в героизированной биографии, где, по убеждению Ахматовой, «оправдан будет каждый час». Она им принадлежит по праву — в отличие от людей другого художнического склада,

как Пастернак, которые в ней просто не нуждаются.

...Книга Э.Г. Герштейн полна волнующего содержания, исчерпать которое невозможно. Размышления, сопутствующие ее чтению, поднимают читателя на высоту, на которой, ему кажется, он начинает что-то понимать.

Наше наследие. 1999. № 49. С. 122–123.

<Некролог>

Н.И. ХАРДЖИЕВ

Говорят, он был внутренне замкнут, закрыт для людей. Да, в своих работах, всегда локальных, строго приуроченных к теме, научно выверенных, в этом смысле даже сухих, он предстает одержимым страхом всего лишнего, всего того, что не говорит само за себя. Доходящее до мнительной подозрительности отвращение от всего возможно нечистого, от всяческой спекулятивности было его болезнью. Но как обратное вспоминается горячая доверительность его общения, убеждающая сила его интонаций, точность и художественная выразительность обуреваемых чувством словесных жестов...

Его мнениям свойственна особая авторитетность, столь убедительно заявившая о себе в областях, принадлежащих истории искусств нашего столетия (быть бы мне, признался он раз, директором музея современного русского искусства). И это меньше всего авторитет ученого имени. Это авторитет лица. За ним образ человека, не зарабатывающего на теме, а проявляющего себя биографически, «места и главы жизни целой отчеркивая на полях».

Такая авторитетность не покрывается голым перечнем созданного. Слово «заслуги» здесь может лишь покоробить. Лучше повторить за Р.О. Якобсоном: «На редкость чуткий к языку пера и кисти, неотступный верный летописец русско-

го культурного авангарда, неутомимый следопыт и бережный хранитель опытов и памяток мятежного прошлого, живо похороненных...». Это в сборнике «К истории русского авангарда» (Стокгольм, 1976), где Харджиев представлен, может быть, главной своей статьей «Поэзия и живопись». Высокая пассионарность (пусть будет это слово – не оно ли выражает свойство настоящего исследователя?), исключительность его пристрастий толкнули Харджиева избрать живым предметом своих занятий Матюшина и Елену Гуро, Ларионова и Гончарову, Малевича, Чекрыгина и других, таких же мятежно-страстных художников. О них многочисленными его, рассеянными по всему свету в труднодоступных изданиях заметки и публикации, каждая из которых науке необходима, каждую нельзя обойти.

В области языка не кисти, а «пера» это был рыцарь верный, в чистейшем, целомудреннейшем смысле Велимира Хлебникова. Со статьи 1933 года «Ретушированный Хлебников» началось вообще все, и не в это ли время сказал Мандельштам, что «у Николая Ивановича абсолютный слух на стихи» и что он хотел бы иметь такого редактора на свои сочинения? Потом книга «Неизданный Хлебников» в 1940-м. Изданием «пушкинского тома» любимого поэта, отменившим бы собой все другие, должно было бы все завершиться. Что рыцарю стали на дороге, не расступились, только всячески помешали, а в конце преступные государственные чиновники захватили, отобрали на таможне его личное оружие – архив, целиком на совести людей, и не скажешь равнодушно, что Бог нам всем судья.

В 30-е годы стоял коммунальный деревянный дом в Марьиной Роще. Послушаем только. «В день, когда я получила обратно посылку, “за смертью адресата”, – писала Н.Я. Мандельштам, – во всей Москве, а может во всем мире было только одно место, куда меня пустили. Это была Ваша деревянная комната, Ваше логово, Ваш мрачный уют». «Убежищем поэтов», «деревянной шкатулкой» называла Ахматова жилище «друга многих горьких лет» (здесь она виделась с Цветаевой в 1941 году, сказав по ее уходе: «А все-таки я перед ней телка», в 1938-м эта шкатулка пря-

тала Осипа Мандельштама).

А пишущий эти строки не может забыть одного рассказа Харджиева, как в 1937-м повстречались он и писатель Павленко. «Как дела, чем Вы занимаетесь, Коля?» «Хлебниковым», – отвечал более молодой собеседник. Павленко, «дико хохоча», уходит. «Может быть, Вы мне объясните, Александр Анатольевич, над чем он смеялся?»

В этом весь Харджиев. Его больше нет.

Памяти Н.И. Харджиева. 10 июня в Амстердаме скончался блестящий исследователь классического русского авангарда Николай Иванович Харджиев // Литературная газета. 1996. № 26. 26 июня. С. 6.

Републикации С. Василенко и П. Нерлера

ОБ АЛЕКСАНДРЕ МОРОЗОВЕ

Надежда Мандельштам

ИЗ ПИСЕМ К НАТАЛЬЕ ШТЕМПЕЛЬ

[22 марта 1963 года]

<...>

Саша, с которым вы разговаривали, делает чудеса – находит статьи, стихи и т. д. ... Вот мне его бог послал. И он поразительно понимает О.М. ...Вообще человек очень интересный. Вы решили, что это называется «не от мира сего»... Это скорее особая формация, очень традиционная и, по моему, сейчас очень уместная.

Мандельштам Н. Об Ахматовой. М., 2008. С. 321.

[1 марта 1964 года]

<...>

В очень плохом виде Саша. Почти безумный. Старики держатся лучше молодых.

Мандельштам Н. Об Ахматовой. М., 2008. С. 323.

[17 апреля 1964 года]

<...>

Саша, с которым вы разговаривали в Москве, нашел утерянную 40 лет назад и очень мной любимую вещь: плач по Алексею. Это для меня большая радость.

Мандельштам Н. Об Ахматовой. М., 2008. С. 327.

Павел Нерлер

ИЗ СТАРЫХ ДНЕВНИКОВ

17.XII.79.

Визит к А.А. Морозову.

Из его слов и высказываний:

«О. М. – последний поэт. Он провоцирует на любовь к поэзии, но только провоцирует. На самом деле – в нем главное – жизнь» (и этим он зарядился от него).

<...> Уже 10 лет как он отошел от архивов и вообще от литературы – а сейчас живет на деньги от летней шабашки и еще что-то переводит для церкви.

Ужасно обрадовался (буквально по-детски), узнав, что Н.Я. пойдет на Шуберта и вообще выходит куда-то.

<...>

Он говорил, что О. М. не Волошин и книги о нем у нас выходить не будут. Что он за это если и возьмется, то из долга перед собой – перед людьми он такого долга не чувствует. Но он боится, что это все не окажется литературой, а его больше интересуют не концепции, а сама жизнь (этим как раз он зарядился от О. М.).

Говорит, что в случае с О. М. заниматься чистым культтрегерством – пошло.

Что свое отношение и даже свой состав он мне уже высказал, возвращаться к этой теме не хочет и просит, что-

бы по этим вопросам я его не волновал. Надеется, что после прочтения письма Н.Я. к А.А. я кое-что понял, запомнил и воспринял.

20.1.80.

Визит к Морозову. Очень удачно застал его (визит спонтанный), т. к. к нему пришли друзья и зовут его покататься на машине.

<...> На «Разговоре о Данте» он – после долгих уговоров и безо всякого удовольствия – надписал «С памятью о великом поэте. А.М.» (Когда он взял ручку и приготовился писать, случилось знамение: перевернулась пепельница, и посыпались окурки).

14.6.[1980]

Итак, сегодня мой визит к Морозову.

Как я ни старался, уверенным я не казался ничуть. И, входя в дверь, даже малость волновался. Около трех часов общения – многое, конечно, уже забылось, а очень жаль. Поэтому отрывочно:

Главное – разговор об О. М. как о последнем поэте. Век с известью в крови – это XIX век, а не XX, как я думал, и сын века – не В[ячеслав] И[ванов], а О.Э. «Эта ночь непоправима, а у нас еще светло» – это резко все перестраивает и меняет.

Никакой поэтики ассоциаций, – а поэтика слепков, даже если хотите муляжей. Никакой полемики, а принудительность, сюжетность – вот, по Морозову, Мандельштам. Личное и временное сошлись в О. М. в точке перелома времени (плюс «гениальная поэтическая физиология О. М.» – выражение Морозова).

Я тогда спросил Морозова:

– Значит, О. М. – последний поэт?

М.: В таком понимании поэта – да!

Я: Но разве это же не было свойственно другим? Ходасевичу, например?

М.: Было, еще и Лившицу (Картв. Оды), но в гораздо меньшей степени.

Я: А после О. М. – что – поэзия прекратилась, поэтов не стало?

М.: Да, если угодно. А вы что, считаете свои стихи или Евтушенко продолжением поэзии?

Я: Я знаю поэтов и поэзию после О. М. и разве время единственная тема поэзии?

М.: После Мандельштама – да.

Я: А любовь?

М.: (он что-то ответил, а я не слушал, т. к. сам в это время думал, что для меня самого сейчас любовь не заквашенная на времени, не интересна в стихах).

Я: Ну, а Пастернак разве не поэт? Сам О.Э. так не считал <что Пастернак – не поэт. – П. Н.>.

М.: Это поэтичность. О. М. не отвечал ведь на письма Пастернака. Восхищение сменилось враждебностью, и, конечно, для О. М. это не стихи; если при всем потоке стихов – «Набрал в рот воды и молчит» (гениальное наблюдение, по моему. – П. Н.).

Я: Стало быть, после О. М. произошла некоторая девальвация поэзии.

М.: Ну мы не будем расценивать сейчас стихи. Впрочем, линия Пастернака, видимо, осталась – лирика и проч., а линия О. М. – христианская трагедия – оборвалась. Потому что О. М. говорил, что у него не может быть последователей.

И тут А.М. начал мне говорить, что во мне совсем нет понимания христианства (не религиозности, а христианства), понимания рамок жизни и смерти, чувства трагедии, без которых нечего и браться за О. М.

Еще он говорил, объединяя меня и Юру Трифонова, что для нас и вообще для нашего поколения О. М. вершина поэтичности, и более ничего – мы не чувствуем его феноменальность, его феноменальной судьбы (это верно, но не совсем).

Во всех случаях у меня, говорил О. М., выпархивают детали из целого, ему, Морозову, глубоко чуждого (вот, скажем, «хлеб» – так я выразился – пошло, по мнению М., относительно насущности книги для читателей или, по О. М., обывателей: «Хлеб должен быть чистый, – сказал М. – И не

всегда надо его есть, иногда надо уметь отказаться от хлеба». Вот и Кузин все время говорил про «хлеб» – и впрямь, это словечко «хлеб» я «позаимствовал» – подсознательно – из воспоминаний Кузина, где он пишет, что О. М. – хлеб, а Ахматова – не хлеб и вообще о Кузине был поначалу интересный разговор: по М. выходит, что Кузин хотел, чтобы Н.Я. вышла за него замуж, а не наоборот, как утверждает сестра [Кузина]. М. готов был показать мне письмо, где Кузин пишет, что не читал «ПА» и т. д. М. утверждает, что это был не друг, а приятель и что пьяница Леонов был Мандельштаму ближе Кузина и что надо осторожней подходить к его свидетельствам...

Другая деталь – название книги «Слово и культура». У О.Э. в конкретной статье она имеет конкретный смысл: умирает культура, рушатся здания, но остается слово, остаются надписи. Вынесенное в заголовок (что само по себе произвольно), оно приобретает черты красоты и полисемии, которым так чужд О.Э. на самом деле (может быть, он и прав). По Морозову, следует книгу назвать так: «О поэзии. Разговор о Данте. Статьи». Еще он внес идею приложения, куда бы вошли отдельные письма (Вл. Гиппиусу, Горнунгу, Тынянову, М. Шагинян (?), анкета «Читатель и писатель» и подборка «О. М. в откликах современников»).

М. рассказал мне про Харджиева – про то, как тот отговорил его не включать в «Род» стихи О.Э. о Данте. Кстати, моя композиция Зап. книжек – б.м. верная (только большой кусок надо вперед, который в черновых вариантах).

15 ИЮНЯ 1980 г.

А. Морозову

Я не спал. Отчего ж я очнулся?
Время встало, земная зима.
Кто стучался и кто отвернулся?
То вражда или правда сама?
Даже правое дело скривится

и в осадке останется ложь,
если ты не успеешь открыться
и избытка в душе не найдешь.

Так запомни пещеру-квартиру,
одинокства жуткий разбег.
Там живет и не балует с миром
предпоследний в миру человек.
Он тебя наставлял – ты не понял,
он оставил тебя – ты ослеп.
Ты, быть может, себя проворонил,
променял на изглоданный хлеб.

Ты б хотел ни разбить, ни разбиться,
так не жди оправданья теперь!
Этот год пережить – как родиться,
счет ведя от разлук и потерь.
И сквозь дикую вязь сопряжений
по червивой чащобе бредет
год надежд и година крушений –
високосный, одышливый год!

1980–1981

16.6. [1980]

Сколь же по-разному проявляется у людей, казалось бы, любовь к Мандельштаму. Для меня и моего характера – любить – значит издать. Для другого – значит – не издать.

И еще сколь искривлен мир в сознании Саши Морозова, Н.Я. и др. Как сгущен он в О.Э. И это заслуженно, ибо М-м – действительно феномен. Но единственный ли? Любимцев – тоже ведь в своем роде феномен, и сегодняшнего звания «дурака», полученного им от Морозова, не заслужил явно (жалею, что не вступился, хотя бы чуть-чуть). Или вчерашний разговор о Кузине: какой тот статичный, какой морфологичный (гетеанец!), и какой настоящий, динамичный – О. М.! и, конечно, все вокруг фальсификаторы и лже-

цы, только не О.Э. Это мандельштамоцентризм, и этого я не могу принять у них. Это – болезнь, и я мог бы ей заразиться, но уж, наверное, не заражусь. <...>

22.6. [1980]

Вернулся из Мещеры. Отошел душой, оттаял – под комариные укусы.

Морозов меня обвинял в пафосе публикаторства (во что бы то ни стало). У меня действительно есть пафос: пафос гласности всего, что касается О. М., ибо это воистину третий кит, на котором все держится (еще Пушкин и Блок). И оттого у меня не пафос публикаторства, а – уточнил бы я – пафос публикаций, хотя упрек – оговорку «во что бы то ни стало» я обязательно должен учесть – сам А. М. [Александр Морозов] преподал мне великий урок и своим разговором, и своими публикациями.

24.6. [1980]

Перedelкино. Шел по прохладе и думал, что, да – мир должен строиться на любви, и он может строиться на любви к Мандельштаму, как, например, у Морозова. Но нельзя задавать структуру и параметры иным мирам, нельзя вносить в жизнь – фанатизм (фанатизм чего бы то ни было).

11.4. [1981]

Встретил в Ленинке Морозова. Шубин к нему ни с чем не обращался. В книге участвовать он не хочет, отвечать за нее он не может, ибо ее целое – ему неподвластно (а м.б., и чуждо). Но помогать он не отказывается, нет (с фактической или какой другой стороны) и ни от чего не зарекается, но все же маловероятно для него (какие-то у него и чисто бытовые и денежные затруднения сейчас – на лето он никуда не едет). Указывать в комм. все описки О.М. он считает не нужным – достаточно в одном месте сказать о таком явлении и о его природе.

Он приглашал заглянуть к нему...

Василий Гыдов

ИЗ ПИСЕМ К НАТАЛЬЕ ШТЕМПЕЛЬ*

14 июля 1984 года

<...>

Был два раза у Саши Морозова (для меня он, конечно, Александр Анатольевич). Он сильно нездоров. Павел говорил, что в этом году Саша перенес две операции (кажется, язва желудка). Удивительный по доброте и преданности литературе человек. А какой поразительный филологический дар!.. Я рассказывал Саше о нашей работе, о том, что знаю о Воронеже. Он очень тепло вспоминает Вас. Об альбоме и о фильме ничего не знает. Радовался, что все это есть, ведь все это так необходимо.

<...>

7 августа 1984 года

<...>

С грустью вспоминаю Сашу Морозова. Его мученический облик, какой-то у черты распада уклад жизни, совершенно ясный по царящему в квартире запустению, – все это не что иное, как изгнанничество, отверженность. Я не преувеличиваю. Такие слова появляются естественно... Вспоминаю его бледное, всегда, даже в оживлении, грустное лицо (бледность – от легкой седой щетины, но главное – от недостатка солнца и воздуха: из дома Саша почти не выходит, и окна затенены стеной аллеи. К тому же из-за дневного автомобильного шума заниматься приходится ночью, а спать – днем). В тихом голосе беззащитность, трепетность и вместе с тем сила убежденности и доброты... Ветхие джинсы... На босу ногу кеды, – старенькие, еще, наверное, времен дружбы с Китаем...

* Оригиналы в архиве П. Нерлера. Публикуются с разрешения автора.

Саша болен, и болезнь его – неприкаянность и усталость честной и доброй души.

<...>

Олег Лекманов

УМЕР АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ МОРОЗОВ...

Умер Александр Анатольевич Морозов, автор комментария к первому изданию «Разговора о Данте» в СССР (1967), статьи «Мандельштам» в «Русских писателях», человек, нашедший и опубликовавший письма Мандельштама к Вячеславу Иванову, дневник Каблукова, стихотворение Мандельштама «Телефон»... Младший друг Надежды Яковлевны Мандельштам и Николая Ивановича Харджиева, Морозов тем не менее не был всетерпим, он был человек страстный и пристрастный и этим очень походил на главного героя своих штудий.

Он во многих отношениях был первым – не только «первопроходцем», но и «лучшим из лучших»... Светлая память!

P. S. Я не знаю и, наверное, уже никогда не узнаю, что думал А.А. о книге, которую он на этой фотографии О. Шамфаровой держит в руках¹. Как жаль!

¹ В блоге помещена фотография А.А. Морозова, листающего книгу О. Лекманова «Жизнь Осипа Мандельштама. Документальное повествование» (СПб., 2003).

Впервые: <http://alikh-manov.livejournal.com/>

Леонид Глезеров

«МОГУ ОБЪЯСНИТЬ ПОЧТИ ВСЕ СТИХИ!»

«Одну Россию в жизни видя», по дням и по часам знавшим/переживавшим гибель империи, русскую трагедию – разлом, прошедший и по семье Морозовых. Умирание русского мира, истощение душевных связей были контекстом размышления Морозова, переживания-протеста, главной темой его прерываемого смертью разговора с ближайшими друзьями – Андреем Кистяковским, Алешей Чанцевым. Опишет ли кто-нибудь их «блистательные» споры, начавшиеся, кажется, в легендарной курилке Ленинской библиотеки? Саша рассказывал о ее герое Андрее Дмитриеве, рано умершем «мудреце», вновь давшем слову «гибель» статус *имени*. Его (Андрея) рефрен «*ищите новые слова*» стал приговором всякой попытке безвкусных исторических спекуляций и параллелей. Мандельштам Саши – свидетель, судья, соучастник – само событие космической русской катастрофы, взявший на себя (в себя) *Время России*, ставший его слепком. Саша говорил о небывалом: о совпадении личного, биографического и исторического времени, слившим лирику с эпосом, песней о последнем походе... Сашина личностная и душевная соразмерность Мандельштаму по глубине сочувствия и печали, жалости и любви, отчаяния и пристрастности, метафизической дерзости и отваге – основа его *понимания* (узнавания-угадывания), убедительности

его интерпретаций. В зазор между убедительностью и доказательностью, между сочувственно внимающим слушателем и научно объективирующим критиком («Докажите, Александр Анатольевич, докажите!») провалилась великая ненаписанная книга.

В июле, последнем, Саша сказал: «Могу объяснить почти все стихи».

Трагическое. Король без свиты и шута.

Выносящий и тут же отменяющий окончательные приговоры...

Разогнал всех, не перенося безответственного говорения, улавливая языковую неопрятность, двусмысленность, *политику*, требуя невозможного – внимания и этикета, бескомпромиссно выбирая достоинство.

Один, без собеседника, слушателя, издателя, редактора, подруги.

Перестроившееся в доброжелательную пассивность («так раньше не было») окружение. «А у кого сегодня есть силы и время посвятить себя другому?» – и «...не нашлось помощника подобного ему».

Пожалеем себя, не умеющих, не сумевших принять божественный дар присутствия великой души.

Ноябрь 2008

АЛЕКСАНДР МОРОЗОВ БЕСЕДУЕТ И ЧИТАЕТ СТИХИ

Настоящая публикация представляет лишь один фрагмент из многочасовой аудиовидеозаписи встречи сотрудников Государственного литературного музея и Мандельштамовского общества с Александром Анатольевичем Морозовым. Эта встреча, инициированная Мариной Вадимовной Соколовой, в то время ученым секретарем Мандельштамовского общества, состоялась 6 марта 1995 года: А.А. Морозов согласился прийти в студию звукозаписи Литературного музея и почитать стихи Мандельштама. Вместе с М. Соколовой во встрече приняли участие Лев Алексеевич Шилов и Владимир Георгиевич Крижевский. Запись беседы вел аудиоинженер Сергей Филиппов.

Отобранный фрагмент фиксирует самое начало беседы. Расшифровка осуществлена О.В. Шамфаровой. Сам фрагмент был продемонстрирован 27 марта 2009 года на заседании Мандельштамовского общества, посвященном памяти ушедших коллег.

Л.А. Шилов: У меня частный вопрос и частный интерес. Просто нам показалось, что Вы интересно читаете Мандельштама, ближе других чтецов и интерпретаторов, проникая в его авторский замысел, потому что, собственно, что такое чтение, что такое чтение стихотворения вслух, это вообще, как ни странно, малопонятное явление. Человек вдруг бе-

рет и читает стихи вслух – зачем? Мы можем тоже взять эту книжку и прочитать.

Но поскольку каждое чтение допускает множество интерпретаций, то нам показалось, что Ваша интерпретация – чтецкая, т. е. произносительная, декламаторская, очень интересна и близка замыслу поэта. Нам интересно Ваше чтение. Кроме того, очень интересны Ваши комментарии. А ты как думаешь? (*обращается к Марине Соколовой*).

М.В. Соколова: Вот Мандельштам долго жил... Помните, мы с Вами когда-то говорили о том, как трудно, как сложно шло изучение Мандельштама: он только в устной традиции изучался, да? Он изучался как бы внутри и крутился вот по этому замкнутому кругу людей посвященных, приобщенных, да? А потом... выскочил на поверхность. Помните, на лондонской конференции Левин сказал, что он «бросает изучать Мандельштама, поскольку он как бы стал доступен всем»?

А.А. Морозов: Я не присутствовал...

М.В. Соколова: Ну, слышали наверняка, я, к сожалению, тоже, но только в пересказе это слышала. А у Вас, мне так кажется, остался некий взгляд... Я Вас слышала немножко и до, и после, и на грани того, как Мандельштам был «открыт», а потом «раскрыт», и «раскрыт» сейчас очень широко. Мне кажется, что из всех, кто занимается этим (может быть, это мое ощущение со стороны), Вы остались наиболее верным себе. Вы ведете себя, пишете и говорите точно так, как оно было. Вам неважно, так сказать, подпольно он изучался, открыто, на весь мир... На Вас, действительно, никак не подействовало. То, что я не знаю, по-моему, мандельштамоведение покрывает своими тиражами уже все, что написано...

А.А. Морозов: Спасибо, Марина, спасибо Вам за хорошие слова. Тогда я скажу несколько слов себе в оправдание, отчасти в ответ на то, о чем Вы говорите.

Должен сразу предупредить, что мое чтение не профессиональное. Я никогда специально художественным чтением не занимался, хотя любил читать вслух – для себя, иногда для кого-нибудь из друзей. Именно Мандельштама.

И потом меня всегда, как, наверное, и многих, удивляло, а порой поражало, недостаточность актерского чтения,

неудовлетворение... чувство неудовлетворения, возникающее при нем. Притом при самых громких именах исполнителей, артистов.

В чем же здесь дело? Действительно, ведь все-таки музыкальное исполнительство существует, да? Как интерпретаторов и...

Почему же с поэтическими текстами так обстоит дело? Какая-то тайна...

Ну, вот к какой мысли я пришел – как ни странно, чтецы, профессионалы не держат в уме целого стихотворения, крупной или более малой вещи, поэмы и так далее... Как бы по складам... Не понимаю...

Вот от этого, кстати, и выигрывает авторское чтение. Потому что автор помнит внутренний образ, сопровождающий рождение стиха, и... так далее, да? Чем это объяснить, я не вполне понимаю, но это очень чувствуется.

По моему убеждению, чтец, пусть и чужих стихов, когда он начинает стихотворение, он держит внутренним чувством его конец. Иначе это выразительное чтение, но оно очень тоже условно. Я говорю не к тому, что у меня это так получается, я просто говорю вам о том, что мне кажется и как хотелось бы.

Ну и второе...

Л.А. Шилов: И очень резонно. Очень резонно. Ведь чтец идет от образа к образу, от строки к строке...

А.А. Морозов: Вот, вот... Секундочку!..

Л.А. Шилов: У них же воображение... Он говорит: «лес» и видит именно лес.

А.А. Морозов: И еще мне хочется сказать... почему вы остановились на мне, пригласили для чтения стихов... Это меня взяло в плен и захотелось до мучительности понять, почувствовать, пережить вместе с автором ТАКИХ стихов, что именно он переживал, чувствовал, это то время – трагическое, даже катастрофическое, свидетелем которого он был. Вы понимаете? Из моего чтения можно почувствовать именно то, о чем я говорил, что думал, что переживал, в какую вовлекал систему человек этого времени. Что это Мандельштам, а, допустим, не менее такие же великие поэты,

жившие с ним рядом, как Ахматова и Пастернак, тоже поэты рубежа – свидетели перелома времени.

Почему именно Мандельштам более других выразил эту катастрофу, этот срыв времени, причем, будучи свидетелем, уже став поэтом до рубежа, до 17-го года, он (может быть, это главное его достижение) смог еще выразить в бессмертных формулах черты нового бытия, понимаете? Без-исторического, нашей советской эпохи то есть. Ну, какие-нибудь советские трамваи бегают только в стихах именно Мандельштама, фигурально выражаясь. А говоря про бессмертные формулы (*читает несколько строк из стихотворения «Где связанный и пригвожденный стон?»*):

Театр каменный времен растущих
Встал на ноги, и все хотят увидеть всех –
Рожденных, гибельных и смерти не имущих...

То, что это выпало на долю... такой поэтический жребий человеку, рожденному в еврейском предместье на западе России, да? не принадлежащему к русской истории в биографическом, так сказать, смысле? Не имеющему там своего Шахматова, как Блок...

«Мандельштамьё!» – дал Блок в 11-м году такую неприязненную характеристику...

Так вот, почему этому еврейскому разночинцу, понимаете, выпало стать, мало сказать, великим поэтом, но единственным в своем качестве, в своей роли этого свидетелем, этого выразителем?..

Еще меня очень волнует мысль, что, кроме Мандельштама, никто этих стихов написать бы не мог. Это стихи Осипа Мандельштама. (*Пауза. Затем читает стихотворение «Как по улицам Киева-Вия...»*)

Одно из самых последних, если не последнее, паразитально еще тем, что написанное в 37-м, оно воспроизводит, воспроизводит оттуда, не описательным образом, эпизод, чему он был свидетелем... гораздо более раннего времени – 19-го года: Киев, 19-й год – отход Красной армии из Киева 31 августа 19-го года. И вместе с ними отъезд Мандельштама и приход белых. Вот какой день описан в этом стихотво-

рени. Так что под ним может стоять дата 31 августа 19-го года. То, что это написано в 37-м году, это только прибавляет... свет, освещает эту сцену, включает и атмосферу 37-го года. И обратите внимание: вот эта возможность Мандельштама – давать время изнутри и оттуда.

Еще... к пониманию стихов... Вот это тот случай, где одна деталь должна быть известной, иначе просто смысл теряется. Мандельштам-то об этом не думал, но позднейшие читатели могут это и не знать: что Липки (это господский район), которые пахнут смертью, – именно там размещалась киевская ЧК.

Вот сюжет – некая киевская жинка ищет после отхода красных среди обнаружившихся жертв той же ЧК своего мужа. Это еще стихотворение и о своей жене.

М.В. Соколова: То есть и назад, и вперед, и провидческое одновременно...

В.Г. Крижевский: И самое замечательное, вы знаете, что московская Лубянка – однокоренная этим Липкам. Что луб – это та часть липы, которая шла на мочало.

Понимаете? Это какой-то кошмар! Хотя название, я знаю, историю имеет давнюю. Такая улица была в Новгороде, и оттуда выселили всех бояр, чтобы они смуту не навели при Грозном, и поселили вдоль Неглинной. И они назвали эту улицу в честь своей новгородской (потому что там мостовые были из дерева) – Лубянкой. Они лубом не торговали, на самом деле, или лубками. Но луб – это тоже часть липы. И вот это меня совершенно потрясло, почему вдруг такое совпадение: что и там, и там ГБ находились, так сказать, в синонимическом ряду?

А.А. Морозов: Помню, у Солженицына в «Архипелаге Гулаге» есть сцена, когда зеки на дне какой-то котловины или в долине, а наверху, на горах, стоит женщина, ища глазами своего родственника либо мужа. И все же, если говорить: «Вот это памятник, который бы нужно поставить»... Вот такой, мне кажется, словесный памятник в этих стихах заключен (*вытирает глаза*). Вот видите, я слишком волнуюсь для чтеца...

*Расшифровка и подготовка текста к публикации
О. Шамфаровой*

Павел Нерлер

МИФЫ И ЗАГАДКИ МАНДЕЛЬШТАМОВСКОГО ВОРОНЕЖА¹

Мандельштам недаром писал в 1922 г. в «Шубе»: «Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один большой небывалый город, с вечно санным путем, где Крещатик выходит на Арбат и Сумская на Большой проспект»². Думается, что недостает в этом перечне еще и воронежской топографии: проспект Революции или Петровский сад – бесспорно из этого «небывалого города с вечно санным путем»!

Действительно, жизнь и творчество Мандельштама неотрывны сразу от нескольких урбанистических сред, или, если хотите, миров – и не только петербургского, московского, воронежского, киевского и харьковского, но и от парижского, тифлисского или гейдельбергского... Иные из этих миров, в частности петербургский, раскрутили себя до такой степени, что обзавелись еще и собственными «мифами» или хотя бы «текстами» (причем в их развертывании и интерпретации наблюдаются подчас трудносовместимые вариации).

И хотя Воронежу «миф», кажется, еще не вменен, но все же некоторой мифологией он успешно обзавелся или обзаводится. Тут и «улица-яма», и «комната опального поэта», и «Воронеж-ворон», и многое другое. Постепенно фигурантами мифа становятся Кассандра–Ахматова, самый старей

друг Мандельштама, и Беатриче–Штемпель, молодой его друг, а также Сальери–Рудаков.

Частью мифа являются и остающиеся так и не разгаданными «загадки» мандельштамовского Воронежа. Главная – судьба его архива, оказавшегося в рудаковских руках и следы которого теряются после войны, но далеко не сразу.

Другая загадка – сохранившаяся в памяти писателей-старожилов публикация стихов Мандельштама в каком-то из воронежских изданий, скорее всего оборонного характера, – несколько лет охотились за ней мандельштамоведы (и первым – Василий Гыдов), но так и не нашли, хотя верстка подъемовская «Летчиков» все же обнаружилась.

Еще одна загадка – личность фотографа, сделавшего в ноябре и начале декабря 1935 г. такие замечательные фотографии Мандельштама. Благодаря Рудакову, мы знаем его имя: Колли Николай Григорьевич (1910–?)³. С Мандельштамом он, вероятнее всего, встречался в редакции «Коммуны», где публиковал свои снимки.

А вот новелла, рассказанная Дорой Григорьевной Гординой, – из того же ряда⁴. Ее отец, Григорий Ефимович Гордин, известный специалист в области судебной медицины, в предвоенные годы был приглашен на кафедру патологоанатомии Воронежского мединститута. Мать – Дина Исааковна Гуровская, работала врачом в Воронеже и в Борисоглебске. От сестры, артистки и биохимика Софьи Исааковны Гуровской, маме достались шредеровское пианино и блокнот со стихами М. Цветаевой, переписанными – еще с ятями! -- не то ею самой, не то маминой сестрой и адресованными, как она полагала, Мандельштаму. Текст, записанный черной тушью, хорошо известен – это цветаевский «Дон Жуан» 1917 г.:

И была у Дон Жуана – шпага.

И была у Дон Жуана Донна Анна.

Вот и всё, что люди мне сказали

О прекрасном, о несчастном Дон Жуане.

Но сегодня я была умна:
Ровно в полночь вышла на дорогу.
Кто-то шел со мною в ногу,
Называя имена.

И белел в тумане посох странный...
Не было у Дон Жуана – Донны Анны!

Был на том же тронутом желтизной листочке и штриховой рисунок, выполненный черной тушью, – Дон Жуан вполоборота, в шляпе с пером, в короткой накидке-плаще, из-под которого торчит не то шпага, не то посох, не то оба вместе. Запомнились на рисунке чулки – мягкие, толстые, светлые, в складках и до колен, один чулок выше другого. Было там (на отдельном листке?) и какое-то шуточное стихотворение строк эдак в восемь и подпись внизу: «Осип Мандельштам». Возможно, поэтому ей и казалось, что на рисунке изображен именно Мандельштам.

На него же «указывал» еще один пожелтевший листок – и тоже в четверть листа: на нем карандашный (?), в одну линию набросок портрета Мандельштама работы В. Милашевского, под которым так и было написано: «Осип Мандельштам». Позднее именно этот, но уже доработанный портрет был передан Милашевским Воронежскому музею им. Крамского.

Сама Дора Григорьевна, еще будучи школьницей, случайно «раскопала» этот блокнот в 1947 или 1948 г. в Борисоглебске, где родители поселились на Народной улице: в квартире с камином, в которой до этого жил режиссер В.М. Энгелькрон (Филиппов) с семьей (Большой театр, как и «Коммуна», находился в Борисоглебске в эвакуации). Мать лечила в Борисоглебске Люлю – дочку Энгелькрона. И не исключено, что блокнот этот не тетин, а энгелькровский подарок. Обнаружился он между страницами 14-томного «Анатомического атласа», громоздившегося в отцовском красном книжном шкафу, почти сплошь набитом книгами по паталогоанатомии, судебной медицине и психиатрии. Еще Дора Григорьевна рассказала, что

у букиниста Чернышева, к которому часто навещался Мандельштам, была рукопись чьих-то (может быть, собственных?) воспоминаний об Осипе Эмильевиче, которую тот принес ее мужу в «Коммуну», где она благополучно и затерялась.

Незадолго до этого, в 1946 или 1947 г., Дора Григорьевна впервые увидела и Наталью Евгеньевну. Это произошло в том же Борисоглебске. Придя из школы, она застала дома двух женщин, одетых в старые, поношенные демисезонные пальто. В коричневом была Наталья Евгеньевна, которую мама и бабушка уговаривали взять портьеры (из домотканой парусины с ввязанными вдоль кромки грубыми кружевами-прошвой), чтобы их можно было поменять на продукты. Я помню, что бабушка отрезала несколько метров этих портьер (часть оставила себе) от большого, объемного рулона. Эти портьеры потом долгие годы висели на дверях, ведущих в комнату, где Наталья Евгеньевна принимала своих гостей.

Их вторая встреча – в 1957 г., мельком, в редакции «Коммуны». Моложавая не по летам Наталья Евгеньевна зашла в отдел культуры к Николаю Тихоновичу Коноплину, будущему мужу Дины Гординой, работавшей в его отделе. Состоялся разговор о каком-то студенческом материале для газеты, а когда она ушла, Коноплин пояснил, что это была преподавательница русского языка из авиатехникума. Коноплин – писатель, автор трилогии «Счет времени» и «Бесконечные числа» (1984), где упоминается и Мандельштам. В 1971 г. Коноплин стал заместителем директора Бюро пропаганды литературы и искусства по Центральному Черноземью, а за год до своей смерти, в 1982 г., занял должность заместителя председателя правления Воронежской писательской организации, где ведал литературной консультацией.

Когда Н.Т. Коноплин ухаживал за Д. Гординой (в 1950-е годы), он водил ее по мандельштамовским местам Воронежа, с которыми его самого знакомила Наталья Евгеньевна. Они осмотрели «яму» на Линейной, побывали возле Брикмановского сада (кажется, красно-кирпичный старый

особняк, где впоследствии жил журналист и поэт Владлен Вороненков) и на воспетой Мандельштамом пашне Воронежского сельхозинститута (между Березовой рощей и сельскохозяйственным институтом), а еще над верхним прудом в парке за «Динамо», где поэт любил сидеть на берегу (этого верхнего пруда, как и нижних, уже давно нет). А еще – на кладбище на Чижовке. Кстати, «молодые воронежские холмы», по Коноплину, это место на Бархатном бугре – между Чижовкой и Гусиновкой.

...А не хотите ли самый свежий воронежско-мандельштамовский миф?

Это уже о памятнике Мандельштаму. Оказывается, это не воронежцы его себе подобрали и установили, а москвичи, выбрав себе получше, какой похуже сбагрили неприятельному Воронежу: поэтому у него, поглядите, и пиджак так топорщится, поэтому он нос так задрал и уши так растопырил!..

И уже не важно, что московский (мунцевско-шаховской) Мандельштам ушами и носом воронежскому (гадаевскому) памятнику не уступит и что хорош он в той и только в той микрогородской среде пристаросадского дворика-атриума, в борьбе за которую он с достоинством и победил на честном конкурсе. В Воронеже такой среды просто нет, здесь памятник не прижился бы, но это уже неважно – миф родился и будет себе жить-поживать...

Памятник работы покойного скульптора Лазаря Гадаева помянут здесь не всуе. Именно к его открытию, состоявшемуся 2 сентября 2008 г., и к 100-летию со дня рождения Натальи Штемпель (7 сентября) готовились и вышли следующие две книги.

Первая «Осип Мандельштам в Воронеже. Воспоминания. Фотоальбом. Стихи. К 70-летию со дня смерти О.Э. Мандельштама» – часть щедрой спонсорской программы Благотворительного резервного фонда под председательством Е. Лебедева. Составителем, автором предисловия и примечаний выступил П. Нерлер, подготовителями текста – С. Василенко и П. Нерлер, научным редактором --

С. Василенко, художником – А. Гущин. Эта книга состоит как бы из двух частей: собственно «мандельштамовской» (все его стихи воронежского периода, включая шуточные и переводные, заново подготовленные С. Василенко) и «мандельштамовско-штемпелевской», включающей воспоминания Н. Штемпель и фотоальбом «Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже. Июнь 1934 г. – май 1937 г.», составленный ею по собственным воспоминаниям совместно с В. Гординым, отвечавшим в альбоме и за фотографическую часть.

Вторая книга «“Ясная Наташа”. Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. К 100-летию со дня рождения Н.Е. Штемпель» была издана Мандельштамовским обществом в серии «Записки Мандельштамовского общества» (т. 15), которую открыла книга Н. Штемпель «Осип Мандельштам в Воронеже» (составители В. Гыдов и П. Нерлер). Составители этой книги – Н. Гордина (вдова В. Гордина) и П. Нерлер, он написал предисловие к книге, а С. Василенко выступил ее научным редактором. Это тоже «мандельштамовско-штемпелевский» сборник, но акцент в ней смещен с Мандельштама на Штемпель. В книгу вошли все посвященные ей стихи Мандельштама, в том числе шуточные, и все его письма Н.Я. Мандельштам, где Наталья Евгеньевна упоминается: этот раздел из-за оплошности занял второе место в книге, а задумывался как первый. Первый раздел содержал мемуарные воспоминания самой Н. Штемпель – об Осипе и Надежде Мандельштамах и о своей собственной семье. В третьем разделе представлена избранная переписка Н. Штемпель, в четвертом – воспоминания и стихи современников, посвященные ей самой, и, наконец, в пятом – воспоминания и стихи современников, посвященные В. Гордину. Книга богато проиллюстрирована, в основном материалами из собраний В. Гордина и Т. Ледовской. В ней использованы материалы различных частных и государственных собраний, в том числе и зарубежных.

Работа над обеими книгами велась в очень сжатые сроки, что сказалось на качестве: в оба издания закралась

неточности и ошибки. Особенно это касается второй книги, оригинал-макет которой готовился в воронежском издательстве «Кварта», которое взялось за осуществление проекта на благотворительных началах. Однако эффективный интернет-мост между составителями и редакторами, с одной стороны, и издательством – с другой построить не удалось, и уже упомянутая структура книги далеко не единственный ее дефект.

Составители и научный редактор обеих книг подготовили для настоящего издания своего рода Errata – свод таких неточностей. Вот они:

По книге «Осип Мандельштам в Воронеже»

Страница	Напечатано	Должно быть
69	Петроскому	Петровскому
73	Хлебная площадь (рынок)	Первомайский сад
91	читал	чтил
114	Г.П. Барина	Г.В. Барина
139	В.Е. Штемпель и Н.Е. Штемпель	Е.А. Штемпель и М.И. Левченко
148	«Как светотени мученик Рембрандта»..	«Как светотени мученик Рембрандт...»
156	так же стояла	также стояла
163	Внук от зелени стоячей	Внук он зелени стоячей
7	О. Ласунский. Осип и Наталья Г. Умывакина. «Речи толкали, рядом сидели.»	О. Ласунский. Осип и Наташа Г. Умывакина. «Речи тол- кали, рядом сидели...»
15	В.А. Свительский и Н.М. Митракова	В.А. Свительский и Н.М. Митракова
109	упоминается	упоминается

По книге «Ясная Наташа»

Страница	Напечатано	Должно быть
117	в третьих	в-третьих
123	Речь идет о характеристика	Речь идет о характери- стике
131	Человек незауря<дный	Человек незауря<дный>
137	не производила впечат- ления	не производила впечат- ление
224	Когда Осип Эмильевич	Когда Осип Эмильевич
279	о резвости Мадельштама	о резвости Мандель- штама

Этот раздел – своего рода продолжение сборника «Ясная Наташа», открывают его три материала, публикация которых стала возможной уже после сентябрьских чествований.

Первый из них – письма Натальи Евгеньевны Надежде Мандельштам, сохранившиеся в архиве последней (точнее – в архиве Ю.Л. Фрейдина) и в силу известных обстоятельств попавших в 1983 г. в ЦГАЛИ из КГБ⁵. В 2004–2005 гг. в рамках своего участия в проекте Мандельштамовского общества и Оксфордского университета «Воссоединенный интернет-архив Осипа Мандельштама» (см.: www.mandelstam-world.org) РГАЛИ заново столкнулся с наличием весьма объемного и значимого фонда и приступил к его научной обработке, завершившейся в конце 2007 г. – начале 2008 г. Он послужил основой фонда 1893. Публикация, подготовленная О.В. Турбиной, по существу является премьерой для этого совершенно нового архивного источника.

Вторая публикация – переписка Н. Штемпель с В. Сажиним, сотрудником Отдела рукописей Государственной публичной (ныне Российской национальной) библиотеки

им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ныне в Санкт-Петербурге). Она документирует нелегкую историю попадания в фонды «Публички» воспоминаний Н. Штемпель и непопадания подготовленного ею и В. Гординым «альбома». Письма Н. Штемпель В. Сажину сохранились у адресата, а письма В. Сажина Н. Штемпель – у П. Нерлера. Они составляют часть архива Н. Штемпель, в несколько присестов переданной П. Нерлеру сначала ею самой (машинопись книги Н. Мандельштам «Об Ахматовой»), а после ее смерти – ее наследниками, Т. Муштавинской и Т. Ледовской. В настоящее время эти материалы переданы в РГАЛИ и вместе с уже имеющимися там поступлениями от Н.Е. Штемпель образовали ее личный фонд 3398.

Наконец, третьей публикацией в этом разделе стала подборка избранных писем или их фрагментов, адресованных Н. Штемпель ее корреспондентами и имеющих научное значение для мандельштамоведения. Она восходит к тому же собранию П. Нерлера, что и письма В. Сажина к Н. Штемпель. В подборке документированы такие события, как прохождение или не-прохождение целого ряда мандельштамовских публикаций в Воронеже или Москве, передача «альбома» и части архива Н. Штемпель в ЦГАЛИ, подготовка и выход публикации воспоминаний Н. Штемпель в «Новом мире» в 1987 г. и др. Первоначальная попытка рассортировать письма по темам совершенно не удалась – одно и то же письмо приходилось «рвать» на куски. Поэтому отобранные письма даются (целиком или фрагментарно) в старом и добром хронологическом порядке.

¹ Благодарю С. Василенко, В. Гыдова, Д. Гордину, Н. Гордину, В. Сажина и О. Турбину за участие и помощь в подготовке этого раздела.

² *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 246.

³ Упоминается в письме О. Мандельштама к С. Рудакову, около 4 4 декабря 1935.

- ⁴ Благодарю Дору Григорьевну за разрешение пересказать этот эпизод. Сама она подготовила соответствующую главу («Красный шкаф») в собственной книге «Страницы времени», выход которой из-за ее нездоровья и мирохозяйственного кризиса, как она опасается, может и задержаться.
- ⁵ См. об этом: *Фрейдин Ю.Л.* «Остаток книг»: библиотека О.Э. Мандельштама // Слово и судьба: Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991. С. 237.

Леонид Видгоф

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ – НАТАЛЬЯ
ШТЕМПЕЛЬ – ВОРОНЕЖ

Три героя двух новых книг

В 2008 г. исполнилось 70 лет со дня смерти Осипа Мандельштама. Юбилей вызывает к жизни определенную активность, которая может принести и добрые, и худые плоды. В первом случае магия цифр не уходит в пустую шумиху, а помогает воплотить в жизнь то, что в течение долгого времени необходимо было бы сделать, но не удавалось. Так, к концу 2008 г. в Москве наконец-то открыли памятник поэту (скульпторы Д. Шаховской и Е. Мунц). Ранее, в начале сентября, был установлен памятник Мандельштаму в Воронеже (работы Л. Гадаева, для которого этот труд оказался последним).

О том, какую роль в жизни Мандельштама выпало сыграть Воронежу, свидетельствуют и две книги, о которых пойдет речь ниже: «Осип Мандельштам в Воронеже. Воспоминания. Фотоальбом. Стихи. К 70-летию со дня смерти О.Э. Мандельштама» (М.: Благотворительный резервный фонд, 2008. Составитель П. Нерлер, научный редактор С. Василенко) и «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель» (М.; Воронеж: Кварта, 2008. Составители П. Нерлер и Н. Гордина, научный редактор С. Василенко). Вторая книга вышла под грифом Мандельштамовского общества («Записки Мандельштамовского общества», т. 15) и приурочена к 100-летию со дня рождения Н.Е. Штемпель.

Так совпало, что 70-летие со дня смерти поэта пришлось на год 100-летия со дня рождения его самого близкого воронежского друга. Безусловно, это значимое совпадение.

Содержание названных книг дополняет друг друга, и в определенной степени его можно считать даже общим. В данном случае и не могло быть иначе: невозможно говорить о воронежском периоде жизни Мандельштама, не прибегая к воспоминаниям Н.Е. Штемпель, которые заняли свое естественное место в книге «Осип Мандельштам в Воронеже». Но и в книге о «ясной Наташе» также представлены ее воспоминания о ссыльном поэте, что вполне объяснимо. Это не неоправданный повтор, а оправданная необходимость, лучше сказать, насущность. Ведь впервые мемуары Н. Штемпель в полном объеме были изданы в 1992 г. тиражом 300 экземпляров (именно с них и началась серия «Записки Мандельштамовского общества»), и потребность в новом издании ее воспоминаний давно назрела.

Обратимся последовательно к содержанию каждой из книг.

«Осип Мандельштам в Воронеже» делится на три части, заявленные в подзаголовке. Третью часть, «Стихи», составляют стихотворения Мандельштама, созданные в Воронеже. О воронежских стихах Мандельштама, целый ряд которых входит в число вершинных произведений поэта, можно или говорить со всей серьезностью и ответственностью, или не говорить ничего. Автор публикуемой заметки предпочитает в данном случае второе, но с некоторой оговоркой: к малому числу воронежских стихотворений он должен будет еще обратиться, поскольку они имеют прямое отношение к образу Н.Е. Штемпель.

Первую часть книги составляют воспоминания Н. Штемпель «Мандельштам в Воронеже», вторую – созданный ею и В.Л. Гординым одноименный фотоальбом. Публикация фотоальбома представляется несомненно большой удачей. Наконец-то работа Н. Штемпель и В. Гордина стала доступной для читателей Мандельштама (тираж книги, что ни говори, 1000 экз.). Альбом дает великолепную возможность увидеть Воронеж таким, каким его застал Мандель-

штам. Н. Штемпель и В. Гордин любовно (именно то слово, которое надо здесь употребить) собрали и представили в альбоме, кажется, почти всё, что так или иначе было связано с воронежской жизнью поэта. Хочется прежде всего сказать даже не о людях, которых можно увидеть на страницах альбома (среди них и Ахматова, и Шкловский, и Яхонтов, и М. Юдина, и Пастернак, и Эренбург, не говоря уже о замечательных воронежцах), а о самом Воронеже с его заснеженными улицами, крутым берегом реки Воронеж, берегом, застроенным стоящими, как кажется, друг на друге старыми и старинными домами и домишками, о Воронеже с его слободами, храмами, монастырскими строениями, широкой рекой, степной далью и узкими переулками.

Все виды города собраны и продуманно помещены на соответствующих страницах альбома. Ведь многого уже нет, город страшно был разрушен в Великую Отечественную, а что осталось – смотрится по-другому: изменилось само, изменилось окружение, а альбом Н. Штемпель и В. Гордина сохраняет город мандельштамовского времени. Здесь поэт ходил, тосковал, отчаивался, радовался, шутил, спорил, взрывался, писал стихи. Вот тот самый дом в «яме» на бывшей 2-й Линейной улице, в нынешнем переулке Швейников. Об этом месте написано: «– Это какая улица? / – Улица Мандельштама...». Постройка находится там и сейчас, но в каком состоянии? Это дом, который надо бы, говоря высоким слогом, лелеять: дом-образ. Во-первых, за ним встает жизнь поэта, оказавшегося в «яме», но видевшего широкую заречную даль, российский простор, – жизнь гения, с которым Воронеж вошел в мировую поэзию. Уже этого было бы более чем достаточно, чтобы провести реставрационные работы и поддержать здание в неискаженном виде. Во-вторых, дом, рельеф местности, полудеревенский вид, поросший травой спуск, деревянный забор – все представляет живой островок довоенного Воронежа. Дом наполовину уже перестроен, часть здания грубо обложена безликим серым кирпичом. И окружение уже не то. Смогут ли здесь хоть что-то сберечь? Нет никакой уверенности. А в альбоме это драгоценное место всё же сохранилось.

На все причитания можно ответить (так часто и делают: «А вообще зачем всё это, краеведческие картинки и поэты? “Хрестоматийный глянец” мемориальных мест? Тем более в связи с бездомным, нищим поэтом. Есть стихи, они самодостаточны. Есть тексты, и ничего другого и не надо». Действительно, вполне строгая точка зрения, и в ней присутствует своя логика. Однако не менее обоснован и другой подход. Знание о поэте, его жизни, окружении, городских реалиях, даже мелких деталях, помогает нам во многих случаях лучше понять стихи, сами тексты. В противном случае мы не имели бы полного представления. Если нам известно, что Мандельштам некоторое время жил в Воронеже на 2-й Линейной улице, то мы в строке его стихотворения «Мало в нем было линейного» различаем тот оттенок смысла, ту усмешку, ключом к пониманию которых служит наше «краеведческое» знание.

Способствует ли альбом Н. Штемпель и В. Гордина лучшему пониманию, более глубокому проживанию воронежских стихов Мандельштама (не говоря уже о такой важной части его литературного наследия, как письма)? Несомненно да.

Мандельштам – поэт-горожанин. С одним из главных городов его жизни, с Воронежем, его творчество связано крепкими и многочисленными нитями.

Хочется высказать еще одно соображение по данному поводу, побочное, но перекликается с предыдущим. Достаточно банальное: любое произведение искусства есть акт борьбы со смертью, акт сбережения исчезающей жизни. В этом смысле у воронежских стихов Мандельштама и фотоальбома Н. Штемпель и В. Гордина одна цель. Мандельштам славил «сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия» («Утро акмеизма», 1912); альбом вступает с поэтом в такое «сообщничество», сохраняя не просто некий общекраеведческий город Воронеж, но именно Воронеж поэта.

Надо добавить, что задача воспроизведения альбома в книге, на мой взгляд, решена наилучшим образом. Можно было просто страница за страницей перепечатать текст,

поместить рядом соответствующие альбомные фотографии, и дело – сделано. И это было бы уже замечательно. Но тогда исчезли бы композиция альбомных страниц, ушла сама специфика уникальной работы. Издатели пошли по другому, более верному пути: на каждом развороте воспроизведена – пусть в неизбежно очень уменьшенном размере – определенная страница альбома в ее аутентичном виде. А рядом, в укрупненном формате помещены тексты и фотографии этой страницы.

Избранный подход дает читателю возможность общения как бы непосредственно и с самим альбомом; сохранены не только содержание, но и форма реликвии.

Что еще могло бы быть в книге «Осип Мандельштам в Воронеже»? В идеале, по нашему мнению, было бы уместным напечатать и интереснейшие свидетельства о жизни и поэтическом труде Мандельштама, которые оставил С.Б. Рудаков. Они служат вторым важнейшим источником сведений о воронежском периоде поэта. Естественно, это привело бы в книге к достаточно противоречивой ситуации, поскольку Осип и Надежда Мандельштам в описаниях С. Рудакова выглядели во многом иначе, чем в воспоминаниях Натальи Штемпель. Соседство и спор этих текстов могли породить определенное напряжение, что было бы хорошо: конфликт и спор подабают Мандельштаму, это в его духе.

Перейдем ко второй книге, «Ясная Наташа». Первый ее раздел включает написанное самой Н. Штемпель: прежде всего те же воспоминания «Мандельштам в Воронеже», а также «Воронежские адреса Мандельштамов», «Памяти Надежды Яковлевны Мандельштам», «Автобиография» и впервые публикуемый набросок «Исцеление». Далее следуют стихи Мандельштама, адресованные Наталье Штемпель, в том числе и шуточные, и те письма поэта к жене, где упомянута их воронежская подруга. В разделе «Наталья Штемпель. Из переписки» героиня книги предстает в эпистолярном общении с близкими ей людьми, в частности с исследователями жизни и творчества Мандельштама. Для ряда помещенных в книге писем это первая публикация.

Н. Штемпель оставила яркий след в памяти тех, кто ее знал; их воспоминания о ней и стихи, к ней обращенные, вошли в четвертую часть книги. Целый ряд воспоминаний написан специально для данного издания, часть стихотворных текстов ранее также не публиковалась. Завершает книгу вполне уместный и напрашивавшийся раздел «Памяти Виктора Гордина» – друга Н.Е. Штемпель, помощника и соавтора альбома «Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже». Виктор Леонидович Гордин трагически погиб в 1992 г.

Книгу украшают хорошо подобранные фотографии самого поэта, мандельштамовского Воронежа, Н.Е. Штемпель, ее друзей и близких.

Стоит сказать «Мандельштам в Воронеже» – и следом необходимо назвать имя Натальи Штемпель, что и доказывают две недавно изданные книги.

Хочется понять, что она за человек была, кем стала для Осипа Мандельштама. Пишущий эти строки вполне знает, что его рассуждения могут показаться не вполне отвечающими прикладному жанру рецензии. Но именно две вышедшие книги осветили образ Н.Е. Штемпель столь ярко и рельефно, именно они побудили его задать себе некоторые вопросы и постараться на них ответить.

Автор заметки не только, к сожалению, не был знаком с Натальей Евгеньевной, но никогда даже в жизни ее и не видел. Он может судить о ней только по стихам Мандельштама, ее мемуарам, письмам, воспоминаниям и еще по фотографиям. Мандельштам назвал ее в одном из стихотворений «ясная Наташа», и эти слова вынесены в название книги о ней. Но что это означает – «ясная»?

Посмотрим на одну из фотографий Натальи Евгеньевны – на снимок, сделанный в 1930-е годы: Наталья Штемпель в светлом платье, с гладко причесанными волосами. Лицо довольно широкое, в определенной мере «простое». Красивый лоб, внимательные глаза, крепкие губы. Сдержанная, почти незаметная улыбка – и видно, что если улыбнется пошире, лицо засветится. Есть в ее облике нечто явно учительское, даже наивно-учительское. Такая милая молодая учительница, какими они когда-то были. (Эта учительская

жилка проявилась и на страницах ее альбома: например, к стихотворению «На меня нацелилась груша да черемуха...» приложены фотографии «Ветви цветущей груши» и «Черемуха в цвету». Казалось бы, так ли это необходимо? Нет, всё должно быть аккуратно, подробно и наглядно.)

Облик трогательный и с оттенком нежности, но лицо волевое. Видно, что человек многое может преодолеть. В этом лице читается определенная культурная преемственность – от курсисток XIX в.

Такое же примерно впечатление производит и другая фотография 30-х годов, на которой мы видим Н. Штемпель в строгом темном платье. Не менее важно заметить, чего в этом лице нет. Нет, как нам кажется, страсти (речь ни в коей мере не об отсутствии чувства или глубины чувств), нет того искажения, которое накладывает на лицо любая страсть, это во-первых. Во-вторых, нет ни малейшей тени зла; возможно, это даже некое «незнание» зла, неведение о нем – просто непричастность к нему. «Ясная Наташа» – лучше Мандельштама не скажешь, лучше характеристики не подберешь. Незамутненность злом составляет одну из определяющих черт ее облика. За этой внешностью есть безусловно неповерхностная душевная жизнь, но нет затаенности в дурном смысле.

Поразительно, что судьба из всех возможных бесчисленных вариантов выбрала именно этого чистого человека и свела его с Мандельштамами. Трудно не увидеть здесь некий промысел.

Чем был Мандельштам для Н. Штемпель в 30-е годы, в период их общения? Ее воспоминания созданы позднее, но в них сохранились во многом непосредственные переживания ушедшего времени. Не приходится сомневаться в том, что воспоминания написаны человеком любящим. Это чувство сдержанно-стыдливое, скромное, но, по нашему мнению, выходящее за пределы только дружеского отношения. И как хорошо, что любовное чувство столь целомудренно, столь незгоистично! Для Наташи Штемпель Мандельштам был, думается, чем-то вроде чуда, которое вдруг является к вам на квартиру. В год их знакомства, 1936-й, ей не исполни-

лось и 30-ти. И вот на Наташу, с ее незамутненной чистотой (при этом любящую стихи, умеющую чувствовать их очарование), обрушивается из другого мира поэт, с его издерганностью, непредсказуемостью, невероятными стихами, ни на кого не похожий, великолепный – и при всем том нищий, гонимый, страдающий. Что могла испытывать такая женщина при *такой* встрече? (Этому не противоречит то обстоятельство, что Наталья Штемпель вовсе не была обделена вниманием ее молодых воронежских знакомых.)

Столь же важно и интересно понять, чем стала Наталья Штемпель для Мандельштама. Не только олицетворением Воронежа (почти само собой разумеется – Мандельштамы мало с кем в Воронеже общались, кроме нее), но, главное, самой земли центральной, глубинной России.

Москва открыла Мандельштаму непетербургскую Россию, а Воронеж – саму землю. Создается впечатление, что до прибытия в Воронеж Мандельштам земли как таковой не видел – просто не замечал. Первая строка первого стихотворения «Первой воронежской тетради» говорит об этом открытии плодоносящей земли: «Я живу на важных огородах». Мандельштамы приехали в область, в самом названии которой еще совсем недавно фигурировало слово «земля»: до 13 июня 1934 г. – Центрально-Черноземная область (в этот день произошло разделение Центрально-Черноземной области на Воронежскую и Курскую). Если в начальный период творчества ключевым понятием для Мандельштама было слово «камень», то в воронежских стихах такими понятиями стали «земля» и «небо». В «Первой воронежской тетради» преобладает образ «земли», и не случайно свою «струну» поэт сравнивает со «Словом о полку Игореве» («Как “Слово о полку”, струна моя туга...») с его известным восклицанием: «О Русская земля!» Земля-страна в «Воронежских тетрадах» неразделима с первичным значением «земля-почва». Понятие «земля» в его положительных и отрицательных аспектах («...И дав стопе упор насильственной земли...») проходит через всю «Первую воронежскую тетрадь», хотя и здесь: «А небо, небо – твой Буонарроти...»; во «Второй воронежской тетради» образ земли уходит на

второй план и приобретает в большей мере отрицательные акценты; в «Третьей тетради» вперед выдвигаются «небесные» образы, также амбивалентные, но и тема земли вновь звучит достаточно громко. Местом встречи этих тем становится стихотворение «Не сравнивай: живущий несравним...» (16 марта 1937). Как видим, стихи написаны в период общения с Н. Штемпель (Мандельштамы познакомились с ней в сентябре 1936 г.) и, как нам представляется, имеют к ней определенное отношение.

Сопоставляя стихотворение «Не сравнивай: живущий несравним...» со стихами, обращенными непосредственно к Наталье Штемпель, мы обнаруживаем существенную общность между ними. То, что «Не сравнивай...» многообразно перекликается с последними, завершающими двумя стихотворениями «Воронежских тетрадей», адресованными «ясной Наташе», отметил в кратком примечании к своей работе А.К. Жолковский¹. Это действительно так. Чеканная формула: «И ясная тоска меня не отпускает / От молодых еще воронежских холмов / К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане» имеет противоположную направленность в сравнении с известным мандельштамовским определением акмеизма – «Тоска по мировой культуре» – и говорит о желании установить тесный, близкий контакт с глубинной Россией, тем краем, куда поэта забросила судьба. (В воронежских холмах отозвались другие, крымские, которые упомянуты – также в заключительных строках – в стихотворении 1920 г. «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...»: «Земли девической упругие холмы / Лежат спеленутые туго». Но несомненна связь воронежских стихов и с еще более ранним московским стихотворением 1916 г. «В разноголосице девического хора...», где также идет речь о холме – кремлевском: «В стенах акрополя печаль меня снедала / По русском имени и русской красоте...» – речь всё о том же, о желании быть причастным российской судьбе.) Как видим, из Воронежа в Италию не отпускает «ясная тоска». Парадокс заключается в том, что это тоска по земле, по холмам, которые в отличие от тосканских – рядом. Думается, что этот мотив, по крайней мере в некоторой степени, связан с образом Н. Штемпель

(подобно тому, как строки о кремлевском холме обращены к М. Цветаевой). Сравним: «Есть женщины, сырой земле родные... И ласки требовать у них преступно, / И расставаться с ними непосильно». Если мы вернемся к фотографиям Н.Е. Штемпель, то уместно будет назвать еще одну черту ее облика: в образе Наташи Штемпель есть и нечто как бы монастырское. Что-то от Лизы Калитиной из «Дворянского гнезда». (Не стоит понимать написанное впрямую. Наталья Евгеньевна была нецерковным человеком; она была замужем, правда, очень недолгое время; она любила и ее любили.) Не упустим, что определение «ясная» встречается в «Воронежских тетрадах» только три раза: в двух стихотворениях к Наташе Штемпель: «Клейкой клятвой липнут почки...» (где «Ясная Наташа»), «К пустой земле невольно припадая...» («...ясная догадка / В ее походке хочет задержаться...») и в «Не сравнивай: живущий несравним...» («ясная тоска»). «Ясная тоска», «ясная Наташа» и «ясная догадка» о власти земли и «целокупности» неба, круговороте жизни и смерти находятся, как нам кажется, в одном смысловом поле. (Хотя есть еще и первый стих «Я в сердце века, путь неясен...» в четверостишии 1936 г.; упоминание «ясных всходов» в другом четверостишии 1935 г. «Мир должно в черном теле брать...», не вошедшем в основное собрание; есть и глагол «яснится» – «Понимающим куполом яснится» и существительное «ясность» – «Ясность яворовая» в «Стихах о неизвестном солдате». Всё это по совсем другим поводам.)

Русское слово «печатать» и немецкое *Stempel* имеют одинаковое значение. Сама земля, открытая Мандельштамом в Воронеже, была для поэта запечатлена, воплотилась в Наталье Штемпель. В финальных стихах «Воронежских тетрадей», которые начинаются с темы земли («К пустой земле невольно припадая...»), но завершаются темой неба («Цветы бессмертны. Небо целокупно...»), речь идет о всеединстве, в котором жизнь, смерть и бессмертие, земля и небо существуют в вечном круговороте. Связь героини с землей и в то же время с обещанием воскресения совершенно очевидна. Парадоксальные строки «Сопровождают воскресших

и впервые / Приветствовать умерших – их призванье» кажутся просто ошибочно записанными. Казалось бы, должно быть наоборот: сопровождать умерших и приветствовать воскресших. Однако, как заметил еще М.Л. Гаспаров, это взгляд «из подземного царства»² – из Аида, из земли. Возможно, что так. В таком случае в последних стихах «Воронежских тетрадей» откликнулась, как нам думается, очень важная для Мандельштама тема Орфея и Эвридики³. Во всяком случае приветствовать умерших естественно для земли; в сопровождении земель воскресших тоже нет противоречия.

Тесная связь с землей обозначена и в других стихотворениях, имеющих отношение к Н. Штемпель: после прогулки с ней в весеннем парке написано «Я к губам подношу эту зелень...», где мы встречаем порождающую, обещающую жизнь, умерщвляющую и затем снова расцветающую «клятвopепреступную землю»; непосредственно адресованное воронежскому другу стихотворение продолжает эту тему («Клейкой клятвой липнут почки...»); через день, 4 мая 1937 г., Мандельштам снова обращается к весеннему цветению в стихотворении «На меня нацелилась груша да черемуха...»; в этот же день создаются двухчастные стихи «К пустой земле невольно припадая...» и «Есть женщины, сырой земле родные...».

Само имя «Наталья» имеет прямую связь с понятием рождения: *dies natalis* (лат.) – день рождения. «Сырая земля» – это «мать сыра земля»; героиня стихотворения ей родственна.

Мы не случайно поставили в названии нашей небольшой работы имя Натальи Штемпель в середину перечисления. Земля воронежская нашла для Мандельштама свой образ в «ясной Наташе».

Мемуары о Н.Е. Штемпель рисуют личность, которую можно назвать человеком святой жизни. Не имеют никакого значения ее нерелигиозность и нецерковность. В наше время, когда монополию на мораль всё настойчивее отдают религии и только религии, светлый образ Н.Е. Штемпель противостоит этому плоскому представлению о человеке.

Выше было отмечено, что в облике Наташи Штемпель, какой она запечатлена на одной из фотографий 1930-х годов, есть и нечто как бы возможно-монашеское. Нет, не нужно ей никаких черных одежд; скорее она напоминает весталку. «Ясная Наташа» спасла огонь мандельштамовской поэзии во время войны от другого огня, губительного, и потом поддерживала это священное для нее пламя десятилетиями. Символично, скажем еще раз, что 70-летие со дня смерти поэта и 100-летие со дня рождения спасшей его стихи от уничтожения Н. Штемпель пришлось на один год. Сочетание этих дат отвечает мотивам завершающих «Воронежские тетради» стихов. И прекрасно, что в этот год появились две книги, со страниц которых личность Н.Е. Штемпель встает в полный рост.

¹ Жолковский А.К. Клавишные прогулки без подорожной («Не сравнивай: живущий несравним...») // Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии: инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: РГГУ, 2005. С. 537.

² Гаспаров М.Л. Примечания / Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. М.: Рипол Классик, 2001. С. 813.

³ См.: Фэвр-Дюпэгр А. В поисках Эвридики: Мандельштам и Глюк // «Сохрани мою речь...»: Записки Мандельштамовского общества. Вып. 4, полутом 2. М.: РГГУ, 2008.

ПИСЬМА Н.Е. ШТЕМПЕЛЬ
к Н.Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Письма Натальи Евгеньевны Штемпель разделили судьбу остального архива Н.Я. Мандельштам – трагичную, как практически всё в жизни этой удивительной женщины. После смерти Н. Мандельштам в 1980 г. архив по завещанию отошел к многолетнему помощнику и душеприказчику Надежды Яковлевны Юрию Львовичу Фрейдину. Однако спустя три года архив был изъят у него во время обыска, предпринятого совместно прокуратурой и КГБ СССР. 4 октября 1983 г. прокуратура г. Москвы передала все изъятые материалы ЦГАЛИ СССР «для изучения и хранения», сославшись на неоднократные письменные заявления Ю.Л. Фрейдина о желании передать материалы из личного архива О.Э. Мандельштама в ЦГАЛИ и заручившись его подписью под постановлением о передаче материалов. С тех пор менялись времена, менялось руководство архива, а материалы Н.Я. Мандельштам лежали в так называемом спецхране – они не были рассекречены вместе с остальными документами, поскольку их тогда еще просто не успели описать. Обнаружены были эти материалы относительно недавно и почти случайно. Теперь их описание завершено, вскоре они станут доступны исследователям, и сегодняшняя публикация – первая из тех, что наверняка последуют в ближайшее время.

Н.Е. Штемпель, судя по всему, нельзя отнести к числу людей «пишущих» – во всяком случае пишущих легко. Достаточно сопоставить ее письма с недавно опубликованными письмами к ней Н.Я. Мандельштам, и возникает странное ощущение: неужели именно этих писем так страстно и нетерпеливо ждала Надежда Яковлевна. Неужели ей, переписывавшейся с самыми изощренными в эпистолярном жанре интеллектуалами, было так важно прочесть практически в каждом письме «ее Наташи»: «у меня все по-прежнему», «чувствую себя очень неважно, настроение тоже плохое», «устаю, живу однообразно», «целую Вас крепко, будьте здоровы». А между тем это именно так. Стоило Наталье Евгеньевне замолчать, как Надежда Яковлевна писала: «Наташенька! На два мои письма вы не ответили. Что случилось? Больны? Очень прошу ответить».

Н.Е. Штемпель называли «гением дружбы». Но был у нее еще один дар, не менее редкий. Она умудрялась в затертые словесные формулы вкладывать изначальный смысл. Письма ее предельно просты и ясны, так писать давно разучились. Если она «желала здоровья», то всей душой; если писала, что тоскует об умершей матери, то не пыталась изощренно и многословно изобразить эту свою тоску. «Не сердитесь на меня, я всегда люблю Вас и помню, а писать не всегда могу», – писала Наталья Евгеньевна. И создается впечатление, что ее общение с Надеждой Яковлевной осуществлялось порой на каком-то невербальном уровне, во всяком случае когда дело касалось писем. Для Надежды Яковлевны было важно постоянно знать, что Наташа у нее есть, что она ее действительно помнит и любит. И если пишет: «как хотелось бы посидеть около Вас», то это правда.

Что же касается «гения дружбы»... Наталья Евгеньевна часто повторяет: «мне совсем писать о себе нечего», зато в каждом письме обязательно пишет о Шуре – Александре Иосифовиче Немировском, известном историке, в то время профессоре Воронежского университета. Кем был для нее этот обремененный большим и сложным семейством немолодой и не слишком здоровый человек? Так можно

писать только о муже, о сыне, в крайнем случае – о брате. Но для Натальи Евгеньевны друг – это и есть и муж, и сын, и брат. «Вечно бог ввязывает меня в чужие судьбы», – пишет она. Но все эти судьбы становятся ее судьбой – как стала ее судьбой и судьба Осипа Эмильевича и Надежды Яковлевны Мандельштам. И когда в марте 1966 г. в воронежском журнале «Подъем» вышла подборка стихов Осипа Мандельштама, это произошло во многом благодаря ее хлопотам, а главное – ее страстному желанию. Впрочем, сама Наталья Евгеньевна по данному поводу пишет: «Если стихи появятся – это только упорство Шуры». Надежду Яковлевну порой даже раздражала кротость и самоотверженность Наташи – сказывалась разница их характеров и темпераментов. «А Шура? Вы ему больше не нужны? – гневно писала Надежда Яковлевна, когда А.И. Немировский собрался уезжать из Воронежа. – Оказался свиньей...» В ответном письме Наталья Евгеньевна пишет только, как Шура трогательно ухаживает за ее кошками. Точно так же Наталья Евгеньевна ничего не отвечает на гневные филиппики Надежды Яковлевны в адрес Н.И. Харджиева. Но незамедлительно откликается на ее просьбу прислать свое свидетельство относительно хранившихся у нее стихотворений Мандельштама и о том, что «Осип Эмильевич неоднократно говорил: “Стихи, записанные Надей, могут идти в порядке моей рукописи”».

В некоторых письмах Н.Е. Штемпель к Н.Я. Мандельштам содержится бесценная информация – о том, например, как мучительно пробивались в воронежскую печать стихи О.Э. Мандельштама. А из других писем, в которых, казалось бы, никакой важной информации нет, встает образ удивительно светлой женщины, умевшей дружить как никто.

Публикация и предисловие О.В. Турбиной

<1>

5 марта 1965 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Я написала Вам, почему же Вы не получили мое письмо!

Шура¹ блестяще защитил докторскую диссертацию.

Я чувствую себя очень плохо, а сегодня убили моего кота, и я целый вечер плачу.

Воронежское издательство все-таки включает в план стихи, может, Москва не утвердит?!² Как хочется, чтобы стихи напечатали.

О Москве мечтаю на майские праздники, а Вы не приедете? На лето никаких нет планов. Вообще ничего что-то нет впереди приятного.

Пожалуйста, не забывайте меня. Напишите подробнее о себе, мне совсем писать о себе нечего.

Может быть что-то реальное с комнатой? (в Москве)³.

Целую Вас крепко, крепко.

Ваша Наташа.

5/III-65 г.

Дом перенумеровали – 38⁴.

¹ Немировский Александр Иосифович (1919–2007), писатель, историк, доктор исторических наук, профессор Воронежского университета, близкий друг Н.Е. Штемпель.

² Имеется в виду проект издания книги стихов О.Э. Мандельштама под редакцией А.И. Немировского в Воронежском областном издательстве.

³ Н.Я. Мандельштам хлопотала о квартире в Москве и, наконец, вступив в жилищный кооператив, получила ее в ноябре 1965 г.

⁴ Перенумеровали – так у автора. Имеется в виду номер дома Н.Е. Штемпель по Никитинской улице в Воронеже (до этого – № 44).

<2>

25 июля 1965 г., Графская¹
25/VII-65 г.

Дорогая Надежда Яковлевна!

Борьба за О.Э. еще не кончилась², но я не хочу, боюсь что-либо предрекать.

Все мы чувствуем себя ужасно, так поверилось, что уже никаких препятствий не возникнет, такое же мнение было и у редакции. Посмотрим, что будет дальше. Если не возникнет осложнений в «Подъеме», то статья Шуры, которую он Вам читал, будет напечатана. А другая статья, для книжки, получилась лучше, глубже. Со статьей Е.Я.³ тоже неопределенность – сейчас все в отпуске. В общем очень грустно.

В Москву я, очевидно, летом не попаду, живу в Графской, чувствую себя неважно. Все книги у меня. Нужную Вам срочно книгу смогу передать с отцом Шуры⁴, он человек очень обязательный. Занесет ее к Шкловским⁵, будет он в Москве в конце июля.

Другие книги, может быть, еще понадобятся.

Вас я непременно буду ждать, для меня это большая радость, и Вы отдохнете у нас, П.И.⁶ (женщина, которая живет со мной) очень заботливая, хорошо готовит, только не передумайте, прошу Вас, я так буду ждать Вашего приезда.

Самый сердечный привет Е.Я. и Е.М.⁷, Вам такой же привет от Шуры и Симы⁸.

Крепко целую Вас, будьте здоровы.

Ваша Н. Ш.

А Сима очень зовет Вас в Графскую.

Конверт: «Верее Наро-Фоминского района Московской области, Первая Спартаковская, 20, Шевелевой для Мандельштам Н.Я.». Адрес отправителя: «Графская ЮВЖД, Пионерская, д. 3, Штемпель Н.Е.». Почтовый штемпель: «Верее Моск. обл. 30.7.65».

- ¹ Дачный поселок к северу от Воронежа, где на протяжении многих лет Н.Е. Штемпель снимала летом дачу.
- ² А.И. Немировский обратился к секретарю Воронежского обкома КПСС по пропаганде В.П. Усачеву за поддержкой и содействием в издании книги О.Э. Мандельштама. Тот распорядился опубликовать подборку воронежских стихов О.Э. Мандельштама в воронежском журнале «Подъем». Предисловие А.И. Немировского к публикации было сокращено цензором уже в гранках.
- ³ Имеется в виду статья Евгения Яковлевича Хазина (1893–1974), брата Н.Я. Мандельштам, о романе Л.Н. Толстого «Война и мир». А.И. Немировский хлопотал о публикации ее в «Подъеме».
- ⁴ Немировский Иосиф Исаакович (1888–1976), отец А.И. Немировского.
- ⁵ Шкловская-Корди Василиса Георгиевна (1890–1977), художница, первая жена В.В. Шкловского, близкая подруга Н.Я. Мандельштам; Шкловская-Корди Варвара Викторовна (р. 1927), физик, дочь В.В. и В.Г. Шкловских.
- ⁶ Полина Ионовна, хозяйка дачи в Графской.
- ⁷ Е.Я. Хазин и Елена Михайловна Фрадкина (1902–1981), художница, жена Е.Я. Хазина.
- ⁸ Немировская (урожд. Хейфец) Сима Натановна (1918–1975), музыкант, первая жена А.И. Немировского.

<3>

9 августа 1965 г., Графская

Дорогая Надежда Яковлевна!

Я уезжала с Немировскими и поэтому не ответила Вам быстро.

Шура купил десятидневные путевки в Киев, а из Киева на пароходе мы ездил до Херсона и обратно через Киев в Воронеж. Поездка была очень интересной.

С 29/VIII буду в Воронеже и очень, очень Вас жду. Стихи в «Подъеме», очевидно, все-таки будут.

Но это целая история: до нашего отъезда уже появились гранки, и Шура их проверил, все это было сделано во время отпуска заведомо поэта Гордеечева¹, он пришел и подал заявление («особое мнение») в Обком. Все приостановилось, многие возмутились, один молодой поэт в издательстве кричал: «Последнее дело – поэт доносит на поэта».

Так мы уехали, страшно огорченные, расстроенные.

Вчера Шура был в издательстве, говорил с Горд. Он заявил вдруг, что «как сорок тысяч братьев» за издание М., в Обкоме понравилась Шурина статья, с «маленькими» замечаниями. Стихи пойдут в № 5, Горд просил у Шуры еще стихов. Боюсь говорить, но, кажется, это уже твердо. Если стихи появятся, – это только упорство Шуры. А потом он будет думать о статье Е.Я., так он сказал.

№ 5 – это сентябрь–октябрь.

А там, может, и с книгой выйдет, вне плана, сторонников много. Книжки пришлю с Шурой к 1/IX.

Пишите скорее, целую, будьте здоровы.

Ваша Н. Ш.

Самый сердечный привет Е.Я. и Е.М. С теплотой вспоминаю их.

Конверт: «Веря Наро-Фоминского района Московск. обл., 1-ая Спартаковская, 20, Шевелевой для Мандельштам Надежды Яковлевны». Адрес отправителя: «Графская ЮВЖД, Пионерская, д. 3, Штемпель Н.Е.». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 19.8.65», «Веря Моск. обл. 2.8.65».

¹ Гордейчев Владимир Григорьевич (р. 1930), поэт, автор многочисленных стихотворных сборников, заведующий отделом поэзии воронежского журнала «Подъем».

<4>

17 декабря 1965 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Теперь Вы, наверное, получили мое письмо, Шура его дня два проносил в кармане пальто.

Не знаю, как закончить семестр, расписание кончила, теперь тетради и экзамены, помимо уроков¹.

Купила книжку А.А.² с незнакомыми мне четырьмя строчками и посвящением О.М. в стихотворении «Воронеж».

Посылаю Вам обложку последнего номера с «анонсом» к первому³. Это Шура достал для Вас. От него сердечный привет; к 15/1 он будет в Москве и привезет все книги.

Пишите, пожалуйста, хочется Вас видеть; нравится Вам жить в своей квартире?

Не скучаете? Гостей бывает много? Что у Вас стоит? Напишите подробнее, хорошо? Крепко Вас целую, будьте здоровы.

Ваша Наташа.

17/XII-65 г.

Вот, если бы приехали!

Конверт: «Москва 447, Большая Черемушинская, д. 50, кор. 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38, кв. 29, Штемпель». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 18.12.65», «Москва 20.12.65».

¹ С 1935 по 1971 г. Н.Е. Штемпель преподавала литературу и русский язык в Воронежском авиационном техникуме им. В.П. Чкалова.

² Имеется в виду книга А.А. Ахматовой «Бег времени» (М.; Л.: Советский писатель, 1965).

³ Имеется в виду № 12 журнала «Подъем» за 1965 г. с анонсом стихотворений О.Э. Мандельштама в № 1 за 1966 г.

<5>

25 января 1966 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Воронеж обрадовал нас версткой¹, правда, от статьи остались рожки да ножки, но было бы хоть что-нибудь.

Я еще во власти Москвы и московских впечатлений. С тех пор, как умерла мама, Воронеж – чужой. Вспоминаю, как хорошо было с Вами в вашей чудесной квартирке.

Завтра у меня трудный день – шесть уроков с утра, а сейчас сижу на Шурином диване и пишу Вам, а Шура печатает свою работу. Перенестись бы на минуту к Вам.

Целую Вас крепко, будьте здоровы.

Сердечный привет Ш².

Ваша Наташа.

P.S.

Если Вам не трудно, передайте привет Диане и скажите, пожалуйста, ей, что про платок и варежки я обязательно узнаю.

Шура просит передать Вам привет.

Н. Ш.

25/1-66 г.

Конверт: «Москва 447, Большая Черемушинская, д. 50, корп. 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38, кв. 29, Штемпель». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 28.1.66», «Москва 31.1.66».

¹ Имеется в виду верстка № 1 журнала «Подъем» за 1966 г. со стихотворениями О.Э. Мандельштама и вступительной статьей А.И. Немировского.

² Вероятно, имеется в виду Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982), писатель, поэт, один из первооткрывателей лагерной темы в литературе; в 1960-е годы дружил с Н.Я. Мандельштам, у нее же познакомился с Н.Е. Штемпель, когда та гостила в Москве.

<6>

20 февраля 1966 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Спасибо Вам за добрые слова, хотя теми качествами, которые Вы мне приписываете, я никогда не обладала, но это письмо знак Вашего доброго ко мне отношения, и мне это очень дорого.

Журнал уже на днях выходит, прямо не верится, но Шуре сегодня еще раз подтвердили, а стихи какие изумительные! Статья, конечно, получилась чудная, но ведь правил ее не автор, с ним не согласовывали.

Мне тоже очень понравились все Ваши друзья, но мне-то – понятно.

Хотелось еще прислать Ш.¹ Цветаеву,² и была уверена, что пришлю, но пока библиотека собралась взять из библиоколлектора книги, Цвет. из связки пропала. Мне это очень жаль. Ш. чудный. Что говорит про Вас Витя³, приеду расскажу, а пока он шлет Вам сердечный привет и радуется, что у Вас теперь есть свой дом. Он тоже вчера получил квартиру. Чудом, дом, где они жили, отдали под учреждение. Он так рад – жил в ужасных условиях.

Сердечный привет всем.

Целую Вас крепко, будьте здоровы.

Ваша Наташа.

20/II-66 г.

¹ В.Т. Шаламов.

² Имеется в виду книга М.И. Цветаевой «Избранные произведения» (М.; Л.: Советский писатель, 1965).

³ Штемпель Виктор Евгеньевич (1915–1985), брат Н.Е. Штемпель; речь идет об отзыве В.Е. Штемпеля о «Воспоминаниях» Н.Я. Мандельштам, машинопись которых ему давала прочитать Н.Е. Штемпель.

<7>

9 марта 1966 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Как же случилось с Анной Андреевной¹, как страшно, что ее нет.

С ранней юности любила ее стихи и знала их (Марина² вошла в жизнь позднее). Все время думаю о ней, все время в душе звучат ее стихи, читаю ее стихи ребятам на уроках, они слушают затаив дыхание.

Очень грустно...

Как же это... ведь она поправлялась!

«Подъем» вышел, но еще не поступил в продажу в киоски.

Только разносят подписчикам, я видела его, держала в руках, читала, там 10 стихотворений³, начинается с «Груши и черемухи», кончается – «Прости меня, великолепный брат...».

Статья сокращена, немножко комично, получаются неувязки. В общем, мелким шрифтом статья две страницы. Из списка, который у Вас, выпало одно стихотворение «неравномерной... походкой». Остальные все есть. Бумага хорошая. Шура уже мечтает о сборнике, и еще есть у него некоторые идеи... Теперь бы статью Е.Я.!

Как только появятся журналы в киосках, вышлю несколько экземпляров.

Просимое количество – до зарплаты к первому: всю зарплату, и еще заняла 140 руб., отдала Вите на квартиру, и сейчас на жизнь кругом занимаю, где рубль, где два. Но несколько экземпляров вышлю немедленно, каждый день спрашиваю. Может быть, появятся завтра.

Подписной выпросить не смогла, читала на почте, в отделе разноски, где висит табличка: посторонним вход воспрещен.

Вот и радость и горе приходят одновременно.

Крепко обнимаю, целую Вас, будьте здоровы, не то-
скайте, что же делать.

Сердечный привет Е.Я. и Е.М.

Ваша Наташа.

9/III-66 г.

Конверт: «Москва М-447, Большая Черемушинская, д. 50, кв. 4,
кор. 1. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отпра-
вителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38, кв. 29, Штемпель».
Почтовые штемпели: «Воронеж областной 11.3.66», «Мо-
сква 14.3.66».

¹ А.А. Ахматова умерла 5 марта 1966 г. в санатории «Домодедово»
под Москвой после очередного инфаркта.

² М.И. Цветаева.

³ В журнале «Подъем» (1966 г. № 1) были опубликованы стихотво-
рения О.Э. Мандельштама «На меня нацелились груша да
черемуха...», «Я скажу это начерно, шепотом...», «Не у меня,
не у тебя – у них...», «Твоим узким плечам под бичами крас-
неть...», «От сырой простыни говорящая...», «Скрипачка»,
«Возможна ли женщине мертвой хвала...», «На доске ма-
линовой, червонной...», «Я к губам подношу эту зелень...»,
«Как светотени мученик Рембрандт...».

<8>

3 апреля 1966 г. <Воронеж>

Милая Надежда Яковлевна!

В субботу с Аркадием¹ послала Вам еще 5 журналов и
«Молодой коммунар»², а сегодня в «Мол. коммунаре» опять
несколько слов об О.Э.

Не знаю, интересно ли Вам, но на всякий случай по-
сылаю вырезку.

Чувствую себя очень плохо.

Будьте здоровы, не огорчайтесь так.

Целую, Наташа.

3/IV-66 г.

P.S.

В Воронеже ходят упорные слухи, что в Ленинграде издается сборник³, правда?

Сердечный привет Вам от Шуры.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, корп. 1, д. 50, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38, кв. 29, Штемпель». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 5.4.66», «Москва 7.4.66».

¹ Слуцкий Аркадий Иосифович (р. 1940), воронежский поэт, добрый знакомый Н.Е. Штемпель.

² Газета, издававшаяся в Воронеже. Какие именно номера газеты послала Н.Е. Штемпель Н.Я. Мандельштам, установить не удалось.

³ Имеется в виду сборник стихотворений О.Э. Мандельштама в большой серии «Библиотека поэта». Сборник был составлен Н.И. Харджиевым, в 1968 г. уже существовал макет книги, но в свет сборник вышел только в 1973 г.

<9>

18 августа 1966 г. <Воронеж>

Милая Надежда Яковлевна!

Два раза была этим летом в Москве, но так плохо себя чувствую, что не решилась на четырехчасовое путешествие в такую жару в автобусе, а так хотелось Вас увидеть¹.

В Графской до 29/VIII, но часто бываю в Воронеже, очень прошу Вас, напишите о себе хоть несколько слов. Два раза звонила Шкловским.

«Молодой коммунар» должен был напечатать большую подборку стихов, обратились к Шуру с просьбой написать статью. И вот через два месяца появилась очень сокращенная статья без стихов.

Посылаю Вам для коллекции². Жду от Вас письма.
Будьте здоровы, крепко целую.

Наташа.

Всем сердечный привет.
18/VIII-66

Конверт: «Верея, Нарофоминского района, 1-ая Спартаковская, д. 20, Шевелевой для Н.Я. Мандельштам». Адрес отправителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38, кв. 29, Штемпель Н.Е.». Почтовый штемпель: «Графская Воронеж. обл. 21.8.66».

¹ Н.Я. Мандельштам проводила лето в городе Верее под Москвой.

² К письму приложена вырезка из газеты «Молодой коммунар» от 19 августа 1966 г. со статьей А.И. Немировского «Мандельштам в Воронеже».

<10>

1 декабря 1966 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

О какой Шуриной статье Вы пишете? В «Молодом коммунаре»? Я давно ее Вам послала, или пропадают мои письма? Статья об античной теме в стихах¹ не напечатана, существует только напечатанной на машинке. Напишите, о какой Вы говорите, и я вышлю.

Если выйдет «Разговор о Данте»², поможете нам купить два экземпляра, боюсь, сюда и не попадет.

Получили ли Вы мое последнее письмо, совсем недавнее?

Мои злоключения продолжаютя. Горсовет вынес постановление об уплотнении того, у кого есть излишняя площадь. У меня ее через край. А дом теперь принадлежит заводу Ленина, даже не нашему заводу. Я не в состоянии жить с какими-то посторонними людьми, тем более, если Вы помните, квартира очень компактна, всё рядом. Не знаю, что делать.

Зимой мечтаю приехать в Москву, увидеть Вас. Настроение у меня очень плохое. И погода у нас тоже плохая, слякоть, мокрый снег.

Пожалуйста, пишите мне, плохо мне без мамы, хоть это звучит, наверное, смешно.

Купила «Простор» № 11³. Хорошо, очень приятно, что опять стихи.

Целую Вас крепко, будьте здоровы.

Ваша Наташа.

1/XII-66 г.

Сердечный привет от Шуры.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 50, кв. 4, корпус 1, Мандельштам Надежде Яковлевне». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 21.2.66», «Москва 4.12.66».

¹ Статья А.И. Немировского «Античные сюжеты воронежских стихов Осипа Мандельштама».

² Книга О.Э. Мандельштама «Разговор о Данте» вышла в 1967 г. (Москва, «Искусство»).

³ В журнале «Простор» были опубликованы стихотворения О.Э. Мандельштама «Когда, уничтожив набросок...», «Сохрани мою речь навсегда...», «Пластинкой тоненькой “жиллета”...», «Еще далёко мне до патриарха...» (публикацию подготовила Н.Я. Мандельштам).

<11>

18 февраля 1967 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Меня очень взволновало Ваше письмо¹. Я знала Вас в самые трудные годы вашей жизни...

Очень хочу Вас увидеть. В этом году у меня нет зимних каникул: одни группы уходят, другие – приходят, но у меня нет уроков в субботу и вторник, наверное, я смогу отпроситься в понедельник и приехать на четыре дня в любую субботу, если Вы хотите и когда Вам удобнее.

Когда Вы можете уехать в Ленинград?

Очень хотелось бы поговорить по телефону, но я не знаю, когда Вы бываете у Е.Я.²

Все ли ваши знакомые здоровы? У нас страшный грипп.

В моих письмах трехмесячного перерыва не было.

Напишите, пожалуйста, поскорее.

Сердечный Вам привет от Шуры.

Будьте здоровы, крепко Вас целую.

Ваша Наташа.

18/II-67 г.

Шура переругался в «Подъеме» из-за статьи Е.Я.³, они хамы, и взял ее, очевидно, это безнадежное лежание.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 50, корпус 1, кв. 4, Мандельштам Надежде Яковлевне». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 18.2.67», «Москва 21.2.67».

¹ Имеется в виду письмо Н.Я. Мандельштам от 7 февраля 1967 г., в котором она, в частности, пишет: «У меня мало радости и много горя».

² Е.Я. Хазин.

³ См. комментарий 3 к письму 2.

<12>

2 сентября 1967 г., Графская

Дорогая Надежда Яковлевна!

Как хотела бы сейчас быть вместе с Вами.

Как странно – нет теперь Ильи Григорьевича¹, я знала и любила его всю сознательную свою жизнь, с ранней юности.

Что же случилось? Ведь никто не говорил, что он плохо себя чувствует.

Как теперь Наталья Ивановна²! И она последний раз была такая оживленная и красивая.

Вряд ли прожил кто-нибудь такую богатую жизнь, хорошо, что оставил он нам свою книгу «Годы, люди, жизнь».

Кто же еще остался?

Почему-то мне очень грустно.

Вашу любую просьбу я выполню, пишите, очень Вас прошу.

Сердечный всем привет.

Обнимаю Вас, целую.

Наташа.

2/IX

Привет Вам от Шуры, мы опять на два дня в Графской.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 50, корпус 1, кв. 4, Мандельштам Надежде Яковлевне». Почтовые штемпели: «Графская Воронеж. обл. 3.9.67», «Москва 5.9.67».

¹ Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), писатель, публицист, общественный деятель, друг О.М. и Н.Я. Мандельштам. Умер 31 августа после перенесенного инфаркта.

² Столярова Наталия Ивановна (1912–1984), переводчица, литературный секретарь И.Г. Эренбурга, близкая подруга Н.Я. Мандельштам.

<13>

3 января 1968 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Что у Вас нового, как себя чувствуете? Как книга¹, скоро ли выйдет?

Очень болела П.И.², Шура Вам говорил, ее поднял мой новый знакомый, он настоящий врач и любит стихи, у нас бывает чуть ли не каждый день.

Страшно угнетает погода: серость сплошная, туман, дождь, скользота. Кончается семестр, уйма тетрадей. Вот и все мои новости.

Сейчас живет у меня еще Тамара, вечно бог ввязывает меня в чужие судьбы.

Пишите, Надежда Яковлевна.

Крепко Вас целую.

Наташа.

3/1-68 г.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 50, кв. 4. корпус 1, Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38, кв. 29, Штемпель». Почтовый штемпель: «Москва 7.1.68».

¹ См. примечание 3 к письму 8.

² См. примечание 6 к письму 2.

<14>

10 апреля 1968 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Пожалуйста, не сердитесь за мое долгое молчание. Так мы переволновались с Шурой, а потом я заболела: грипп с высокой температурой.

Проф. Тумановский в диагнозе поставил под вопросом злокач[ественную] опухоль, и Шура от безнадежности лег тут на обследование. Установили бронхоэктатическую болезнь, операцию делать нельзя, потому что затронуты обе стороны. Чувствует сейчас себя Шура неплохо и на днях выпишется из больницы.

Вообще это время было очень напряженным во всех отношениях: почти каждый день поездка в областную больницу к Шуре (Симе¹ некогда), левый берег, уроки, подготовка к Горьковскому юбилею и т. д.

Как чувствуете себя Вы, как Е.Я.? Есть ли какой-нибудь сдвиг в Ленинграде со стихами О.Э.?

Очень хотела бы Вас увидеть, но на май, очевидно, не приеду.

Пишите, милая Надежда Яковлевна, буду сразу отвечать.

Крепко Вас целую, будьте здоровы.

Ваша Наташа.

10/IV-68 г.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 50, кор. 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38, кв. 29, Штемпель». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 11.4.68», «Москва 13.4.68».

¹ См. примечание 8 к письму 2.

<15>

10 мая 1968 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

От Вас очень давно нет писем. Я очень волнуюсь, здоровы ли Вы, все ли благополучно. Как здоровье Е.Я.?

Напишите несколько слов.

Не напечатаны ли стихи, у нас говорят, что вышли.

Я болею, больше месяца температура, кашляю, еле хожу, болит и нога.

Шура в Геленджике в санатории, чувствует себя, кажется, лучше.

Вот и все наши новости.

Напишите, пожалуйста, хоть несколько слов.

Крепко целую Вас, будьте здоровы.

Наташа.

10/V-68 г.

<16>

19 мая 1968 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Журнал¹ у меня есть, я его выписываю. С каким удовольствием я прочитала О.Э.! Как хорошо, что напечатали.

А что слышно о книге стихов? В Воронеже ходят слухи, что она вышла.

Хорошо, что Е.Я. и Е.М. поехали в санаторий. Что думаете о лете?

Шура сейчас в санатории в Геленджике, скоро вернется. А я болею уже два месяца, сейчас опять хуже: температура (37,3, 37,4), сухой кашель, заложена грудь, слабость, но работаю, только три дня высидела дома.

Как Вика² с мужем, я такая свинья – не написала им и потеряла адрес.

Очень прошу Вас, пишите хоть несколько слов.

Буду беспокоиться.

Наши письма, очевидно, разошлись.

Весна изумительная, а я ее не вижу.

Будьте здоровы, крепко Вас целую.

Наташа.

19/V-68 г.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 50, кор. 1, кв. 4, Манделъштам Надежде Яковлевне». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 21.5.68», «Москва 23.5.68».

¹ Имеется в виду № 4 журнала «Вопросы литературы» за 1968 г. Там были опубликованы записные книжки и заметки О.Э. Манделъштама (публ. и вступ. заметка И.М. Семенко).

² Швейцер Виктория Александровна (р. 1932), литературовед, исследователь творчества О.Э. Манделъштама, подруга Н.Я. Манделъштам.

<17>

21 июня 1968 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

До сих пор не могу представить себе, что такое могло случиться с Виктором¹.

Положение его стабильно: не хуже, но ногу, очевидно, сохранят, у него множественный осколочный открытый перелом. Лег он надолго, и как потом будет ходить, неизвестно – подвижность в суставе будет ограничена.

Я три месяца болею, как говорят, бронхитом.

Экзамены взяла, потому что в этом году у меня очень плохо с деньгами.

Насчет отдыха все неясно, к Вам приехать очень хочется, но как будет Виктор, как буду чувствовать себя и т. д. Позднее напишу. И если приеду недели на две, можно ли будет найти на такой срок что-нибудь вроде комнаты?

Очень хочется увидиться, о многом поговорить, я надеюсь, что это осуществится.

Шура опять ставил вопрос о «Воронежских тетрадах»². Сейчас у меня полное сумасшествие: экзамены, уроки, тетради бесконечные и отчет плюс мое состояние.

Не ругайте за нытье, пожалуйста, пишите мне.

Крепко Вас целую.

Наташа.

21/VI-68 г.

Вчера на экзамене у меня открылся свищ, и я подплыла.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 50, корпус 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38, кв. 29, Штемпель». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 23.6.68», «Москва 25.6.68».

¹ См. примечание 3 к письму 6.

² Очевидно, А.И. Немировский не оставлял надежду опубликовать сборник стихотворений О.Э. Мандельштама в Воронежском областном издательстве.

<18>

18 июля 1968 г., Графская

Милая Надежда Яковлевна!

Не повезло мне в этом году, у меня бюллетень, свищ еще не закрылся, хотя течет из него немного, раз в неделю приходится бывать в диспансере.

Мечтаю хоть в конце августа на несколько дней приехать к Вам, но ничего не знаю, так мечтала это лето хотя бы недели две пожить в Верее, очевидно, загадывать нельзя.

Витю только вчера на костылях и в гипсе выписали из больницы. Почти не ходит, гипс положили на рану, очень болит нога.

Не знаю даже, как выразить Вам благодарность и радость мою за книгу¹, большое, большое Вам спасибо.

Не писала долго, т. к. потеряла адрес, еле нашла письмо, не сердитесь и, если можно, пишите. На душе паршиво.

Как чувствуют себя Елена Михайловна и Евгений Яковлевич? Самый сердечный им привет и наилучшие пожелания.

Крепко Вас целую, люблю.

Ваша Наташа.

18/VII-68.

Конверт: «Верее Наро-Фоминского района, Первая Спартаковская, д. 20, Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Графская, Ворон., Пионерская, д. 3, Штемпель Н.Е.». Почтовые штемпели: «Графская Воронеж. обл. 18.7.68», «Верее Моск. обл. 21.7.68».

¹ Имеется в виду книга О.Э. Мандельштама «Разговор о Данте» (М.: Искусство, 1967).

<19>

24 сентября 1968 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

У меня тоже лето прошло очень трудно. Главное – Виктор, до сих пор он не наступает на ногу, уже четыре месяца, и можно будет наступать не раньше, чем через месяц. Нога до сих пор очень болит.

У меня не закрылся еще свищ и мучает бронхит, если это бронхит. Остальное без перемен. В Москве, конечно, не была. Мечтаю приехать или в ноябре, а скорее всего на зимние каникулы, у меня там будет порядочно дней.

Пожалуйста, милая Надежда Яковлевна, напишите подробнее о себе. Что слышно о книжке? Как живет Вита¹?

Не сердитесь на меня, я всегда люблю Вас и помню, а писать не всегда могу.

Крепко Вас целую.

Наташа.

24/IX-68 г.

Как хотелось бы мне, чтобы приехали Вы.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 50, кор. 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38а, кв. 29, Штемпель». Почтовый штемпель: «Воронеж 25.9.68».

¹ См. примечание 2 к письму 16.

20 (Телеграмма)

1 ноября 1968 г. <Воронеж>

ДОРОГАЯ НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА, В ЭТОТ ДЕНЬ¹
С ВАМИ. НАТАША, ШУРА.

Адрес: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, дом 50, корпус 1, кв. 4. Мандельштам». Почтовый штемпель: «Москва 1.11.68».

¹ Н.Я. Мандельштам родилась 31 октября (18 октября по старому стилю) 1899 г.

<21>

21 апреля 1969 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Очень рада была Вашему письму. Очень хочу Вас тоже видеть. Если буду здорова, то обязательно приеду, только после майских праздников, может быть, числа 6/V, там, перед Днем победы, у меня получается больше дней: группы уходят на практику. Значит, очевидно, скоро увидимся.

У меня все по-прежнему, только весь год неважно себя чувствую, Вы меня не узнаете, очень похудела и постарела.

Шура шлет Вам сердечный привет, в мае он собирается на юг.

Виктор работает, ходит с палкой с трудом, нога очень отекающая.

Целую Вас крепко.

Ваша Наташа.

21/IV-69 г.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 50, корпус 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 22.4.69», «Москва 26.4.69».

<22>

22 сентября 1969 г. <Воронеж>

Милая Надежда Яковлевна!

Страшно бестолково прошло лето: июль – дождь, холод и очень плохо себя чувствовала. Август – до 12 экзамыны, потом просили составить сложнейшее расписание, отказаться было неудобно, т. к. некому. Вот и весь отпуск. Сейчас очень было много работы, общественной, нагрузка учебная небольшая.

Очень хочется Вас видеть, что у Вас нового, как чувствуют себя Е.Я. и Е.М.? Сердечный им привет.

Может быть, приеду зимой, напишите мне поподробнее о себе.

Крепко целую Вас.

Наташа.

22/IX-1969 г.

<23>

12 ноября 1969 г. <Воронеж>

Милая Надежда Яковлевна!

Как редко мы стали писать друг другу.

Как Вы себя чувствуете, как Е.Я. и Е.М.?

О книге¹, очевидно, разговор снят?

Очень хотела бы увидеть Вас, как давно мы не виделись! Мечтаю в конце января приехать на несколько дней в Москву.

На ноябрьских праздниках у меня была Женя².

Чувствую себя очень неважно – болит сердце. Настроение тоже плохое.

5/XI и 8/XI отпраздновали пятидесятилетний Шурин юбилей. Университет отмечал торжественно, в «Коммуне» появилась большая о нем статья. Но здоровье у Шуры очень подломилось, кроме его бронх, песок или камни в почках.

Виктор ходит без палки, но прихрамывает, а по ночам нога очень сильно болит. Вот и все новости.

Напишите мне, пожалуйста, хоть несколько слов поскорее, я сейчас же отвечу.

Целую Вас, желаю полного благополучия и здоровья.

Ваша Наташа.

12/XI-69 г.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 50, кор. 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Почтовые штемпели: «Воронеж обл. 14.11.69», «Москва 17.11.69».

¹ См. примечание 3 к письму 8.

² Перкон Евгения Николаевна (1904–1979), педагог-словесник, преподаватель театрального училища при Театре им. В.В. Маяковского, близкая подруга Н.Е. Штемпель.

<24>

11 декабря 1969 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Да, время уходит, а мы так редко видимся! Грустно. Вы просто молодец. А я все езжу на Левый берег и чему-то учу ребят.

Мечтаю в начале февраля поехать в Москву, хорошо, если удастся. Чувствую себя очень неважно.

Все хочу спросить, как живет Вика, ведь у нее ребеночек, где она?

Устаю, живу однообразно, молодежь моя переженилась, Дима¹ уехал в Черновцы, меня это огорчило. Как бы я хотела, чтобы Вы очутились у меня хоть на денек.

Скоро елка, я так ее люблю. А мы все вспоминали с Шурой, когда Ваш день рождения, так и не вспомнили, вот свинство.

Пишите хоть два слова. И видеться стали редко, и писать тоже. Вы, наверное, отвыкли от меня, около Вас столько интересных людей.

Сердечный привет Е.Я. и Е.М.

Крепко Вас целую, пишите, прошу Вас.

Ваша Наташа.

11/XII-69 г.

Шура тоже просит передать привет и лучшие пожелания.

Бывает ли Шаламов?

¹ Заславский Д.П., близкий друг Н.Е. Штемпель, автор воспоминаний о ней.

<25>

25 мая 1970 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Я мечтаю приехать этим летом к Вам хоть на два дня в Переделкино.

Чувствую я себя лучше, чем прошлый год.

Как будет с деньгами, у меня еще уменьшилась зарплата, а летом какой-то странный расчет, вычитают за какие-то пять дней, в сентябре эти деньги возвращают.

Но все-таки, думаю, приеду.

Надежда Яковлевна, в Москве будет Дима, я прошу его зайти к Вам, хорошо?

Напишите поподробнее о себе, что у Вас нового, как себя чувствуете? Как Е.Я.?

Я не знаю Вашего адреса в Переделкине. Когда думаете туда ехать?

У меня пока нового ничего нет. Отпуск с 5/VII, придется принимать приемные экзамены, это досадно: разбивается отпуск.

Шура очень неважно себя чувствует (bronхи).

Целую Вас крепко, будьте здоровы.

Наташа.

25/V-70 г.

Забыла Ваш новый номер дома, № 4?

<26>

9 марта 1971 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Вы не представляете, как обрадовало и в то же время взволновало меня Ваше письмо¹.

Вы так давно мне не писали! Что с сердцем и кто ухаживает за Вами, кто все делает?

Каков диагноз? Сможете ли выехать летом на дачу?

Спасибо Вам за кофточку, но моя еще держится, я ее зашиваю, и она более или менее прилично выглядит, в техникуме удивляются, что я так долго ее ношу.

Шуре сейчас, конечно, ни до чего. Марик² в больнице и в тяжелом состоянии, и думать было нечего привезти его в Москву.

Лена³ тоже третью неделю в больнице (аппендицит, воспаление легких, а теперь ревмокардит).

Вот и бегаем из больницы в больницу. На Шуру страшно смотреть, но он все же много работает – готовится к спецсеминару, пишет книгу.

Вообще грустно, и чувствую себя очень плохо.

Наверное, работаю последний год.

Была ли у Вас тетя?

Как чувствуют себя Е.Я. и Е.М., им, если сможете, передайте сердечный привет.

Поправляйтесь, крепко Вас целую.

Ваша Наташа.

9/III-71 г.

¹ Имеется в виду письмо Н.Я. Мандельштам от 2 марта 1971 г., в котором она, в частности, пишет: «Я лежу больше месяца (1 1/2 – с 12 января) – сердце».

² Немировский Марк Александрович (р. 1948), филолог, сын А.И. Немировского; в то время страдал нервным переутомлением.

³ Немировская Елена Александровна (р. 1954), юрист, дочь А.И. Немировского.

<27>

25 мая 1971 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Я была бы бесконечно счастлива, если бы Вы приехали ко мне. Я не знаю, какая будет обстановка в Графской, как себя будет чувствовать Марик и кто там вообще будет из Немировских.

Но ведь мы можем быть и у меня. Тихо, просторно, балкон. Я буду готовить обед, рынок рядом.

Приезжайте, милая Надежда Яковлевна. Только чтобы Ваш приезд не совпал с приемными экзаменами.

Я подала заявление об уходе из техникума. Очень мне грустно, не знаю, что буду делать, чем займусь. Сделала это потому, что, во-первых, одна преподавательница должна оформлять пенсию и на остальных приходится по 500 часов (будут дуться, что я не ухожу, и им мало часов – это очень неприятно), во-вторых, неважно себя чувствую, хотя уже несколько лет не пропустила ни одного урока, но это не главное, т. е. состояние здоровья.

Вот и все мои новости.

Целую Вас крепко, будьте здоровы.

Наташа.

25/V-71 г.

P.S.

Шура несколько дней был в Москве, звонил Вам, но никто не взял трубку.

Надежда Яковлевна, то, что Вы не написали «а», это неважно. И 38, и 38а – это один двор, и многие пишут без «а», правда, третью посылку я не получила, но по каким-то другим причинам, может быть, первомайская суতোлка.

Какое хорошее сейчас время: цветут ландыши, сирень, тюльпаны, пионы.

У Вас, наверное, много цветов.

Напишите, пожалуйста, поскорее.

Почему-то до сих пор я периодами очень остро чувствую отсутствие мамы.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 14, кор. 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, 18, Никитинская, д. 38а, кв. 29, Штемпель». Почтовые штемпели: «Воронеж 26.5.71», «Москва 28.5.71».

<28>

6 июня 1971 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

С нетерпением буду ждать Вашего приезда, мне кажется, Вам не будет здесь плохо.

Отпуск у меня с 6 июля, вернее, не отпуск: я подала заявление об уходе из техникума, но приемные экзамены буду принимать (это с 1 августа).

Вы приезжайте, как Вы наметили, дайте телеграмму, я Вас встречу.

Адрес Графской:

Графская, ЮВ ж. д. (или Воронежской обл.), Пионерская, д. 3, Беловой.

Целую Вас крепко, будьте здоровы, сердечный привет Е.Я. и Е.М.

Ваша Наташа.

6/VI-71 г.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 14, корпус 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38а, кв. 29, Штемпель». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 7.6.71», «Москва 10.6.71».

<29>

26 декабря 1971 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Я все болею, теперь грипп. Первый раз меня заразил Шура, только стала поправляться, пришлось, как сиделке, ухаживать за Буяновыми¹. Они оба – совершенно в лежку. А потом, очевидно, заразилась от них, и вот болею, хотя сейчас уже лучше.

Поздравляю Вас, дорогая Надежда Яковлевна, с наступающим Новым годом. Что-то он принесет?

Желаю Вам всех благ, а главное – здоровья, целую Вас, обнимаю и всегда люблю и помню Вас.

Очень скучаю без работы, хотя чем-то занята целый день.

У Шуры ничего хорошего: в четвертый раз отложили суд² на 6 месяцев. Сима взяла лучшего адвоката, вела и ведет себя возмутительно. Здесь живет и Ф.А., все прописаны в Москве, занимают и здесь его квартиру. А Шура без угла. В основном живет у меня и меньше у папы.

Возможно, уедет из Воронежа, хотя очень этого не хочет. В Ярославле ему очень не нравится, говорит, если поедет, принесет себя в жертву.

Еще раз крепко Вас целую, пожалуйста, напишите хоть два слова – всегда волнуюсь, когда от Вас нет писем.

Наташа.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 14, корпус 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, 18, Никитинская, д. 38а, кв. 29, Штемпель Н.Е.». Почтовый штемпель: «Воронеж областной 26.12.71», «Москва 10.6.71».

¹ Буяновы Николай Семенович и Антонина Владимировна, соседи и ближайшие друзья Н.Е. Штемпель; Н.С. Буянов был многолетним сослуживцем Н.Е. по авиационному техникуму.

² А.И. Немировский подал на развод в июле 1969 г., но его жена в суд ни разу не являлась, так что процедура развода затянулась.

<30>

5 марта 1972 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Шура говорил, что у Вас грипп. Поправились ли Вы, от Вас так давно нет писем!

Я чем-то бестолково занята целые дни.

А в общем мне очень плохо без моих ребят и работы.
Напишите подробнее о себе, а самое главное, как себя чувствуете?

Выйдет ли книга в серии библиотеки поэта¹?

Шура больше недели болел, очевидно, радикулит.

Вот и все наши новости.

Всегда Вас помню.

Целую. Ваша Наташа.

5/III-72.

Сердечный привет Е.М. и Е.Я. Как они себя чувствуют? Где будете летом?

Надежда Яковлевна, напишите, пожалуйста, индекс.

Мой индекс: 394018.

Приписка А.И. Немировского:

Дорогая Надежда Яковлевна!

Поздравляю Вас с не Вашим праздником, потому что Вы, как амазонка, по ошибке родились женщиной.

Ваш Шура.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, д. 14, корпус 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38а, кв. 29, Штемпель Н.Е.».

¹ См. примечание 3 к письму 8.

<31>

18 сентября 1972 г., Сухуми

Дорогая Надежда Яковлевна!

Совершенно не знаю, где Вы, как себя чувствуете!

Я волею судеб оказалась в Сухуми (пригласили Буяновы). Я так счастлива, что вижу море, чудесные пальмы и, как в сказке, кедры, цветет индийская сирень. Это лето в Воронеже было безумно тяжелым.

Думаю постоянно о Лене¹, я так понимаю ее и очень ей сочувствую. Как она? Сердечный ей мой поклон.

Дорогая Надежда Яковлевна, прошу Вас, напишите хоть несколько слов.

До конца сентября буду в Сухуми, а потом дома.

Крепко целую Вас, будьте здоровы.

Наташа.

18/IX-72.

¹ О ком идет речь, установить не удалось. В письме от 21 сентября 1972 г. Н.Я. Мандельштам пишет: «Вас целует Лена. Она очень тяжело переживает смерть матери».

<32>

26 сентября 1972 г., Сухуми

Милая, дорогая моя Надежда Яковлевна!

Спасибо большое за письмо, как оно меня обрадовало!

Я так давно от Вас не получала писем.

Мне здесь очень хорошо, я не могу насладиться красотами юга. Как великолепно море, еще цветет индийская сирень, олеандры, розы, и непредставимо, что где-то холодно и серо.

Как понимаю я Лену, я написала ей из Воронежа на проспект Вернадского (там не было индекса), не знаю, получила ли она. Поцелуйте ее за меня, я часто о ней думаю.

Шура остался с моими кошками, их у меня тоже три. И шлет телеграммы: «Звери благоденствуют» или «Котов кормлю до полного насыщения. Рыжик лопнул...»

А Сухумская почта присылает их с пометкой: проверено, верно.

Из Воронежа он еще не уехал, но очень вероятно, что в ноябре уедет. Развестись пока никак не может: козни за кознями.

Мечтаю приехать в Москву, увидеть Вас, привезти вещи Надежды Васильевны¹, поклониться ей от меня.

Очень хочется хоть часок побыть с Вами. _____

29/IX – лечу домой (всего 4 часа), очень не хочется.

Вы пишете, что чувствуете себя на 80, но Вы так умеете работать, как не умеют молодые люди.

Напишите, милая Надежда Яковлевна, мне в Воронеж.

Обнимаю, крепко Вас целую, будьте здоровы.

Ваша Наташа.

26/IX-72 г.

¹ Неустановленное лицо.

<33>

27 декабря 1973 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом!

Пусть он будет добрым и хорошим, хотя бы приблизительно.

Желаю Вам здоровья и бодрости душевной. Пусть будет благополучно все у Вас и у близких Вам людей.

Как хотелось бы посидеть около Вас.

Открытку под мою диктовку пишет Света.

Какой-то бандит в моем подъезде огрел меня палкой по голове, и у меня опять сотрясение (кажется, в шестой раз). Не везет. Второй год такой новогодний подарочек.

Обнимаю, целую Вас.

Ваша Наташа.

27/XII.

P.S. Если выйдет книжка О.Э., вспомните обо мне. Это так меня порадует. Еще раз будьте здоровы.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, дом 14, кор. 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, ул. Никитинская, д. 38а, кв. 29, Штемпель». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 28.12.73», «Москва 3.1.74».

<34>

5 мая 1974 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Ваш подарок я отдала через Виктора¹ (он меня встречал). В этот же день позвонила Таня² и сказала, что платье «просто прелестное» и как будто на нее сшито, немного коротко, но она его уже отпустила. Она очень хорошо шьет. В общем, она очень рада и просила меня поцеловать Вас.

Действительно, оно ей очень идет. Большое спасибо.

В Воронеже почти лето: распустились листочки, зелень ослепительная, тепло, больше двадцати градусов.

Как чувствуете себя Вы, когда собираетесь на дачу?

Я случайно нашла две тетрадки³, я их, оказывается, тогда не порвала, может быть, допишу до конца все, что помню.

Пожалуйста, напишите хоть несколько слов.

Сердечный привет Ленам.

Крепко Вас целую, будьте здоровы.

Ваша Наташа.

5/V-74 г.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, дом 14, кор. 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, Никитинская, д. 38а, кв. 29, Штемпель Н.Е.». Почтовые штемпели: «Воронеж обл. 6.5.74», «Москва 7.5.74».

¹ В.Е. Штемпель.

² Штемпель (Муштавинская) Татьяна Олимпиаевна (1918–1988), жена В.Е. Штемпеля.

³ Вероятно, имеются в виду воспоминания Н.Е. Штемпель «Мои встречи с Осипом Мандельштамом», которые она начала писать в 1967 г. и закончила в 1986 г.

<35>

25 мая 1974 г., Ялта

Дорогая Надежда Яковлевна!

Очень была рада Вашему письму. Получила его в Ялте.

Женя¹ поехала в Ялту и предложила приехать мне. И вот с 13 мая я в Ялте, 3 июня я уже буду снова в Воронеже.

Большое спасибо за приглашение. С Вами мне всегда хорошо и интересно. Я с удовольствием вспоминаю Тарусу, Вереву, где была у Вас. До каких пор Вы думаете пробить под Загорском?

Мне нужно, во-первых, отдать долг (я заняла перед поездкой в Ялту), во-вторых, не знаю, когда Буяновы поедут в Сухуми. С 1 по 15 августа я буду принимать экзамены. Вы мне все-таки напишите адрес, чтобы я могла Вам ответить.

Ялта очень красива, весна в этом году поздняя, и все цветет сразу. Самое главное, не жарко, почти всегда в летнем пальто.

Целую Вас, милая Надежда Яковлевна, обязательно будьте здоровы. Привет Ленам.

Ваша Наташа.

25/V-74 г.

P.S.

Надежда Яковлевна, удобнее всего мне было бы приехать после 15 августа.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, дом 14, кор. 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Ялта, Главпочтамт до востребования, Штемпель Н.Е.». Почтовые штемпели: «Ялта Крым. обл. 25.5.74», «Москва 27.5.74».

¹ Е.Н. Перкон.

<36>

7 августа 1974 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

Я все время думаю о Вас, хотела бы быть с Вами. И слов никаких нет, которые могли бы помочь¹.

Я очень люблю Вас и не я одна.

Теперь Вам надо думать о себе.

Жалко очень Елену Михайловну².

Телеграмму Шкловским я сразу дала. Будет ли ей легче со мной³!?

Сейчас принимаю экзамены, смертельно устаю, сотрясение мое сказывается, болит голова.

Е.М. не пишу, не знаю, где она. Я получила на телеграмму от нее записку из Москвы. Адрес московский не помню, на конверте нет.

Поклонитесь ей от меня.

Целую Вас, ради Бога, будьте здоровы.

Ваша Наташа.

7/VIII-74 г.

Конверт: «Московская область, Загорский район, Семхоз, Парковая За, Меню для Надежды Яковлевны». Адрес отправителя: «Воронеж, 18, Никитинская, д. 38а, кв. 29, Штемпель Н.Е.». Почтовый штемпель: «Семхоз Моск. обл. 9.8.74».

¹ 26 июня 1974 г. умер брат Н.Я. Мандельштам Е.Я. Хазин.

² Е.М. Фрадкина.

³ Н.Я. Мандельштам писала Н.Е. Штемпель: «...невестка Елена Михайловна в ужасном состоянии. Не согласились ли бы вы с ней поехать в санаторий?»

<37>

19 августа 1974 г. <Воронеж>

Дорогая Надежда Яковлевна!

У Сережи¹ солнечный удар, но, кажется, опасность миновала.

Вы не беспокойтесь, 28/VIII днем я буду в Москве.

Курортную карту, как сказал мне Никита², высылаю на Ваш адрес.

Крепко целую.

Наташа.

19/VIII-74 г.

P.S.

Заполнение этой карты – «хождение по мукам».

Сердечный поклон Елене Михайловне.

Конверт: «Москва, М-447, Большая Черемушинская, дом 14, корп. 1, кв. 4. Мандельштам Надежде Яковлевне». Адрес отправителя: «Воронеж, 18, Никитинская, д. 38а, кв. 29, Штемпель Н.Е.». Почтовые штемпели: «Воронеж областной 20.8.74», «Москва 21.8.74».

¹ По всей видимости, Сергей Лукьянчиков, двоюродный брат Н.Е. Штемпель, проживавший в Вологде.

² Шкловский-Корди Никита Ефимович (р. 1952), сын В.В. Шкловской-Корди.

Валерий Сажин

АРХИВ Н.Е. ШТЕМПЕЛЬ В РОССИЙСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ
История и современное состояние

Как ни обратишься к документам или свидетельствам очевидцев (да и к собственной памяти), всякий раз вспоминаешь правоту Ю.Н. Тынянова: необходима их критическая проверка.

Вот письмо, адресованное мне Натальей Евгеньевной Штемпель: на нем стоит дата 24 декабря 1978 г., но на самом деле оно написано в *ноябре*. Вот мое к ней письмо, написанное в начале апреля 1986 г., а на письме обозначен 1984 г. Точные даты здесь особенно важны: в письмах речь идет о перипетиях существенных для нас обоих событий, и всякий хронологический сбой ведет к деформации реальности¹.

Документальное свидетельство может привести и к превратной интерпретации подлинных человеческих взаимоотношений. Возьмем фрагмент письма Н.Е. Штемпель к Э.Г. Герштейн от 20 февраля 1983 г.: «Отдать воспоминания² в Публичку не являлось моей инициативой. Сотрудники Отдела редких книг и рукописей допекали меня в течение двух лет. Я отказывалась их отдать. И вот однажды, без предупреждения, приехал научный сотрудник, некий Сажин, специально за работой. Я растерялась, мне как-то было неудобно ему отказать, отдала без подписи, без заглавия, не успела даже перечитать. Он приезжал на один день»³.

С улыбкой читаю эти слова, потому что истинные обстоятельства, предшествовавшие моему приезду в Воронеж и личному знакомству с Натальей Евгеньевной, к счастью, восстанавливаются в памяти благодаря нашей взаимной переписке. А то, как, в свойственной Э.Г. Герштейн манере, она агрессивно атаковала Н.Е. Штемпель за безрассудное поведение и как та в ответ должна была, обороняясь, прибегать к любым средствам для оправдания своего «легкомыслия»⁴, – легко представит себе любой, кто знает и помнит противоположные темпераменты обеих дам.

То, что мне предстоит здесь рассказать, является эпистолярным комментарием к одному из фрагментов истории архивного дела 1980-х годов: передачи архива Н.Е. Штемпель на хранение в Отдел рукописей тогдашней Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ГПБ; ныне – Российской национальной библиотеки). С другой стороны, это и реальный комментарий к той творческой работе, которую вела Наталья Евгеньевна в последнее десятилетие своей жизни.

В моем архиве сохранились 25 писем и 3 телеграммы, адресованных мне Н.Е. Штемпель с 15 февраля 1978 по 12 июня 1986 г. Благодаря любезности П.М. Нерлера в моем распоряжении оказались также ксерокопии моих писем к Н.Е. Штемпель: их всего 12 за январь 1982 – апрель 1986 г.⁵ (как видим, здесь по не известной мне причине отсутствуют письма за 1978–1981 гг.; но и среди писем 1982–1986 гг. отсутствуют некоторые – это прослеживается по ответным письмам Натальи Евгеньевны). Названная эпистолярия и станет источниковой базой дальнейшего повествования.

Не помню (а выдумывать не стану), кто присоветовал мне обратиться к Наталье Евгеньевне от имени Отдела рукописей, где я служил, с просьбой о передаче в ГПБ ее архива и сообщил ее воронежский адрес. По-видимому, письмо было мной написано в начале 1978 г. И на него последовал такой ответ:

18 февраля 1978 г. Москва

- Глубокоуважаемый тов. Сажин!

К великому сожалению, не знаю Вашего имени и отчества.

На такое письмо, как Ваше, надо было отвечать сразу.

Не сердитесь на меня.

Пишу из Москвы, где, очевидно, пробуду до конца месяца.

Я серьезно думаю о Вашем предложении, хотя не уверена, что моя работа будет представлять для Вас интерес.

Меня нельзя мерить по мерке Н.Я.⁶, даже говорить об этом смешно.

Н.Я. слишком пристрастна ко мне.

Хочу Вам напомнить (об этом я Вам уже писала)⁷, что все материалы, связанные с О.Э., я отдала Надежде Яковлевне⁸, что касается моих воспоминаний, то они уложились в 66 стр. машинописного текста, хотя мы виделись почти каждый день в течение двух лет в Воронеже, а потом встречались в Москве, Савёлове, Калининне.

Правда, Н.Я. считает, что мне удалось воссоздать эти года, и как она сказала: «Ося у Вас живой!»

Короче говоря, думаю, что после некоторой доработки, при му Ваше предложение и сообщу Вам об этом, хотя О.Э. тяготел к Пушкинскому дому.

Я хотела Вас спросить: никогда Ваши пути не пересекаются с Воронежем? Хорошо бы увидеться, побродить по мандельштамовским местам, поговорить.

На всякий случай сообщаю домашний телефон – 7-98-86 и московский 371-55-84.

Будьте здоровы, с уважением Н. Штемпель.

Как видно, я договорился с Натальей Евгеньевной о своем приезде в Воронеж в ноябре того же года. Но был остановлен сначала ее телеграммой («приездом задержитесь подробности письмом»), а потом и письменным сообщением:

24 <декабря>⁹ 1978 г. <Воронеж>

Уважаемый т. Сажин!

К сожалению, наша встреча должна отодвинуться.

Из Вологды с женой приехал мой брат. Они уедут недели через две, и сейчас же приедет из Москвы мой друг профессор Немировский, но он пробудет неделю.

Если бы Вы могли приехать в двадцатых числах декабря? Я могу дать Вам телеграмму, как только все разъедутся.

Теперь относительно рукописи. Она в том же виде, и, наверное, у меня так и не будет времени ее доработать.

Я отдам ее Вам, если она представляет какой-то интерес.

Остановиться Вы можете у меня. Я живу одна, и квартира из двух отдельных комнат, меня Вы не стесните.

С уважением Н. Ш.

24/XII-78

Потом к Наталье Евгеньевне снова приехали гости, затем сама она собралась ехать в Москву, но почему-то поездку отложила, в итоге все-таки поехала и пробыла там до начала весны...

Наконец:

12 мая 1979 г. <Воронеж>

Уважаемый Валерий Николаевич!

Весь май и начало июня я буду в Воронеже, может, и весь июнь. Буду рада Вас видеть, только когда будете покупать билет, позвоните.

Меня одолели гости, мои друзья — москвичи, хотелось бы уделить Вам максимум внимания.

Жду Вашего письма или (еще лучше) звонка.

С уважением

Н. Штемпель.

12/V-79.

P.S. Напоминаю телефон — 7-98-86. Пожалуй, лучше конец мая, после 25 или начало июня.

Так откладываясь Наталья Евгеньевна в течение полугода свидание со мной состоялось через год и три месяца после начала нашей переписки¹⁰: в конце мая или в самом начале июня 1979 г. – этого я сейчас не упомяну.

Моя поездка была частной, а не командировкой от библиотеки – тоже не помню, почему именно так и по какой причине я не мог пробыть в Воронеже больше чем полтора дня.

Зато очень хорошо помню впечатление от поездки на такси в аэропорт (за отсутствием прямого поезда я летел в Воронеж на самолете): шофер не просто на большой скорости виртуозно объезжал весь транспорт, но вел машину, не обинуясь, по крайней левой (правительственной) полосе Московского проспекта. После ночных обысков 6 марта у меня на Зверинской¹¹, в комнате, которую я снимал после развода, и в Ковенском переулке – в квартире моего друга Сергея Дедюлина, и последовавшей за обысками демонстративной слежки КГБ за мной это ралли воспринималось как еще одна демонстрация его тотального контроля.

Мое короткое пребывание в Воронеже состояло из прогулки с Натальей Евгеньевной по мандельштамовским местам и иным дорогим ей достопримечательностям. У меня осталось от этой прогулки множество фотографий – увы, весьма невысокого качества.

Из поездки я привез в Ленинград воспоминания Натальи Евгеньевны, которые она передавала в дар ГПБ. В 1980 г. они были приняты на хранение в Отдел рукописей ГПБ и помещены в Собрание единичных поступлений¹², а о поступлении этой рукописи было извещено в очередном выпуске отчета о новых поступлениях¹³.

По-видимому, в 1980 г. я намеревался еще раз поехать к Наталье Евгеньевне¹⁴:

11 февраля 1980 г. <Воронеж>

<...> Очень рада буду видеть у себя Вас и вашего товарища¹⁵, обязательно приезжайте.

Покажем Вам начатую нами работу: «По мандельштамов-

ским местам в Воронеже» (цветные слайды, которые должны сопровождаться текстом, может быть), музыкой – посредством магнитофона). До конца, конечно, далеко. Есть запись и Н. Я. Не знаю, что получится, все очень заняты.

Сереза¹⁶ нашел еще два потерянных воронежских стихотворения. Просто удивительно. Приезжайте, а то ведь и опоздать можете. <...>

11/II – 80 г.

О работе над слайд-фильмом, тормозившейся разными обстоятельствами, и о самих этих обстоятельствах – в следующем письме:

6 мая 1980 г. <Воронеж>

Дорогой Валерий Николаевич!

Задержала ответ, немного закрутилась: уговорили довести до конца учебный год (заболела преподават^{ельница})¹⁷.

Работа полгоря, неприятны и утомительны поездки на Левый берег, а главное – рано вставать, ложусь по-прежнему после часа.

Но это не исключает Вашего приезда, в понед^{ельник} и вторник уроков у меня нет.

Н.Я. в своем репертуаре, рада, что Вы познакомились¹⁸.

<...> Очень медленно продолжаем работу по «фильму», а тут еще кончилась пленка.

Приедете, покажем, что есть. К тексту еще не приступали, что из всего этого получится – трудно сказать. <...>

6/V-80 г. Н. Штемпель.

В конце года Наталья Евгеньевна сообщила в том числе о еще одной затеянной коллективной работе:

13 ноября 1980 г. <Воронеж>

<...> Мне подарили «Воронежские тетради», правда, в текстах встречаются ошибки, их немного, но Н.Я. очень недовольна, а меня книжка радует.

Хронологическую канву жизни М. в Воронеже я Вам пришлю, если хотите. Я Вам уже писала, что Н.Я. отнеслась к этому очень серьезно, и мы вдвоем (Н.Я., я и Фрейдин) стремились всё вспомнить и максимально уточнить. <...>

13/XI-80 г. Н. Ш.

В другом письме Наталья Евгеньевна делилась новостью:

26 февраля 1981 г. <Воронеж>

<...> Я сейчас много работаю, но не знаю, что из этого выйдет, может, ничего.

<...> Получила два письма от Нерлера и статью о «Записках об Армении», статья мне понравилась, называется она «Солнечная fuga»¹⁹. С Нерлером я не знакома и ничего о нем не знаю, знаю, что недавно он был в Ленинграде и работал в архиве. <...>

С уважением Н. Ш.

26/II-81 г.

Летом 1982 г. я получил «сердитое» письмо Натальи Евгеньевны:

14 июля 1982 г. <Воронеж>

Уважаемый Валерий Николаевич!

Меня расстроило и удивило следующее обстоятельство:

1. На каком основании моя работа, переданная Вам с запретом доступа на десять лет, получила какое-то распространение?

Вы говорили, что это чуть ли не единственное место, где люди с чистыми руками и куда можно с легкой душой отдать.

2. Быть может, поэтому ее нет в каталоге?

В то же время в Ленинской библиотеке есть в каталоге воспоминания Ахматовой о Воронеже, и их никому не дают.

3. Кто-то распространяет слух, что я свои воспоминания продала.

Надеюсь, Вы ответите мне, что все это значит.

Н. Штемпель.

14/VII-82 г.

Какие именно свидетельства распространения своих воспоминаний получила Наталья Евгеньевна, мне неизвестно. Но тут необходимо сделать две ремарки.

При передаче воспоминаний в ГПБ Наталья Евгеньевна объяснила, что не хочет их распространения, опасаясь того, что обнародование содержащихся в них сведений может повредить ее двоюродному брату Андрею²⁰. Как бы ни относиться к этим опасениям, было очевидно, что нельзя допустить публикации ее воспоминаний в заграничной печати, а такая вероятность была очень высока, если бы копии текста Натальи Евгеньевны получили распространение в «самиздате».

Но я все-таки не мог не показать и не дать скопировать воспоминания (со всеми полагающимися предостережениями) П.М. Нерлеру. В июне 1980 г. у меня возникли опасения за слово, данное им мне, но письмом от 15 июня П.М. Нерлер подтвердил, что злоупотребление доверием, оказанным ему, исключено. То, что Наталья Евгеньевна получила какие-то сигналы о распространении своего труда по прошествии двух лет после описанной мной коллизии, уверен, подтверждает его добросовестность: подобные тексты, пущенные в самиздат в пяти копиях (тогдашняя стандартная закладка в пишущей машинке), через месяц, несмотря на все опасности такой деятельности, умножились в геометрической прогрессии. В таком случае копия воспоминаний Натальи Евгеньевны через самиздат вернулась бы к ней из Москвы еще осенью 1980 г. Но этого не случилось.

Что именно послужило ее волнению летом 1982 г., мне осталось неизвестным. После моих заверений (в письме

от 22 июля), что распоряжение Натальи Евгеньевны о запрете на десять лет выдачи читателям ее воспоминаний добросовестно исполняется, я получил через некоторое время следующее письмо:

26 сентября 1982 г. <Воронеж>

Уважаемый Валерий Николаевич!

Будем считать этот вопрос снятым с повестки дня.

Я бы хотела снять запрет со своей работы, причины, вынудившие это сделать, отпали, как Вы знаете²¹.

Может быть, Вы напишете, что нужно для этого сделать.

Я закончила еще две работы, связанные с О.Э. Были интересные находки, несмотря на то что прошло много времени. Вклад в эту работу сделал и Вася Гыдов из Омска, я к Вам его посылала²².

Очень помог мне Павел Нерлер (его публикация была в «Лит. газете» и № 4 «Лит. учебы»), он нашел до сих пор никому не известную фотографию в архиве актера Чернова, уже умершего, заставил народн<ого> артиста Вишнякова написать, что он помнит о совместной работе с О. М. в воронежском театре²³. Очень милый молодой человек.

Теперь бы Вам было, я думаю, интересно приехать в Воронеж. Многое уточнилось, много интересных деталей.

Пишите, будьте здоровы.

Н. Штемпель

26/IX-82 г.

P.S. 7/X еду в Москву и в Вологду, к ноябрю буду дома.

В начале следующего года Наталья Евгеньевна пожелала внести исправления в некоторые детали своих воспоминаний, и о том, как лучше это сделать, спрашивала меня в очередном письме:

22 февраля 1983 г. <Воронеж>

Уважаемый Валерий Николаевич!

Я перечитала свою первую работу, которая у Вас. И, к сожалению, обнаружила там ряд ошибок и неточностей. Например: год приезда Ахматовой в Воронеж не 36, а 35 или детство Платонова не в Ямской слободе, а в Привокзальном поселке (правильно, конечно, 36 г. и Ямская слобода) и др. Как исправить? Заменить работу или просить приложить к ней исправления с обоснованием, но совпадут ли страницы моего экземпляра с тем, какой у Вас. Очень прошу Вас быстро мне ответить и высказать свои соображения, а также написать, кому адресовать мое заявление-письмо.

Заканчиваю четвертую работу (альбом), кажется, получается интересно.

Будьте здоровы, жду Вашего письма.

Н. Штемпель

22/II-83 г.

27 февраля в своем письме я посоветовал Наталье Евгеньевне перечислить все поправки и письменно обратиться к тогдашнему заведующему Отделом рукописей Г.П. Енину с просьбой приобщить их к рукописи ее воспоминаний. Тут же я предложил Наталье Евгеньевне подумать о возможности передачи в ГПБ, по завершении работы над ним, альбома, о котором она написала. Через некоторое время Наталья Евгеньевна обратилась в Отдел рукописей со следующим письмом:

25 апреля 1983 г. <Воронеж>

Уважаемый Геннадий Павлович!

Во вверенном Вам отделе хранятся мои воспоминания «Мандельштам в Воронеже». (Инвентарный номер – 1980. 16).

К сожалению, в работе оказались в нескольких местах неточности и ошибки.

Я не могу оставить машинопись в таком виде. Поэтому на отдельных листах прилагаю исправления и очень прошу Вас присоединить листы к моей работе. Могу и заменить машинопись вверенным экземпляром, как Вы сочтете нужным.

Прошу сообщить мне Ваше решение по этому вопросу.

В настоящее время заканчиваю работу: «По мандельштамовским местам в Воронеже».

Это будет альбом, точнее папка с отдельными листами ватмана (около 50 листов). Текст мой, фотографии и репродукции В.Л. Гордина.

Так как Воронеж очень изменился, особенно после войны, мы воспользовались любезностью коллекционера воронежских открыток и фотографий В.Н. Заркевича. Он дал нам все необходимые фотографии Воронежа 30-х годов.

Идея сделать такую работу возникла потому, что, особенно последние годы, в Воронеж буквально паломничество людей из разных городов страны (Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Омска, Перми и др.). Они приезжают специально познакомиться с мандельштамовскими местами.

Есть у меня еще небольшая работа: «Воронежские адреса Мандельштама». Их было пять. Некоторые из них (те, где я не была сама) установить оказалось не так просто, даже при участии жены поэта. Она многое забыла.

Насколько Вам это интересно, не знаю.

С уважением

Н.Е. Штемпель.

25. IV. 83 г.

Мой адрес: 394018, Воронеж, Никитинская, 38-А, кв. 29.

В итоге Наталья Евгеньевна прислала в Отдел рукописей свои поправки на трех листах, и они были приложены к ее воспоминаниям.

О продолжении работы над альбомом Наталья Евгеньевна сообщала:

26 июня 1983 г. <Воронеж>

Уважаемый Валерий Николаевич!

Работа немного не закончена, сделано 38 листов, осталось 4–5, задерживают фотографии. Виктор Гордин, мой партнер, очень занят: конец учебного года.

Листы удобнее, чем обычный альбом, они больше – 42 на 32 сантиметра и удобно их изъять или вложить новые.

Что потом делать с этой работой – я не знаю.

Ласунский²⁴ настаивает, чтобы я отдала в организующийся литературный музей в Воронеже.

Пока я думаю только о том, чтобы как можно скорее закончить работу и сделать ее хорошо.

Надо еще написать примечания, подписи к некоторым фотографиям.

Торопиться с передачей кому-либо этой работы я не буду, чтобы не писать дополнений и исправлений. С удовольствием показала бы Вам этот «альбом», но Вы далеко.

Желаю всего хорошего.

Н. Штемпель.

26/VI-83 г.

Работа над альбомом была очень долговременной. В письмах 1983–1984 гг. Наталья Евгеньевна то и дело сообщала о приближающемся завершении работы, но это было, скорее, ее благое пожелание – работа продвигалась медленно, и это, как видно по нескольким письмам Натальи Евгеньевны, временами ее раздражало и вызывало уныние. *«Кажется, наша работа приближается к концу, – писала Наталья Евгеньевна 9 мая 1984 г. – Это 52 листа ватмана (42 на 32 см.). Текст и около 250 фотографий».* Я предварительно обсудил в Отделе рукописей возможность приобретения альбома – возражений не было. Но работа над альбомом всё продолжалась:

6 ноября 1984 г. <Воронеж>

Глубокоуважаемый Валерий Николаевич!

Мне было приятно, что нашей работой заинтересовалась библиотека.

Ваше предложение о передаче альбома мы обсудили с моим соавтором Гординым Виктором Леонидовичем и сочли его для себя приемлемым. У нас нет также и возражений относительно способа передачи альбома в Ленинград, который Вы предлагаете²⁵.

Однако, хотя наша работа в основном закончена, все же остается еще довольно много дел по ее окончательному завершению, после чего можно будет говорить о времени встречи с представителем библиотеки.

Разумеется, при передаче альбома, который я считаю важным делом своей жизни, я хотела бы соблюдения определенных условий:

1. Альбом не закрыт для демонстрации, но всякого рода репродукции и перепечатки из него запрещены.

2. Альбом принимается библиотекой как единое произведение со всем авторским текстом, включая примечания, которые будут даны в виде отдельного приложения.

3. Библиотека выдает нам с В.Л. Гординым официальный документ о приеме альбома на хранение.

Кроме того, А.Г. <Мец> должен оставить нам документ о том, что альбом Вам передан.

Надеюсь, что эти условия Вы сочтете естественными и необременительными для Вас.

Всего Вам хорошего, будьте здоровы.

Н. Штемпель

6/XI-84 г.

P.S. Буду очень рада познакомиться с Александром Григорьевичем.

Привет ему от меня.

Но и к концу года альбом еще не был готов.

8 декабря 1984 г. <Воронеж>

Уважаемый Валерий Николаевич!

Я, конечно, сразу сообщу, когда можно приехать за альбомом, но когда – я не знаю.

Все зависит от Гордина, он очень занят, а может, ему и надоело.

Если бы он напечатал фотографии (их осталось не так много), мне хватило бы двух-трех дней для завершения работы.

Весь материал я достала, он переснял; написала, перепечатала текст, вырезала и приклеила к листам.

Очень устала от этой тянучки, но сделать ничего не могу.
Очень хотела бы увидеть А.Г. <Меца>, услышать его и Ваше мнение.

Настолько затянулась работа, что я уже не знаю, нужна она или нет.

Будьте здоровы и счастливы.

Н. Штемпель

8/XII-84

P.S. Мечтаю закончить в этом году.

Другой раз о завершении работы над альбомом Натальи Евгеньевна сообщила в марте 1985 г. 18 апреля за ним в Воронеж должен был отправиться А.Г. Мец. Но он не привез его в Ленинград: альбом все еще не был готов²⁶.

Точную дату и обстоятельства его доставки в Ленинград содержит сообщение Натальи Евгеньевны в письме В.Н. Гыдову от 30 июня 1985 г.: «<...> 16 июня закончили, наконец, работу (жаль, что не помню, когда начали) и 28/VI В. Л. <Гордин> повез ее в Ленинград для передачи Сажину»²⁷. Альбом должен был оставаться еще некоторое время у меня, поскольку выяснилась потребность в доработке В.Л. Гординым фотографий.

Но не это обстоятельство оказалось главным препятствием для благополучного помещения альбома в Отдел рукописей ГПБ. Таким барьером стал тогдашний заведующий Г.П. Енин.

Он занимал свой пост с октября 1981 г., постепенно восстановил против себя значительную часть коллектива, а к описываемому времени это противостояние достигло апогея: с января 1986 г. посыпались индивидуальные и коллективные обращения сотрудников во всевозможные инстанции (от дирекции и парткома ГПБ до Министерства культуры) с жалобами на тотальную некомпетентность, самоуправство и грубость Г.П. Енина²⁸.

Одним из эпизодов проявления этих свойств заведующего была коллизия с альбомом Натальи Евгеньевны. Об этом я ей сообщал следующее:

8 февраля 1986 г. <Ленинград>

Уважаемая Наталья Евгеньевна!

Чувствую, что приходит черед Вам волноваться за судьбу своего труда, поэтому передаю Вам обстоятельства во всей их неприглядной наготе.

До октября, как Вы знаете, пока Виктор не поправил испорченные фотографии, альбом был у меня. Наконец, в ноябре я отнес его в Отдел. Начальник весь ноябрь отсутствовал, поэтому, кроме него, все прочие заинтересованные лица познакомились с ним и даже порешили, что надо оценить альбом в 500 р. (О том, брать или не брать, мнений вообще не было иных, кроме несомненного восторга и приятия.)

В 1-х числах декабря вернулся начальник, посмотрел, кое с кем посоветовался (за пределами отдела) и велел писать Вам ответ: «не подходит по содержанию». Нелепость и постыдность такой формулировки была столь обескураживающей, что другие члены приемочной комиссии <предложили этот вопрос сейчас не решать, и> пока ответ задержать. Но тут – в январе – вмешались в дело такие обстоятельства. Еще в октябре между мной и начальником произошел скандал, чуть не повлекший мое увольнение. Но его положительной стороной было то, что прочие сотрудники наконец обрели гражданское мужество и стали жаловаться на него в разные инстанции.

Наконец, дело дошло до того, что в Отдел назначили комиссию парткома, которая вот в эти дни приступила к работе с заранее сформулированным мнением о том, что заведующий не компетентен и с работой не справляется²⁹.

Мое предложение: альбом оставить в Отделе под опекой известной Татьяне Львовне³⁰ Валентины Федоровны³¹, надеясь на лучший исход ситуации. Ну а если суждено нам еще работать под началом этого человека, видимо, придется альбом Вам вернуть.

Да, еще пришлось пойти на то, чтоб начальнику не проявлять моего участия в судьбе альбома – это было бы заведомой компрометацией, и сказать, что Валентина Федоровна лично получила его от Татьяны Львовны, благо личность Татьяны Львовны известна у нас с благоприятной стороны.

Теперь судите, как быть. Да, еще тут замешались как-то ставшие известными начальнику слухи о том, что якобы альбом (другой экз.) предложен ЦГАЛИ³² и там его хотят купить за 800 руб. «Вот пусть они и покупают», – сказал он.

Всем понятно, что начальник дурак, все говорят о том, как бесценен Ваш альбом, – но поделаться ничего не могут, уповая лишь на то, что вскорости его (начальника) не будет и альбом благополучно присоединится к Вашим воспоминаниям.

Посоветуйтесь со всеми заинтересованными людьми и ответьте о своем решении.

С неизменным уважением и добрыми пожеланиями
В. Сажин

Наталья Евгеньевна решила не дожидаться гипотетических «лучших времен» и попросила вернуть ей альбом.

Но скандал сопровождал и эту, казалось, простую и формальную операцию. О нем, среди прочего, я писал в начале апреля 1986 г. в своей аналитической записке, направленной в комиссию по проверке работы Отдела рукописей, в разделе о комплектовании архивными фондами: «В последние годы в организации работы по комплектованию происходят серьезные нарушения правил, обязательных для всех учреждений, ведущих такую работу. На любой поступивший материал должен быть составлен соответствующим специалистом отзыв, который затем поступает на обсуждение экспертно-закупочной комиссии Отдела, где большинством голосов членов комиссии решается вопрос, ходатайствовать ли перед соответствующей комиссией библиотеки о приобретении того или иного материала. Вопреки этим правилам, некоторые архивные фонды и отдельные материалы вообще не поступают на комиссию Отдела и отвергаются единолично заведующим, несмотря на представленный положительный отзыв, или вообще не подвергаются положенному акту экспертизы ценности (последний пример: альбом Штемпель)³³. С последним материалом произошло еще одно нарушение: 19 января владелице материала было послано уведомление, что «альбом не подходит по содержанию». Владелица просила меня не отсылать альбом почтой, а дожидаться okazji. Наконец, узнав, что я собираюсь в отпуск и хочу посетить ее в Воронеже, она письмом на имя

В.Ф. Петровой (лицо, ответственное в Отделе за комплектование) уведомила, что поручает мне доставить ей ее собственность. Но заведующий категорически отказался выдать мне альбом без объяснения причин»³⁴.

Наталья Евгеньевна отнеслась к скандальным перипетиям в судьбе своего труда сдержанно:

18 февраля 1986 г. <Воронеж>

Глубокоуважаемый Валерий Николаевич!

Получила Ваше письмо³⁵, как ни странно, оно меня больше удивило, чем огорчило. Откуда сплетни! 800 рублей, кто все придумывает! Вот Вам уровень.

Ни одно учреждение, кроме Вашего, не видело альбома.

Жаль, что В.Л. <Гордин> хотел отдать его за деньги. Ему посоветовали Герштейн и Мец³⁶.

Теперь я сказала Виктору, что буду категорически против денег³⁷.

Уверена, что альбом возьмут³⁸. Я хотела его отдать туда, где «Воспоминания», и Вас я знаю.

В.Л., очевидно, недели через три будет в Ленинграде и тогда возьмет работу.

Не огорчайтесь, всего Вам доброго.

С уважением

Н. Штемпель

18/II-86 г.

Наконец, предпоследний (последний прижизненный) эпизод в судьбе материалов Натальи Евгеньевны:

12 июня 1986 г. <Воронеж>

Милый Валерий Николаевич!

Кажется, закончилась «эпопея» с альбомом.

ЦГАЛИ принял альбом с удовольствием, и я получила от директора архива очень хорошее письмо.

Они благодарят, сообщают, что у них есть фонд Мандельштама, просят меня передать им все, что у меня есть. Каждый документ, связанный с жизнью и творчеством этого большого поэта, они должны сохранить для последующих поколений.

Так они написали³⁹.

Просят меня прислать им и воспоминания, хотя знают, что экземпляр у Вас и в «Новом мире», а также автобиографию.

Согласно моему желанию передам альбом безвозмездно. В.Л. <Гордину> это не нравится. Жаль, что Вам его хотели продать.

Нерлер брал этот альбом под расписку и показывал его комиссии по литературному наследству О.М.

Он позвонил мне и сказал, что члены комиссии были потрясены.

Вот и вся история.

Вас, Валерий Николаевич, благодарю за хлопоты и доброе отношение, буду рада получить от Вас письмо. <...>

Н. Штемпель

12/VI-86 г.

Да, вот и вся история.

Осталось рассказать о содержании личного архивного Фонда Натальи Евгеньевны Штемпель в РНБ (ф. 1314). Он сложился из поступлений 1989 и 1990 гг. от подруги детства Натальи Евгеньевны М.В. Ярцевой и от Т.О. Муштавинской, жены Виктора Евгеньевича, брата Натальи Евгеньевны⁴⁰.

Фонд составляют 23 единицы хранения. Собственно рукописи Натальи Евгеньевны: ее автобиография (на 26 листах), «Мои воспоминания об Осипе Эмильевиче» (машинопись с титульным листом – автографом и рукописной правкой и дополнениями; объем по нумерации машинописи 66 страниц, а по архивной нумерации (с дополнениями) 70 листов⁴¹; здесь также приложена машинопись с исправлениями и дополнениями), черновой автограф начала выступления на вечере, посвященном Мандельштаму; воспоминания «Памяти Надежды Яковлевны Мандельштам» (ксерокопия с машинописи на 9 листах), статья «Воронежские

адреса Мандельштама» (ксерокопия авторизованной машинописи с правкой и дополнениями на 8 листах). Переписка представлена письмами Натальи Евгеньевны к Г.П. Енину, Спиридоновой, В.А. Швейцер и двум неустановленным лицам. Шесть фотографий Натальи Евгеньевны и разных лиц. Далее следуют материалы М.В. Ярцевой: отдельные воспоминания о Н.Е. Штемпель (авторизованная машинопись на 6 листах) и авторизованная машинописная копия воспоминаний в форме письма А.Г. Мецу (на 3 листах); 14 писем Натальи Евгеньевны к М.В. Ярцевой за 1979–1987 гг. Помимо этого в разделе материалов, переданных М.В. Ярцевой, находятся ее воспоминания о писателе Н.Д. Бажанове и 95 его писем к М.В. Ярцевой.

Фонд прошел научно-техническую обработку и имеет опись.

¹ См. открывающую этот раздел заметку П. Нерлера.

² Н.Е. Штемпель говорит о своих воспоминаниях о Мандельштаме.

³ «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель: К 100-летию со дня рождения Н.Е. Штемпель. М.; Воронеж, 2008. С. 138 (далее — «Ясная Наташа», с указанием страниц). Ср. в том же издании воспоминания близкой Н.Е. Штемпель Т.Л. Гуриной, которая «в течение 17 лет, два три раза в неделю <...> посещала ее дом» (Гурина Т. «Дорогая Наталья Евгеньевна!» // Там же. С. 240): «У “Воспоминаний” Натальи Евгеньевны своя история и своя судьба. За ними приехал из Ленинграда Валерий Николаевич Сажин, тогда еще молодой человек, отличавшийся большим интересом к культурному прошлому. Он очень понравился Наталье Евгеньевне» («Ясная Наташа». С. 253).

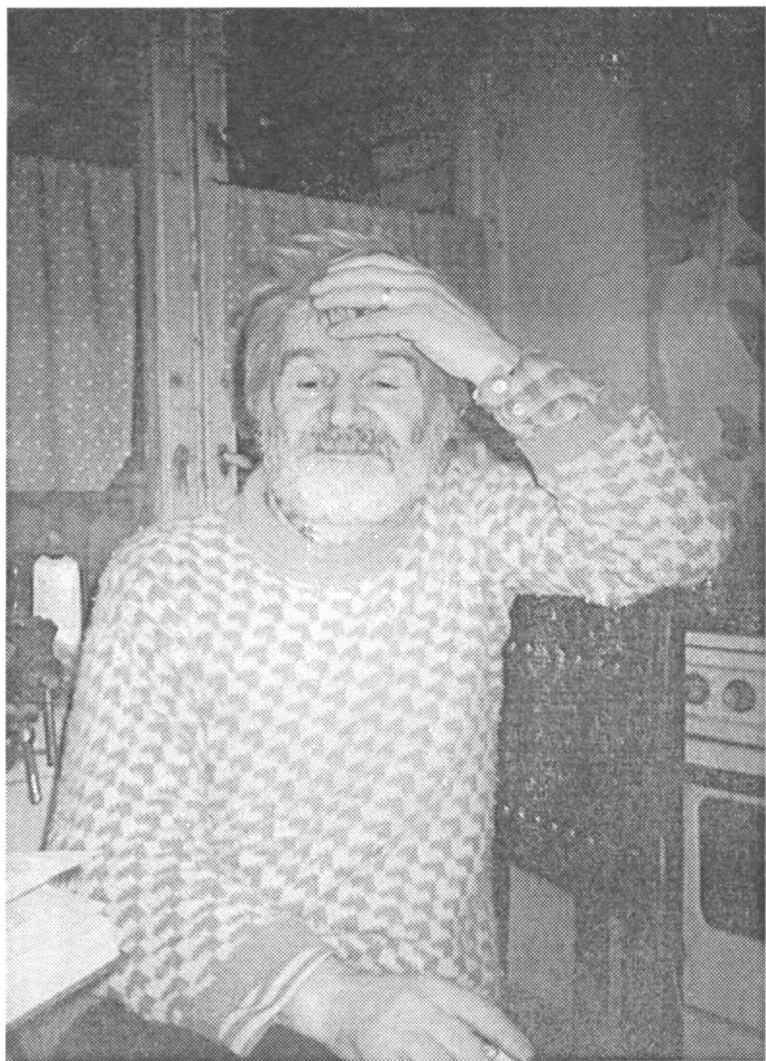
⁴ Надо иметь в виду, что это безусловно не ошибка памяти: Наталья Евгеньевна здесь пишет о событиях всего лишь четырехлетней давности.

⁵ Эти письма являются частью архива Н.Е. Штемпель, переданной П.М. Нерлеру ее наследниками. См. вступительную заметку к разделу.

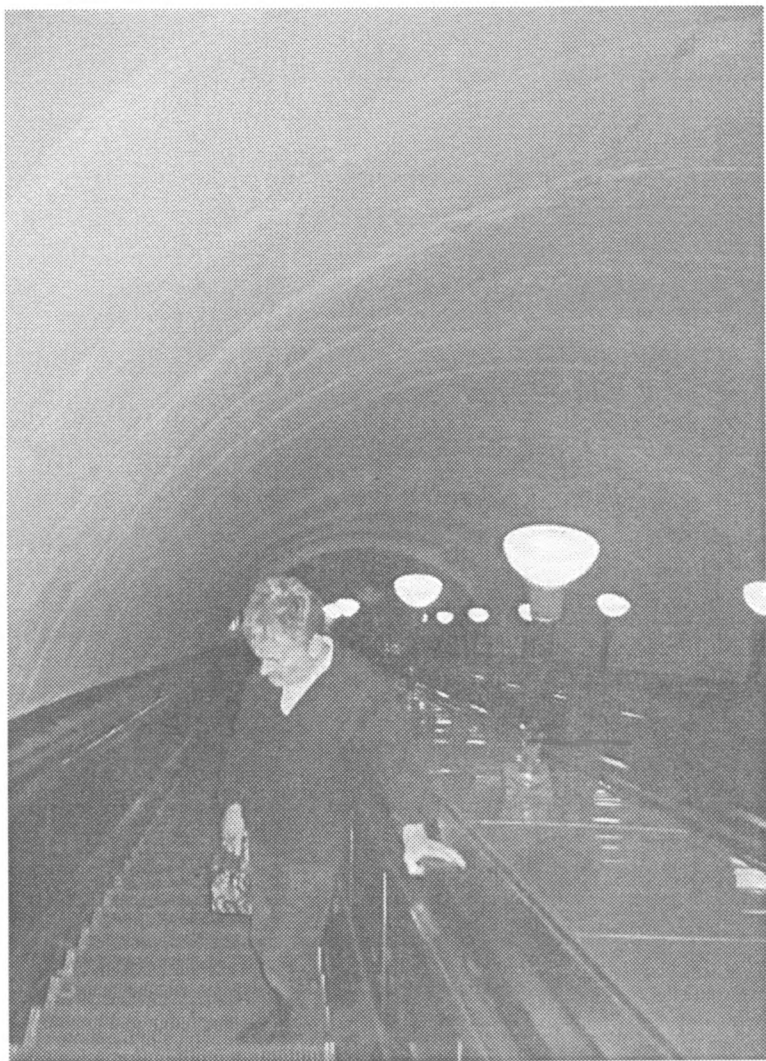
- ⁶ Вероятно, в своем письме я уподоблял историческую значимость воспоминаний Натальи Евгеньевны воспоминаниям Н.Я. Мандельштам и проявлял свое знание текста Н.Я., изданного тогда лишь за границей (в СССР это называлось «тамиздат»).
- ⁷ Это письмо до меня не дошло.
- ⁸ См. подробнее: *Штемпель Н.* Мандельштам в Воронеже // «Ясная Наташа». С. 66.
- ⁹ На письме обозначен декабрь, но из содержания явствует, что это описка.
- ¹⁰ Ср. выше письмо Н.Е. Штемпель к Э.Г. Герштейн от 20 февраля 1983 г.
- ¹¹ Эта странная комната стоит отдельного рассказа, но, разумеется, не здесь.
- ¹² Ф. 1000. Оп. 6. № 19. Это первый экземпляр машинописи без заглавия, с правкой и рукописными вставками, с приложением исправлений и уточнений на двух машинописных страницах, подписанных Н.Е. Штемпель и автографом-датой: 26 апреля 1983 г. Объем рукописи по нумерации машинописи – 62 страницы; по архивной нумерации, с учетом всех рукописных вставок и приложенных исправлений и уточнений, – 72 листа.
- ¹³ Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ (1979–1983): Каталог. Л., 1986. С. 72; на с. 147. Н.Е. Штемпель с благодарностью упомянута среди дарителей.
- ¹⁴ Но ни тогда и никогда больше, к сожалению, такая поездка не состоялась.
- ¹⁵ Имеется в виду А.Г. Мец.
- ¹⁶ Имеется в виду С.В. Василенко, в 1979 г. обнаруживший следующие стихотворения Мандельштама: «Отрывки из уничтоженных стихов», «Ты должен мной повелевать...», «Из раковин кухонных хлещет кровь ...».
- ¹⁷ Так что слова Натальи Евгеньевны: «В 1971 году вышла на пенсию» (*Штемпель Н.* Автобиография // «Ясная Наташа». С. 100) не следует понимать как прекращение ею преподавательской работы.
- ¹⁸ Интересно бы узнать, что я написал Н.Е. о своем знакомстве с Н.Я.

- ¹⁹ Имеется в виду статья П. Нерлера «Заметки о “Путешествии в Армению” Осипа Мандельштама» (Литературная Армения. Ереван, 1987. № 10. С. 69–79). «Солнечная fuga» – ее первоначальное авторское название, отброшенное редакцией при публикации.
- ²⁰ Вероятно, имеется в виду Сергей Николаевич Лукьянчиков, двоюродный брат Н.Е. Штемпель, проживавший в Вологде (умер в 1990-е годы). См. о нем в воспоминаниях Н. Митраковой («Ясная Наташа». С. 281–292).
- ²¹ Не могу пояснить, какие события стоят за этими словами.
- ²² Действительно, с запиской от Натальи Евгеньевны в Отдел рукописей ГПБ приезжал В.Н. Гыдов, «...которому мы показали воспоминания того приятеля Мандельштама, которым он занимается...» (из моего письма к Наталье Евгеньевне от 22 июля 1982 г.).
- ²³ Вот это свидетельство народного артиста РСФСР П.И. Вишнякова (1911–1988): «Я приехал в Большой Советский театр (так в то время назывался Воронежский театр) осенью 1935 года. Вскоре к нам пришел новый заведующий литературной частью – поэт Осип Мандельштам, как мы потом узнали. Это был очень тихий и скромный человек, он молча смотрел спектакли и репетиции. Наверняка у него было свое мнение о спектаклях, и, возможно, он высказывал его директору театра О.С. Вольфу или главрежу В.М. Энгелькрану, но никогда труппе. Также никогда он не читал и своих стихов нам, актерам. Надо сказать, что и сами актеры к нему не очень-то «прислонялись» – время было суровое. В своем темном костюмчике, со своими неведомыми нам мыслями, Мандельштам был для нас несколько даже загадочным человеком. Почему он держался так замкнуто? Казалось, что он не хотел расплескать свой внутренний мир. Но, может быть, он просто чувствовал себя чужим в театральной среде?» (записано 04.02.1982 и сообщено П. Нерлером).
- ²⁴ Ласунский Олег Григорьевич (р. 1936), воронежский писатель, краевед, книговед, библиофил.
- ²⁵ Речь шла о том, чтобы от имени ГПБ за альбомом приехал в Воронеж А.Г. Мец.

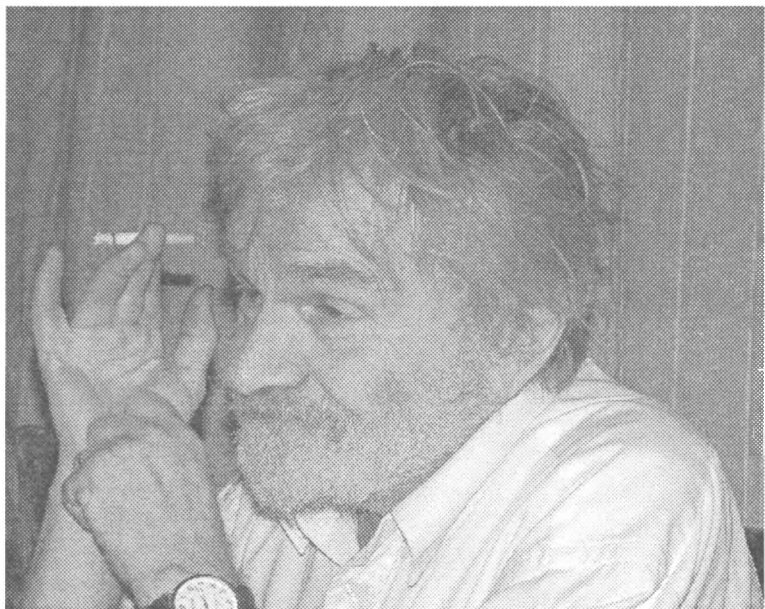
- ²⁶ Ср. в письме А.Г. Меца к Н.Е. Штемпель от 23.04.1984: «Живу воспоминаниями о Воронеже, перебираю фотографии... Ах и ах. В глазах – третий этаж “Коммуны”...» (собрание П.М. Нерлера).
- ²⁷ «Ясная Наташа». С. 127.
- ²⁸ Год борьбы привел к отстранению Г.П. Енина в марте 1987 г. от заведования Отделом рукописей ГПБ.
- ²⁹ Тут я, кажется, преувеличивал, поскольку потребовался целый год разнообразных ходатайств, заседаний и обсуждений, чтобы убедить дирекцию в том, о чем я здесь так самоуверенно написал Наталье Евгеньевне.
- ³⁰ Имеется в виду Т.Л. Гурина (см. примеч. 2).
- ³¹ Моя коллега В.Ф. Петрова, тогда ответственная за комплектование архивными фондами.
- ³² Центральный государственный архив литературы и искусства (ныне – РГАЛИ).
- ³³ А предыдущим примером был отказ в приобретении семейного архива М.К. Азадовского; едва миновал подобной участи архив Я.С. Друскина, содержавший более 700 автографов Д.И. Хармса: по их поводу Г.П. Енин высказал удивление, зачем приобретать рукописи никому не известного писателя.
- ³⁴ Цитирую по копии из своего архива.
- ³⁵ См. выше мое письмо от 8 февраля.
- ³⁶ Ср. в письме самого А.Г. Меца к Н.Е. Штемпель от 11.02.1986: «Дорогая Наталья Евгеньевна, чувствую себя виноватым. Да, не нужно было мне поощрять Виктора в этом направлении. Но что делать? Пожалуйста, не думайте обо мне плохо. Я видел все это иначе: как пеня, налагаемая на провинившихся и кающихся просителей, с воспитательной целью для их же пользы. Искренне думаю, что все равно куда – первое было ближе из-за В.Н. Но там сейчас уже не только дикарство, но нечто более серьезное и смердящее. Впрочем, второе название (имеется в виду ЦГАЛИ. – *Ред.*) – тоже вполне скомпрометированное. Кажется, уж лучше оставить для Воронежа (краеведческий музей)» (собрание П.М. Нерлера).

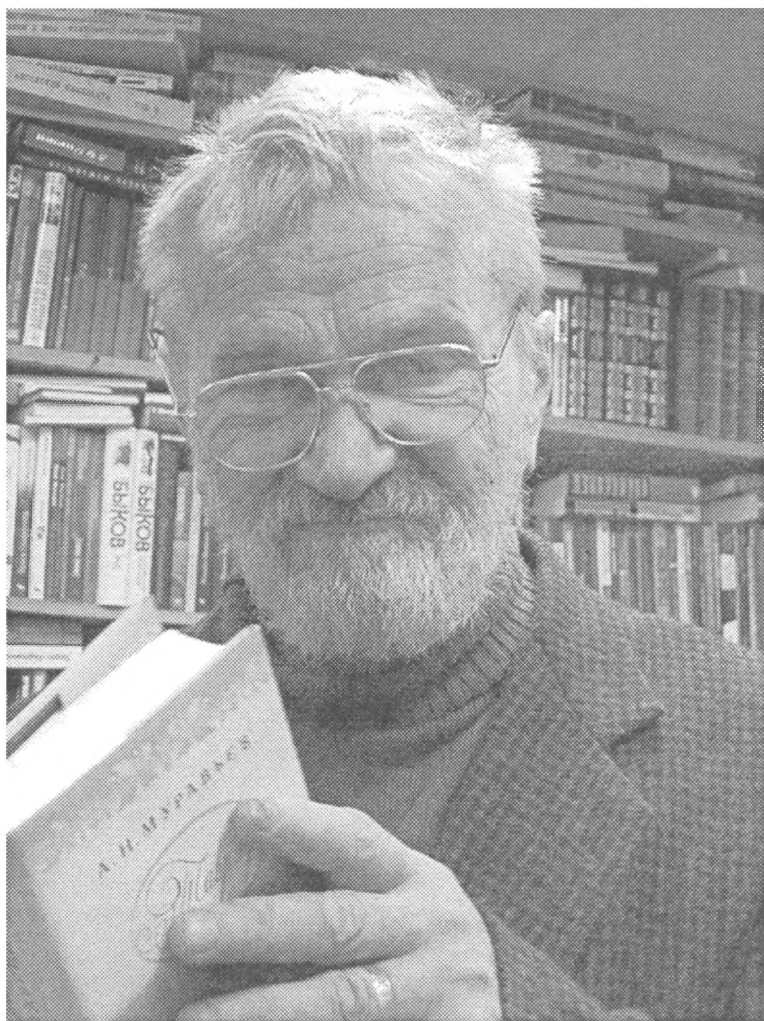
А.А. Морозов.
Фото Л. Глезерова

А.А. Морозов.
Фото Л. Глезерова

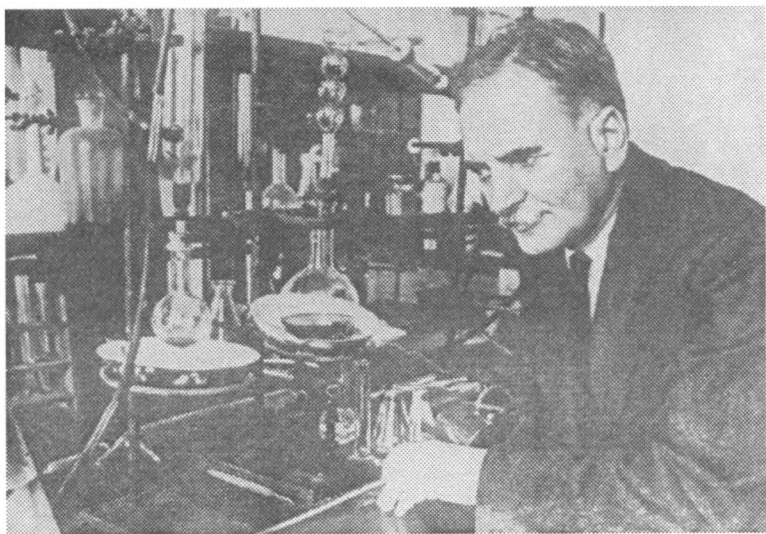
А.А. Морозов.
Фото О. Шамфаровой

А.А. Морозов.
Фото О. Шамфаровой

А. Штейнберг вместе с родителями, Зорахом и Шейной Штейнбергами (Гейдельберг, 1913 г.).
Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). A. Steinberg Collection. Box VIIa

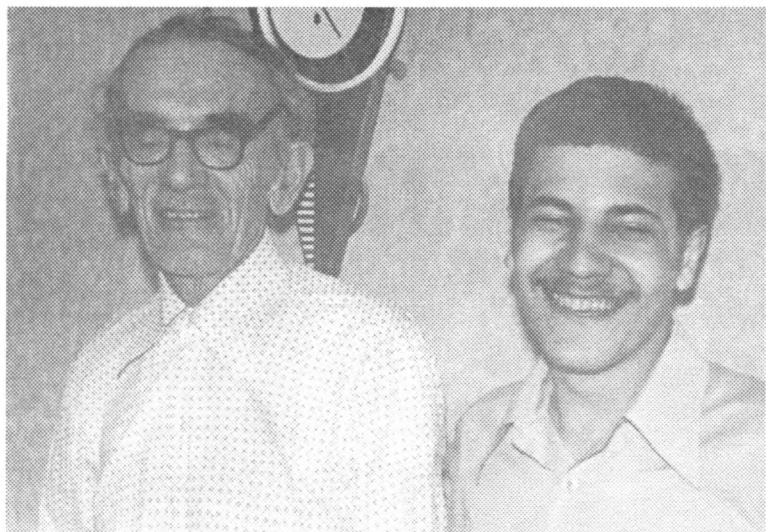

С.П. Гамбарян.

*Из журнала «СССР на стройке» 1936. № 2. Фев. С. 17.
Семейный архив С.П. Гамбаряна*

Могила С.П. Гамбаряна в Пантеоне в Ереване.
Семейный архив С.П. Гамбаряна

М.И. Рудерман с внуком.

Семейный архив Т.М. Могилевской (Рудерман)

Р.С. Скоморовский
Семейный архив В.Р. Скоморовского

- ³⁷ Ср. с этим выше, пункт 3 в письме от 14.07.1982: убеждение Натальи Евгеньевны, что не подобает (стыдно?) продавать свою работу архивному учреждению, – характерный штрих для, кажется, не написанной пока работы «Интеллектуальный труд и деньги в психологии советского интеллигента».
- ³⁸ Имеется в виду решение передать альбом в ЦГАЛИ.
- ³⁹ О современном состоянии собрания материалов Н.Е. Штемпель в РГАЛИ см.: *Нерлер П.* Воронежская Беатриче // «Ясная Наташа». С. 17–18. Об альбоме: Там же. С. 16–18.
- ⁴⁰ См.: Новые поступления в Отдел рукописей РНБ (1989–1993): Каталог. СПб., 1998. С. 64–65.
- ⁴¹ Таким образом, это иной вариант, нежели поступивший в 1980 г. (см. примеч. 11).

Публикация П. Нерлера

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ
Н.Е. ШТЕМПЕЛЬ С ДРУЗЬЯМИ

<1>

*Сергей Василенко, без даты (датируется 1979
или 1980 г.)*

<...>

Теперь о книге «Воронежские тетради». Я бы с удовольствием взялся за подготовку такой книги. Я вижу ее с полным сводом вариантов, комментарием, а самое главное – с Вашими воспоминаниями – это было бы очень здорово!! – с несколькими фотографиями, факсимиле автографов, фотоснимками мест, где жил О.Э. в Воронеже, – и, конечно же, Вашими воспоминаниями, я просто и не могу представить себе книжку без них! Книгу вижу (поскольку «Чернозем») в обложке черного цвета.

И далее: в 1981 году будет 90 лет со дня рождения Осипа Эмильевича – вот и приурочить бы выход книги к этой дате!

Наталья Евгеньевна, посоветуйте, пожалуйста, куда и к кому обратиться в Воронеже по этому поводу.

<...>

<2>

Павел Нерлер, 29 декабря 1980 г.

Многоуважаемая Наталья Евгеньевна!

Я давно уже собирался написать Вам, но как-то оттягивалось мое намерение и оттягивалось. И вот пишу, ибо к причинам добавились еще и поводы.

Но я должен представиться Вам, поскольку Вы едва ли обо мне знаете. Вас беспокоит Павел (если необходимо – Павел Маркович) Нерлер и, как и многие беспокоящие Вас, беспокоит Вас в связи с Осипом Мандельштамом. Но вот мои «основания» беспокоить Вас: я составитель книги критики О.Э. Мандельштама, готовящейся и стоящей в текущих планах в изд-ве «Сов. писатель» (первоначальный замысел издать сразу и критику, и прозу – в силу ряда событий и обстоятельств – разбился на два рукава, но и к прозе дело тоже идет).

Но не только для того, чтобы представиться Вам и быть с Вами эпистолярно знакомым, я пишу это письмо. Есть и другие мотивы. Во-первых, я хочу предупредить Вас (а Вы, вероятно, не знаете), что № 12 «Воп. лит-ры» за этот год представит для Вас немалый интерес: там должны выйти «подъемовские» рецензии О.М. (вот он – тот самый «повод»!). Во-вторых, в связи с обеими книгами (и критики, и прозы) хочу спросить Вас, не располагаете ли Вы материалами или сведениями, ценными для их подготовки?

Буду Вам очень признателен, если Вы ответите. Готов ответить на любые вопросы, могущие возникнуть у Вас. Если Вам интересно, могу прислать свои работы об О.Э. (пока не опубликованные: «Заметки о Путешествии в Армению» и «Осип Мандельштам в “Московском комсомольце”»).

Между прочим, не предпринимали ли Вы каких-либо попыток к тому, чтобы Воронеж как-то отозвался на 90-летие О.М.? В Москве и Тбилиси что-то намечается.

Итак, жду Вашего письма и хочу – с этого следовало начать! – поздравить Вас с наступающим (невисокосным – ура!) Новым годом и пожелать здоровья и сил.

Искренне и издавна Вас уважающий

П. Нерлер

Мой адрес: 117334, Москва, Ленинский пр., 39, кв. 322
(тел. 135-24-74). Нерлеру П.М.

(Сейчас пишу Вам из Ленинграда, куда приехал поработать в архивах.)

<3>

Павел Нерлер, без даты (датируется апрелем 1981 г.)

Дорогая Наталья Евгеньевна!

Вышел № 3 «Вопросов литературы» с публикацией (в разделе «разного») внутр. рецензии О.М. на книгу стихов такого А. Коваленкова¹. Видели ли Вы это! Есть ли у Вас журнал? Если нет, то напишите и я пришлю Вам эту публикацию, хорошо?

Как дела в «Подъеме»? Напишите, если можно, обстоятельней. Было бы очень неприятно, если воронежский журнал никак вовсе не откликнулся хотя бы на юбилей О. М. С вечерами в Москве – пока не очень. Никто не отказывает, но все переносят на потом, на какую-то трудноопределимую осень – такое впечатление, что по осени будет какая-то «декада» мандельштамовского искусства. Поживем – увидим. Тем более, что 2 надежды есть еще и на май.

Кто такой Ласунский в Воронеже, о котором Вы писали? Что вообще еще осталось в Воронеже, так или иначе связанного (или могущего быть связанным) с О. М.? Не знаете ли Вы, есть ли архив театра и радиовещания за те годы? Между прочим, недавно я читал «Неаполитанские песенки» в пер. О. М. (вышел т. н. «IV том»²) – они у Вас есть?

<...>

¹ Особый жанр [Внутренняя рецензия О. Мандельштама на книгу стихов С. Коваленкова] / Предисл. К. Ваншенкина; Публ. С. Коваленкова; Примеч. П. Нерлера // Вопросы литературы. 1981. № 3. С. 300–304.

² Имеется в виду 4-й том «американского» Собрания сочинений Мандельштама (под редакцией Г.П. Струве, Б.А. Филиппова и Н.А. Струве), вышел в Париже в 1981 г.

<4>

Павел Нерлер, 7 мая 1981 г.

Дорогая Наталья Евгеньевна!

Получил Ваше письмо. Как-то даже неприятно стало, что Воронеж решил отмалчиваться (хотя бы на фоне московского «шепота»). Я действительно напишу Попову¹. Как его имя-отчество? Что это за человек?

«Архив, конечно, не сохранился» – это об архиве театра?

Неаполитанские песенки (и еще какие-то обрывки из IV тома) я Вам шлю.

Между прочим: не было ли у Вас разговора с О. М. о каких-либо предыдущих наездах О. М. в Воронеж. У меня есть основания для подозрений в том, что в 1918–1920 гг. О.Э. был в Воронеже (очевидно, проездом) 1 или 2 раза. И дело не только в «Сирене»².

Очень бы хотел приехать в Воронеж, повидаться с Вами, с Вами – побродить по мандельштамовским местам. Но как это сделать? Я бы, вероятно, смог бы выбраться в июне эдак на недельку или дней 5 – но где жить? Легко ли в Воронеже с гостиницей? Или, быть может, уже опустеют общежития университетские, например? Да, и есть ли у Вас телефон? И будете ли Вы сами в июне в городе?

Вот сколько вопросов сразу.

В Москве такая новость: 15-го мая в МАДИ будет (99%) вечер памяти Мандельштама. Вот и все пока.

Желаю Вам доброго здоровья и начинаю ждать Вашего письма. Ваш – Павел Нерлер.

¹ В.М. Попов, главный редактор журнала «Подъем» (см. ниже).

² В 1919 г. в воронежском журнале «Сирена», издателем и главным редактором которого был В. Нарбут, был впервые напечатан манифест Мандельштама «Утро акмеизма».

<5>

Павел Нерлер, 7 августа 1981 г.

Дорогая Наталья Евгеньевна!

Завтра лечу в Тбилиси, а потом в Дагестан, в свою экспедицию. Как мне ни грустно, но до ноября, видимо, не смогу выбраться в Воронеж. «Зато» – написал письмо Попову. Шлю, как и обещал, Вам копию.

Кстати, не получили ли Вы моего предыдущего письма с комментариями к «Яхонтову»¹? Ответа все нет – и я начал беспокоиться.

С наилучшими пожеланиями, П. Нерлер

<Приложение>

«Главному редактору журнала “Подъем” В.М. Попову. Многоуважаемый Виктор Михайлович!

В 1981 г. исполнилось 90 лет со дня рождения О.Э. Мандельштама, часть жизни которого была прочно связана с Воронежем. “Литературная газета” и “Вопросы литературы” откликнулись на эту дату, в скором времени предполагается появление и других публикаций в ряде других наших журналов. Наконец, в изд-ве «Сов. писатель» готовится книга критической прозы О. Мандельштама, составителем которой я являюсь.

И мне хотелось бы спросить Вас, многоуважаемый Виктор Михайлович, о том, не хотели бы Вы, Ваш журнал дать тот или иной материал о Мандельштаме. Это могли бы быть и стихи, и его переписка (в т. ч. и воронежского периода), и воспоминания хорошо знавших его лиц. Если такое предложение в принципе Вас интересует, на что очень бы хотелось надеяться, то я готов быть посредником в осуществлении Вашего выбора, и в зависимости от того, что именно Вас интересует прежде всего, связать Вас с непосредственными исполнителями.

Желаю Вам всего наилучшего, Павел Маркович Нерлер».

¹ Очерк О. Мандельштама.

<6>

Павел Нерлер, 19 сентября 1981 г.

Дорогая Наталья Евгеньевна!

Как Вы себя чувствуете? Зажила ли голова?

Позавчера я вернулся из своей дагестанской экспедиции, и на столе меня, среди прочих, ждало письмо из «Подъема». Вот, целиком, его текст:

«Уважаемый П.М.! Извините, пожалуйста, за задержку с ответом – я был в командировке на Камчатке. Творчество О. М. постоянно интересует “Подъем”. К 90-летию со дня рождения поэта мы не смогли напечатать соответствующий материал. В 1982 г., в мартовском или апрельском номерах, но не позже, мы предполагаем опубликовать подборку стихов. Стихи в редакции имеются. Их публикацией мы не ограничимся. Поэтому было бы интересно познакомиться с перепиской О. М., прежде всего относящейся к воронежскому периоду его жизни. С уважением, В.М. Попов»

Вот такое письмо. Дай-то бог!

Если ничего непредвиденного не случится, хотел бы приехать в Воронеж где-то в районе декабря месяца. Напишите, как Вы и что Вы.

Ваш Павел Нерлер.

<7>

Павел Нерлер, без даты (датируется концом августа или началом сентября 1983(?) г.)

Дорогая Наталья Евгеньевна! Поздравляю Вас с Днем Рождения! Как Вы там, моя милая добрая тетушка¹,живаете? Что слышно про ремонт и про приезд Ваш?

Мы доехали хорошо – в 9 уже были в Москве.

Сразу же, что смог узнать, сообщаю Вам.

1) Из дневника Ю.В. Корша взять для альбома, кажется, нечего – разве что мандельштамовскую фразу в переда-

че Б. Пескова: «Прав Мандельштам, когда говорит: лошадь махнет хвостом, а уже многие в этом типическое ищут».

[2)] О Рудакове. Я узнал, что он лежал в больнице, а М. очень трогательно заботился о нем, навещал, звонил жене. И еще, что они оба лечились в клинике рядом с Первомайским садом и в поликлинике на ул. Энгельса.

<...>

Осип Мандельштам и Наталья Штемпель: К 100-летию со дня рождения Н.Е. Штемпель.

¹ Об игре Н.Е. Штемпель и П.М. Нерлера в «тетю» и «племянника» см.: «Ясная Наташа». С. 210–211.

<8>

Павел Нерлер, 1 мая 1984 г.

Дорогая Наталья Евгеньевна! Спасибо за Ваши добрые, горячие слова. Увы, увы...

Книга О.М. движется по издательским внутренностям – где-то уже на подходе к прямой кишке.

Кажется, я смогу приехать в Воронеж на несколько дней в конце мая – у меня для Вас есть любопытнейшие новости, спешу с Вами поделиться (отложим до встречи).

Вася мне написал, что тоже собирается в Воронеж в конце мая. Было бы замечательно нам всем втроем встретиться и поговорить, благо есть о чем. (Вот только не стесним ли мы с ним – оба – Вас, если все съедемся?)

Ваш всецело – Павел Нерлер.

<9>

Павел Нерлер, 3 января 1985 г.

Дорогая моя Наталья Евгеньевна! С Новым годом Вас еще раз!

Вчера закончил просмотр переписки С.Б.¹ Чем дальше, чем ближе к отъезду (а это было 8 июля 1936 г.), тем он

омерзительнее и тем фактически менее интересны и богаты его свидетельства, хотя иное письмо нет-нет да и «вспыхнет» заемными (у О.Э.) искрами. Есть там пара мест и о Вас, ошибиться трудно. Информации, имеющей существенное значение для альбома, больше не встретилось, разве что вот: имя-отчество квартирохозяйки («театральной портнихи», видимо) – Клавдия Васильевна, а в квартире в ИТР-овском доме сожителя – он и впрямь сотрудник «Коммуны» – С.Б. и, кажется, О.Э. звали Карликом. Весной 1936 г., получив несколько переводов и гонорар из Москвы, Мандельштамы наняли себе домработницу, приходившую к ним с дочкой (дочку звали Олей). Они с ним были и в Задонске.

<...>

¹ С.Б. Рудаков.

<10>

Сергей Василенко, без даты (датируется серединой 1985 г.)

<...>

Как-то мы беседовали со Львом Абрамовичем¹ о Ваших воспоминаниях, и вот что он предложил, когда я упомянул о том, что Вам кто-то обещал помочь отдать их в Пушкинский Дом (я – по-прежнему и категорически! – убежден, что, наоборот, Пушкинский Дом должен Вас просить, – и просить, как писала Марина Цветаева, – «и письменно, и устно», и, осмелюсь добавить от себя – по телефону, чтобы Вы их им предоставили на тех условиях, какие Вы пожелаете!): а что если Вам отдать их в Рукописный отдел Ленинской библиотеки (там ведь работает М.О. Чудакова, с которой Лев Абрамович хорошо знаком), а затем и опубликовать в «Записках рукописного отдела ГБЛ»?..

<...>

¹ Мнухин, цветаевед, дружил с Н.Е. Штемпель и не раз ее посещал.

<11>

Василий Гыдов, 1 октября 1985 г.

<...>

О. М. по-прежнему источник моего движения. Пусть на постоянные поисковые занятия нет времени, но О. М. для меня не только предмет исследовательского интереса, он часть моей жизни, все связанное с ним – широкий виток судьбы.

Наталья Евгеньевна, знаете, я всегда помню, что Вы слышали незаписанные и, видимо, погибшие стихи Осипа Эмильевича. Душа болит от невозможности встретиться с ними. Вы говорили, что стихи производили удивительное впечатление. Значит, пусть не всецело, но хотя бы частью, хотя бы эмоциональным отпечатком они живут...

Наталья Евгеньевна, прошу Вас, поделитесь этой живой частичкой стихов, напишите хоть немного о том, что мы никогда не сможем ни услышать, ни прочесть. Пусть в чувстве запечатлелись крупички, крохи, но если не это, то вообще ничего не остается, пусто. А так – будет жить чувство слушателя, живое ощущение красоты. Что это было? Стихи на случай, обобщение? Может быть, в памяти брезжит хоть что-то из смысла, образности. Я понимаю, стихи этим не воскресить, но ведь речь идет о произведениях поэта в пору творческого взлета.

<...>

<12>

Павел Нерлер, 30 октября – 7 ноября 1985 г.

Дорогая моя Наталья Евгеньевна!

<...>

Уж и не знаю, радоваться или огорчаться тому, что не сякнет Ваша альбомная работа. Я, пожалуй, и радуюсь, и огорчаюсь – и в обоих случаях Вам известно почему.

Насчет ЦГАЛИ я не имел в виду, чтобы отдать им Ваш экземпляр – и сейчас же. Нет, но поскольку Пушкины, Мандельштамы и с ними мы, грешные, «общей не уйдем судьбы», а ЦГАЛИ (фигурально) принадлежит не только управлению архивами, но и вечности – то я именно то лишь и полагал, что Ваш экземпляр, может быть, стоило бы тому же ЦГАЛИ завещать, тем более что это будет, кажется, лучший по качеству экземпляр. В ЦГАЛИ же, мне кажется, а не в ГПБ стоило бы, на том же условии, передать и собственно архив Ваш – рукописи, машинописи, переписку, экземпляр воспоминаний. Это мое мнение (убеждение даже), а решение, разумеется, – единственно Ваше.

О публикации Ласунского я знаю (кстати, есть ли в той книге что-либо о платоновских адресах?). Знаю и Катаеву-Лыткину: это женщина, благодаря которой, стараниями которой (в т. ч. и принципиальному «невъезду» из обреченного выселению дома, в котором – если не ошибаюсь, в 1914–1922 гг. – жила Марина Ивановна) еще не загасла надежда на музей Цветаевой в Москве. Телефон Ваш Леве Мнухину я сообщил и вообще пообщался с ним недавно: молодцы – и он лично, и комиссия цветаевская, – методично и упорно, раз за разом они отвоевывают, разжимают пространство для своей героини.

С книгой – вроде бы сдвиг, возможно и мнимый: обещают (я ходил на прием к директору изд-ва), что выпустят книгу в 1986 году. Подождем еще.

Привет всем вашим. Не собирается ли кто-нибудь в столицу? А может быть, Вы сами соберетесь? Я в декабре – в Москве (в конце ноября, возможно, в Ленинграде).

Обнимаю Вас и всегда помню и люблю.

П. Нерлер

P.S. На днях увижусь-таки с Т. Калецкой².

¹ Имеется в виду 1-е издание книги О.Г. Ласунского «Литературные прогулки по Воронежу» (Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1985. 255 с.). По сообщению автора, четыре полосы текста об О. М. были изъяты по ка-

тегорическому настоянию цензуры («уцелел» на с. 85 только рисунок дома на ул. Ф. Энгельса, где жил О. М.). См. об этом эпизоде в воспоминаниях О.Г. Ласунского («Ясная Наташа». С. 303). См. также другую работу: *Ласунский О. Дом, в котором в 1936 г. жил О.Э. Мандельштам и бывала А.А. Ахматова // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Воронежская область: (Сб. науч. тр. / Науч.-исслед. ин-т культуры; № 130). М., 1984. Ч. 1. С. 137–139. Здесь сведения об О. М. имелись, но отсутствовали необходимые ссылки на столь очевидный для многих источник этих сведений. Это шокировало окружение Н.Е. Штемпель в Воронеже и Москве, но не ее саму: она предполагала, что сделано это было под давлением цензуры.*

²Т.П. Калецкая (Гельман), дочь литературоведа П.И. Калецкого, находившегося в ссылке в Воронеже одновременно с О. М. (см. о нем.: *Нерлер П. Павел Калецкий и Осип Мандельштам // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 60–71).*

<13>

Павел Нерлер, без даты (датируется началом 1986 г.)

Дорогая Наталья Евгеньевна!

Сегодня я был в ЦГАЛИ, у Волковой¹ – встреча была очень хорошей. Когда придет недостающая страничка, я отнесу сюда сам альбом – и они свяжутся с Вами. Она сказала также, что с удовольствием примет, если Вы пожелаете, и другие Ваши материалы, но для более предметного разговора ей необходимо что-то вроде предметной описи (такие-то воспоминания, такие-то и такие-то письма, такие-то стихи об О.Э. и проч.). ЦГАЛИ сейчас самый добросовестный и серьезный и не злокозненный архив у нас – в этом я не раз убеждался.

О Калецком я напишу.

Ваш П. Нерлер

¹ Наталья Борисовна Волкова, в это время директор ЦГАЛИ.

<14>

Ольга Андрианова¹, 14 августа 1986 г.

Дорогая Наталья Евгеньевна!

Получили Ваши воспоминания об Осипе Эмильевиче, очень благодарны. Конечно, в них много интересного, а в истории мелочей не бывает. Раиса Соломоновна² говорила, что Вы заканчиваете автобиографию. Ее можно переслать нам заказным письмом, вместе с письмами Надежды Яковлевны к Вам. Что касается книг с автографами, – их лучше передавать из рук в руки, книги почте доверять в наше время не приходится.

Ст. научный сотрудник Отдела комплектования ЦГАЛИ О.Л. Андрианова.

P.S. Наталья Евгеньевна, не сохранилось ли у Вас письмо Мандельштама к Тынянову? А эпиграмм, посвященных Вам (на конвертиках с лиловым обрезом)³?

¹ Сотрудница ЦГАЛИ, в дальнейшем представитель ЦГАЛИ в Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама при Союзе писателей СССР.

² Иткина, подруга Н.Е. Штемпель.

³ Сведения, почерпнутые из воспоминаний Н.Я. Мандельштам.

<15>

Николай Растрепин¹, 9 ноября 1986 г.(?), Краснодар

Уважаемая Наталия Евгеньевна!

Мое имя, в связи с фотографией 1935 года², Вам назвали ошибочно. На работу в Тамбов я переехал только в 1937 году. С Мандельштамом никогда не встречался. Судя по фону на фотографии, можно предположить, что снимок действительно сделан в Тамбовском санатории (быв. доме

фабриканта Асеева). А кто с поэтом фотографировался, сказать не могу.

Но мне хочется помочь Вам. И вот что советую: направьте фотографию в редакцию газеты «Тамбовская правда» на имя нынешнего редактора Бориса Артемова. Дело в том, что в редакции имеются подшивки газеты со дня ее основания. Конечно же, о приезде в Тамбов Мандельштама газета что-то писала, а может быть, и публиковала подобный снимок. Думаю, не трудно будет полистать подшивку за 1935 год. Попросите об этом редактора.

Фотографию возвращаю.

Всего доброго Вам.

Н. Растрепин

¹ Журналист, в прошлом сотрудник «Тамбовской правды», на момент написания данного письма – пенсионер в Краснодаре.

² Имеется в виду фотография с О.Э. Мандельштамом, снятая в Тамбовском санатории, где он отдыхал в конце 1935 – начале 1936 г. См.: Осип Мандельштам в Воронеже // «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель: К 100-летию со дня рождения Н.Е. Штемпель. М.: Воронеж, 2008. С. 110.

<16>

Павел Нерлер, 3 апреля 1987 г.

Дорогая Наталья Евгеньевна! Не мог написать Вам сразу же после вечера, не было ни сил, ни времени, да и был я спокоен в том смысле, что Витя с Неллей Вам все и так расскажут или, того лучше, прокрутят на магнитофоне. Спасибо Вам – я Ваше сочувствие и участие ощущал и на него опирался. Что говорить – жаль, что Вас не было на этом празднике, но и как прекрасно, как здорово, что у Вас и в Вас нашлось нечто высшее, чем этот – такой долгожданный для всех нас – праздник.

<...>

О Вас что-то готовит «Огонек» (мне оттуда звонили – спрашивали, знаю ли я Вас, действительно ли Вы это Вы?), что-то затевают и «Московские новости».

<...>

Сейчас я в Ленинграде – «догуливаю» отпуск, догуливаю по архивам, разумеется. Много еще дел с книгой Бенедикта Лившица, а книга О.Э. должна появиться уже на следующей неделе!

Целую Вас – Ваш племянник П. Нерлер

<17>

Василий Гыдов, 19 июля 1987 г.

<...>

Жизнь в стране поумнела, умнеет. Жить стало интереснее и труднее. Не спрячешься, не оправдаешься в бездеятельности обстоятельствами, ограничениями и запретами. Неловко и нечестно быть теперь «лишним человеком» с «лишними интересами». Оцениваешь открывшиеся возможности, и в первый час опускаются руки: не знаешь с чего начать.

По совету Павла работаю над «биографической канвой» воронежского периода, а проще, расписываю на карточки (по возможности день за днем) жизнь О. М. в Воронеже.

Увлекательное дело. Рядом оказываются события, слова, поступки, которые раньше и не связывал. В реальном соединении воскресает неясная прежде логика жизни, открываются причины и следствия.

Богатейший материал – письма Рудакова. Читали ли Вы их?

Что за обстановка в Воронеже? Что с альбомом и Вашими «Воспоминаниями»?

<...>

<18>

Василий Гыдов, 6–7 августа 1987 г.

<...> Сразу о странном С.Б. Рудакове. Письма его мне дал Павел¹. Кроме того, получил я от него работу Э.Г. Герштейн, сделанную на основе этих писем (наверное, то или почти то, что она предложила «Подъему»). Всё это очень интересно и для понимания О.Э. в Воронеже и крайне существенно.

С.Б. писал жене чуть ли не каждый день. И почти в каждом письме подробности жизни О. М. и Н.Я. Действительно, Рудаков большой фантазер, но этой характеристики мало. Есть в нем болезненная странность. Он нафантазировал о себе бог знает что. Герштейн называет его «маленький Сальери».

Судите сами. «А то, что эти месяцы мы были вместе, – удивительное историческое событие. Посмертно стихи все завещаны мне, его собственные слова: “Вы будете единственным душеприказчиком и издателем Мандельштама” (26.05.35). “С почты иду к М. Они вчера коллективно сочиняли очерк и, может быть, наступит полный мир: тогда начну доить Оську исторически. С собой предусмотрительно беру бумагу и развитый вчера планчик” (5.08.35). А вот что Рудаков испытывает, прочитав новые стихи Пастернака: “Стихи его до одури напоминают мои последние. Пробовал и вчера и сегодня себя перечитывать, и ей-ей лучше <...>. Время пройдет, ни одна собака не поверит, что я написал раньше. Всё с Пастернаком, например, что близкое ко мне, – копируется, как гениальное (у Мандельштама и у критики) за известность. Перечитывал (свои стихи – нет, не разочаровывают. Какие скоты люди!” (30.05.36). “Я стою перед работающим механизмом (может быть, организмом – это то же) поэзии. Вижу то же, что в себе, – только в руках гения <...>. Я изучаю дивную конструкцию, секрет которой сокрыт для смертного, изучаю живого Мандельштама” (20. 09.35).

Но вот Рудаков в новых стихах Мандельштама обнаруживает сходство с одной из своих строчек. «Бедный,

бедный перед великой исторической перспективой твой счастливый мальчик. Уже налицо у мальчика гениальные... ученики, а сам он только Фриде пока известен» (26.05.35). И снова о Мандельштаме: «Он делает то, что я начал делать полтора года назад».

Э.Г. Герштейн замечает: «Рудаков был завистлив, это его слабость, но Осип Мандельштам был от природы лишен этого чувства». И дальше: «Необходимость обсуждать стихи Рудакова легла, конечно, бременем на Мандельштама. Мне кажется, Осип Эмильевич жалел его, понимая, что его тяга к стихотворчеству непреодолима, приближаясь к мании. Но иногда Осип Эмильевич проговаривался, не знаю, умышленно или нечаянно. Так, 6 августа 1935 г. Рудаков жалуется жене: “Нет темперамента спорить из-за стихов, их О. не показываю, и он верит, что я писать не умею. Так, очевидно, спокойнее. Сказал [Мандельштам] фразу: ‘В России пишут четверо: я, Пастернак, Ахматова и П. Васильев’. А меня, наверное, кошки съели”».

Конечно, подобные мотивы и тон лишь одна сторона неординарной натуры Рудакова, и я выбрал их не для тенденциозного сужения. Просто из материала огромного и разнообразного взял наиболее неожиданное.

Наверное, и для Вас такая сторона души С.Б. была неизвестна. А может, что-то чувствовалось? Хотя бы взять то, что он запретил Вам знакомиться после его отъезда с Мандельштамами. Может быть, он опасался конкуренции в исследовании этой «дивной конструкции». Даже расставаясь с Мандельштамом, пытался сохранить за собой монополию, приоритет близости к нему. Есть и другая сторона: в письмах к жене он подчеркивает свое нежелание бывать в женском обществе, а тут через Мандельштамов Лиина Самойловна может узнать, что круг общения ее мужа был шире известного ей по письмам.

Может быть, я зафантазировался. Поправьте. У меня ведь лишь две точки обзора – письма и мнение Э.Г., а Вы знали Сергея Борисовича, у Вас живое знание, происходящее из общения... Даже если человек напишет исповедь, он не уложит в нее свой мир, может быть, как раз в исповеди

менее всего и воплотится. Поэтому хочется быть осторожным в толковании писем и хочется попросить прощения за односторонний подбор цитат. Ведь С.Б. поднимается над приведенными эпистолярными странностями. Очень нелегкая судьба обрамляла, испытывала его яркое дарование.

Скажите, а О.Э. часто вспоминал Рудакова? Нуждался ли в нем?

<...>

¹ П.М. Нерлер

<19>

Василий Гыдов, 30 августа 1987 г.

<...> Получил Ваше очень интересное письмо. Для меня откровения Рудакова тоже большая неожиданность. Хотя, знаете, когда читаешь хронологически последовательно, замечаешь, что не во всем С.Б. естественен, где-то он подыгрывает адресату, т. е. берет тон и крен, потребный жене, а та, чувствуется, после визита в Воронеж первые восторги мужа не поддержала, считала, что Мандельштамы вытягивают у Рудакова деньги и мешают ему творить. Но это не извиняющая, а, скорее, усугубляющая причина. Червоточина была в самом Рудакове.

Наверное, Вам тяжело разочаровываться в симпатичном человеке, и я, как посыльный с дурной новостью, чувствую свою вину, но ничего не могу поделать и продолжаю дурную новость нести. Наткнулся на просто поразительное признание: «В сущности, я настолько убежден в себе и своих стихах, что мне глубоко наплевать на всех современников, как на авторитеты, я пишу не хуже и Мандельштама, и Пастернака. Дело не в этом, нужно, чтобы дошло до читателя. А ругать Мандельштам ругает и Хлебникова, и Вагинова. А среда литературная консервативна, и все великие боятся конкурентов» (4.06.35).

И все-таки надо благодарить Рудакова: его письма просто кладезь подробностей полутора воронежских лет О.Э. Вот об одном из отъездов Н.Я. в Москву (8.05.35): «На вокзале она совсем распахивалась и бедного Осюка извела до того, что он дрожащим голосом говорил: “Наденька, не сердись, ты ведь уезжаешь”. И потерял палочку, которая, правда, нашлась в буфете. Его жалко страшно. Он притих и варит мне и себе какао. Перепачкал руки о кастрюлю, вытер их об лоб и ходит зеброй весь вечер».

Или вот такая подробность (не знаю только, насколько она объективна): «О Гумилеве <...> При мне, кроме “у цыган” (условно), он не похвалил ни одной строки. Какая-то враждебная трусость. Говорить о нем не хочет, а когда прорывается – то звучит к стиху ненависть и зависть за известность».

Сталкивались ли Вы с подобным отношением О.Э. к Гумилеву?

Я бы тоже очень хотел, чтобы Вы прочитали эти письма. Но как? Надо спросить Павла. Он дал мне для работы внушительную папку, причем это не целиком письма, а про-странные выписки всего, что относится к М. Павел сделал их в Пушкинском Доме. Всё это не перепечатано...

<20>

Наталья Долотова¹, 6 мая 1987 г.

Дорогая Наталья Евгеньевна! Спасибо, что так быстро прислали рукопись. Я передала в отдел поэзии – Роднянской². Желаю Вам здоровья, хорошего настроения. Обнимаю, целую. Наташа.

¹ Сотрудница редакции «Нового мира», один из инициаторов большой мандельштамовской публикации под сводным названием «Осип Мандельштам: Последние творческие годы», вышедшей в октябрьском номере за этот год. Помимо воспоминаний Н. Штемпель в подборку вошли также «Стихи о неизвестном солдате» О.М. (подгот. текста и

коммент. И. Семенко), письма О.М. к родным 1929–1938 гг. (публ. Е. Зенкевич, подгот. текста и коммент. Е. Зенкевич и П. Нерлер), эссе Э.Г. Герштейн «Слушая Мандельштама» и послесловие С.С. Аверинцева.

² Ирина Бенционовна Роднянская.

<21>

Наталья Долотова, без даты (датируется июнем-июлем 1987 г.)

Дорогая Наталья Евгеньевна!

Наконец-то есть реальные результаты. В Ваших воспоминаниях мы заинтересованы больше всего.

Ирина Бенционовна Роднянская Вам обо всем написала. Сделайте все, что Вам захочется: добавляйте, исправляйте, не соглашайтесь. Всего Вам самого наилучшего. С искренним уважением Н. Долотова.

<...>

<22>

Макарова Елена Григорьевна, 29 сентября 1987 г., г. Химки

Дорогая Наталья Евгеньевна! Каким счастьем было читать Ваши воспоминания о Мандельштаме. До того я посмотрела фильм про Моцарта, Милоша Формана, где с беспощадностью правды показана травля гения. Сознательная и хорошо продуманная. Ваш Мандельштам – Моцарт, кого травил не один человек, а система в лице самых разных дьяволов. В том, что он звонил им по телефону и читал им стихи, – его Гений, его надстояние над жизнью, которая его убьет, физически уничтожит и ничего с ним не сделает. Чему свидетельство – поэзия. И она потянула за собой и Надежду Яковлевну, о которой теперь можно говорить, и Ваши потрясающие воспоминания. В них – любовь, а не анализ, ее обычно разрушающий и превращающий в осколки. Любовь

к Поэту делает текст одухотворенным, я плакала, читая. А ведь не так легко из нашего человека выжать слезы. Не из того нашего, кто плачет на индийских фильмах, а из того, кто живет Словом, оплакивая всех тех, кто погиб из-за вот этой безграничной преданности Слову.

Разумеется, я знала воспоминания Н.Я., я мечтала пойти к ней с розами, купленными на всю зарплату, но не пошла, постеснялась. Была на отпевании и с удивлением увидела такую старуху... Тело. Вот с теми розами, на зарплату, надо было бы приходиться к живым. К мертвым – тоже не возбраняется. Но лучше – к живым.

Искренность Вашего текста при ровности письма, без фонетических анализов, без внедрения в кухню – усиливается описаниями города, улиц, по которым ходили все, но услышал их – только Мандельштам. Город, увековеченный в стихах, живет и собственной жизнью в Вашей прозе. Это вышло чудесно.

Эмма Герштейн, которую я очень уважаю, хорошо рассказала нам про чтение Мандельштама, связала это очень точно с музыкой, с сольфеджо поэзии, но в ее тексте нет той обворожительной простоты и сквозящей в каждом слове боли.

<...>

<23>

Телеграмма из «Нового мира», 30 сентября 1987 г.

ВОРОНЕЖ 18 НИКИТИНА 38-А КВАРТИРА 29 –
ШТЕМПЕЛЬ

ДОРОГАЯ НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА БЕСКОНЕЧНО РАДЫ ПОЗДРАВИТЬ ВЫХОДОМ СВЕТ ВАШИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ ВСЯ МОСКОВСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЗАЧИТЫВАЕТСЯ ИМИ БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ И БОДРЫ НА РАДОСТЬ ВСЕМ НАМ = ВАШИ НОВОМИРЦЫ ДОЛотоВА НУЙКИНА ОЗЕРОВА¹

¹ Сотрудники редакции «Нового мира», готовившие публикацию.

<24>

Письма читателей с сопроводительной запиской от редакции «Нового мира» датируются концом 1987 г.

Глубокоуважаемая Наталья Евгеньевна!

В редакцию приходят письма, в которых читатели высказываются по поводу некоторых, с их точки зрения, неточностей. Если это не затруднит Вас, пожалуйста, ответьте им.

С уважением

Ст. ред. отдела поэзии /Ю. Болдырев¹/

¹ Юрий Леонардович Болдырев (1934–1993), критик и литературовед.

<24а>

Уважаемый т. Залыгин!¹

Очень была удивлена, увидев в воспоминаниях Н.Е. Штемпель о Мандельштаме упоминание о литмонтаже В.Н. Яхонтова под названием «Чиновники» («Новый мир». Л. № 10, с. 208). По-моему, это неверно, литмонтаж перечисленного Н.Е. Штемпель содержания назывался «Петербург». Я его видела, как и все остальные литмонтажи Яхонтова. Полностью разделяю высокую оценку Н.Е. Штемпель творчества Яхонтова, это было искусство высочайшей пробы, не имевшее аналогов ни до, ни после него.

Что касается названия литмонтажа «Петербург», могу в доказательство сослаться на книгу самого Яхонтова «Театр одного актера» (М.: «Искусство», 1958). Весьма желательно было бы знать, откуда взялись «Чиновники».

С уважением Ваш постоянный подписчик (подп. нрзб.)

21 ноября 1987 г.

27.IX/87

¹ Залыгин Сергей Павлович, прозаик, в 1986–1998 гг. – главный редактор «Нового мира».

<246>

Обращаю ваше внимание на ошибку, вкраивуюся в публ[икацию] воспоминаний о Мандельштаме Н.Е. Штемпель (Н.М., № 10). Речь идет о сноске № 16 (на стр. 225): «Глагол», 1933, № 1. Что это? Цитируются письма Мандельштама Н.С. Тихонову от 31.XII.1936 г. И такая странная сноска. Если имеется в виду сб. «Глагол» изд. «Ардис», то первый вып[уск] вышел в 1977 г., второй спустя 3 или 4 года. Но в 1-м вып. «Глагола» публ[икуемого] письма нет. Вызывает также недоумение отсутствие страниц в сноске. Видимо, здесь произошло какое-то недоразумение, и ошибка оказалась размноженной почти 500 тыс. тиражом. Очень прошу разъяснить: каков все-таки источник цитируемого письма Мандельштама.

С уважением Елена Юрьевна Литвин¹ – н. с., ИМЛИ.

¹ Сотрудница рукописного отдела Института мировой литературы АН СССР им. А.М. Горького.

<25>

*Михаил П. Николаев¹, Амхерст (США), без даты
(датируется началом 1988 г.)*

Дорогая Наталья Евгеньевна!

Как мне благодарить Вас за это чудо – Ваши Записки! Вы донесли что-то такое об О.Э., что никому никогда не удавалось. Вы знаете, когда весной (перед Пасхой) вымоют окна, то вдруг, кажется, даже стекол нет, а прямо чистая и ясная небесная синева вливается через оконные проемы в комнаты с улицы.

Вот этой прозрачной чистотой и незамутненностью отличаются Ваши Записки.

М.П.

¹ Прозаик, муж литературоведа В.А. Швейцера, дружившей с

Н.Я. Мандельштам и Н.Е. Штемпель. В эмиграции совместно с В. Швейцер издал книгу о своей собственной судьбе. См. ее недавнее переиздание в России: *Николаев М., Швейцер В. Кто был ничем...* М.: Время, 2008. 512 с.

<26>

Павел Нерлер, 9 февраля 1988 года

Дорогая Наталья Евгеньевна!

На днях, перечитывая воронежские стихи О.Э., вновь погрузился в тихий и нежный мир обращенного к Вам диптиха. Хочется повторить за Вами – какое чудо – эта встреча, чудо человеческое и чудо поэтическое. Неужели, не сведи Вас судьба, этих стихов могло и не быть? Неужели, не сведи Вас судьба, О.Э. лишен бы был возможности ощутить в себе в минуту столь трудную дар простой человеческой дружбы?

Я твердо верю, что Вы скоро поправитесь, Наталья Евгеньевна, и еще многое хорошее, доброе нас ждет впереди. Скоро – Мандельштамовские чтения, первые и для первин слегка грандиозные¹. С тех пор, как с имени О.Э. снято заклятие, к нему потянулось еще больше сердец и естественно, что и аналитических умов. Все ведь чем-нибудь занимаются, держа в душе какие-то заповедные уголки, – для многих, полагаю, О.Э. и был такой целебной отдушиной. О Чтениях Вы, конечно, будете знать все – на днях будет размножена их программа, и я Вам тотчас вышлю.

Соня (и Илюша)² передают Вам привет и присоединяются ко мне, обнимающему Вас и «молящемуся» о Вашем здоровье.

П. Нерлер

¹ В архиве сохранилось датированное 21.12.1987 г. приглашение оргкомитета «Мандельштамовских чтений» принять в них участие. Приписка П. Нерлера: «Дорогая Наталья Евгеньевна! Приезжайте! Хотите с докладом, хотите – без доклада, но приезжайте! (Если без – то предупредите, хорошо?)».

² Жена и сын автора.

ПУБЛИКАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ
К БИОГРАФИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Публикации
Воспоминания
Современники

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА
ИЗ АРХИВА А.А. МОРОЗОВА

В начале 1980-х годов Александр Анатольевич Морозов разрешил мне скопировать ряд материалов из своего собрания. Среди них – и публикуемые здесь два письма.

Первое из них написано рукой Н.Я. Мандельштам под диктовку поэта. В конце письма стоит его подпись-автограф. Обращено оно в редакцию «Литературной газеты» и написано вскоре после закрытого творческого вечера О.Э. Мандельштама, который состоялся в помещении редакции 10 ноября 1932 г.

К письму был приложен список стихотворения «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (также рукой Н.Я. Мандельштам). Судя по всему, именно он – наряду с двумя другими, ныне утраченными («Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» и «К немецкой речи»), – послужил основой для последней стихотворной публикации Мандельштама, увидевшей свет при его жизни («Литературная газета». 1932. 23 нояб.). В беседе А.А. Морозов сообщил, что письмо и стихотворение были подарены ему К.Л. Зелинским. Датировать письмо можно промежутком между 10 и 23 ноября 1932 г. Оно позволяет уточнить кое-какие детали в уже опубликованном письме Мандельштама отцу, напи-

санном во второй половине декабря того же года: «В декабре я имел два публичных выступления, которые организация вынуждена была мне дать, чтоб прекратить нежелательные толки. Эти выступления тщательно оберегались от наплыва широкой публики, но прошли с блеском и силой, которых не предвидели устроители. Результат – обо всем этом ни слова в печати. Все отчеты сняты, стенограммы спрятаны, и лишь несколько вещей напечатаны в Литгазете без всяких комментариев» (*Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 148*). Теперь становится понятно, что Мандельштам имеет в виду стенограммы своего выступления именно в редакции «Литературной газеты», о которых и идет речь в публикуемом письме. Стенограммы эти остаются, к сожалению, неразысканными.

Второе письмо написано Б.С. Кузиным (1903–1973), биологом-теоретиком, одним из ближайших друзей Мандельштама. Адресовано оно А.А. Морозову и содержит текст эпиграмм на биолога Ю.М. Вермеля (1906–1938), друга Кузина, который и познакомил его с Мандельштамом. Письмо написано в 1970-е годы по просьбе А.А. Морозова. Оно позволяет внести некоторые уточнения в уже опубликованные тексты эпиграмм и обстоятельства их написания.

Тексты писем печатаются по фотокопиям подлинников, нынешнее местонахождение которых остается неуточненным.

Настоящая публикация подготовлена как дань уважения памяти А.А. Морозова. Остается только сожалеть, что сам он не успел опубликовать эти материалы. Тем, кто знал его, хорошо известно, с какой тщательностью он готовил к печати свои работы, многие из которых именно по этой причине так и остались незавершенными или неопубликованными.

<1>

О.Э. МАНДЕЛЬШТАМ – В РЕДАКЦИЮ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Уважаемые товарищи!

Посылаю вам правленные стенограммы. Должен сказать, что правка эта напомнила мне правку старых переводов Уленшпигеля и Вальтер Скотта для Зифа. Со стенографической записью в Литгазете неблагополучно. Мало сказать неблагополучно – ужасно. По этой катастрофической передаче можно очень смутно догадываться о том, что было сказано. Будучи не в силах восстановить свои слова, но точно помня, что именно я хотел сказать, я кое-как восстановил главные смысловые этапы. За точность мыслей – ручаюсь, выражения – более чем приблизительны.

О. Мандельштам

<2>

Б.С. КУЗИН – А.А. МОРОЗОВУ

Эпиграммы на Ю.М. Вермеля

Начало писанию этих эпиграмм положил я. Первой была следующая:

Вермель в Канте был подкован,
То есть был он, как сказать,
Безусловно окантован,
Что ли Канта знал на ять.
В сюртуке, при черном банте,
Филосóf был – прямо во!
Вермель съел собаку в Канте,
Кант, собака, съел его.

Затем О.Э. написал:

Есть на Большой Никитской некий дом,
Зоологическая камарилья,
К которой сопричастен был Вермель.
Он ученик Барбея д'Оревильи.
И этот сноб, прославленный Барбей,
Запечатлелся в вермелевом скарбе
И причинил ему немало он скорбей:
Кто может знать, как одевался Барбий?
Ведь англичанина не спросит внук,
Как говорилось: «дерби» или «дарби»...
А Вермель влез в Барбеевый сюртук.

Потом были написаны четыре эпиграммы по принципу буриме. В этом принимали участие О.Э., Е.С. Смирнов, Н.Д. Леонов и я. Тема – поездка Вермеля в Дмитров и потеря новой шляпы.

Как поехал Вермель в Дмитров,
Шляпу новую купил.
Ну не шляпа – прямо митра:
Вермель Дмитров удивил.

То-то в шляпе он устроил
Предкам форменный парад.
Шляпа – брешь в советском строе.
Без нее он брел назад.

—
Спит безмятежно
Юлий Вермель.
Август. Бесснежно.
Впрочем, апрель.
В Дмитрове предок
Тризной почтен.
А напоследок –
В шляпе мильтон.

По нашим временам куда как стали редки
Любители почивших в Бозе. Вот
В старинный склеп, где тихо тлеют предки,
Он входит. Снял сомбреро. На киот

Перекрестился. Долг потомка справил
И, в меру закусив, в вагоне лег костями.
А вор его без шляпы и оставил.
Читатель, не кути с случайными людьми.

Вариант второй строфы:

Не крестится. С улыбкою сатира
Он крадется – пойми его, зачем.
И каплет кровь с священного потира, –
Ни в Эммаус нельзя, ни в Вифлеем.

Четвертую эпиграмму этой серии я совсем не помню.
Вероятно, она была совсем малоудачной. Для приведенных
трех не могу указать, какие стихи принадлежат О.Э.

Последняя эпиграмма написана по поводу желания
Вермеля сделать переплет для книги из человеческой кожи.
Сочинили ее мы с О.Э. вдвоем, причем его доля, кажется,
была большей.

Ходит Вермель, тяжело дыша,
Ищет нежного зародыша.

Хорошо на книгу ложится
Человеческая кожица.

Ищет Вермель, словно вор ночной,
Взять на книгу кожу горничной.

Снегом улицы заметены,
Люди в кожу переплетены –

Даже дети, даже женщины –
Как перчатки у военщины.

Дева-роза хочет дочь нести
С кожей особой прочности.

Душно... Вермель от эротики
Задохнулся в библиотеке.

Октябрь 1932

*Публикация и вступительная заметка
С. Василенко*

Юрий Фрейдин

К ПРОБЛЕМАМ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ
РАБОТЫ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Черновой набросок перевода 27 строк
из пьесы Жюлья Ромена
«Армия в городе»

Переводческое наследие О. Мандельштама весьма обширно: это около сотни произведений трех десятков авторов, переводы выполнены с четырех западно-европейских языков и двух кавказских (с подстрочников), важно отметить и широкое жанровое разнообразие: средневековый эпос, стихи, включая пьесы в стихах, проза – от рассказов до романов. Полный перечень пока не анализировался, и это понятно, поскольку переводы привлекают меньший интерес, чем стихи и проза самого Мандельштама. Тем не менее можно пунктиром наметить некоторые вехи изучения мандельштамовского переводческого наследия, интерес к которому возрос в последние годы.

Начало было положено И.М. Семенко, в конце 60-х детально исследовавшей переводы Петрарки. Примерно в то же время В.А. Швейцер обнаружила в архиве ИМЛИ рукопись переводов из старофранцузского эпоса (копия рукой Надежды Яковлевны) вместе с отрицательной рецензией на них. В конце 80-х А.Д. Михайлов подробно сравнивал эти переводы с оригинальными текстами. Приблизительно в то же время были найдены написанные О. М. внутренние рецензии, часть которых служила для издательств обоснованием целесообразности заказа переводов тех или иных произведений. Были атрибутированы несколько предисловий к

переводам, подписанных псевдонимно или не подписанных вовсе (изыскания К. Азадовского, С. Василенко, А. Меца). В последние годы изучение переводов было продолжено работами Стефано Гардзонио, Стефана Симонекка и других исследователей.

В достаточно полных однотомных изданиях стихотворений Мандельштама раздел стихотворных переводов, как правило, имеется, но уже в однотомниках, включающих стихи и прозу поэта, этот раздел опускается. Конечно, так поступают преимущественно из технических соображений — ограниченный объем издания и т. п. Но не только...

Переводы, безусловно, не принадлежат к основной части творческого наследия Мандельштама, находятся на его периферии. Например, никто пока не предлагал включить прозаические переводы в состав даже четырехтомного собрания сочинений поэта. Это в определенной мере объясняется отношением самого Мандельштама к переводам как к каторжной работе, которой приходилось заниматься в целях выживания. Именно такое отношение запомнили и донесли до нас ближайшие современники поэта: Анна Андреевна Ахматова и Надежда Яковлевна Мандельштам.

Надежда Яковлевна не раз подчеркивала, что скандал вокруг отредактированного Мандельштамом перевода «Тилия Уленшпигеля» способствовал и внутреннему освобождению поэта от рутины литературной жизни, и высвобождению сил благодаря вынужденному прекращению переводческой каторги. Освобождение повлекло за собой разрыв отношений с официальной литературой и литературским сообществом, объявленный в «Четвертой прозе», а затем и возвращение стихов в 1930 г.

Следуя этой достаточно убедительной логике изложения событий, можно предположить, что период поэтического молчания (1925–1930) не случайно совпал с годами наиболее активных занятий переводческой работой и неизбежными при этом редакционно-издательскими хлопотами. Правда, часть хлопот увенчалась изданием в 1928 г. книги стихов, книги прозы и сборника статей, но эта победа оказа-

лась пирровой: больше авторские книги Мандельштама при его жизни не издавались.

Так неприязненное отношение к переводам становится понятным, во многом отражающим позицию самого поэта и наиболее близких ему современников. Однако, даже если считать переводы отвратительной, каторжной работой, полностью изгнать их из авторского творческого наследия Мандельштама невозможно, так как в разных формах и вариантах они входят в корпус произведений самого поэта. Это начинается с 1915 г., когда в «Я не увижу знаменитой “Федры”...» вводится цитата из трагедии Расина: «...Как эти покрывала мне постылы...», являющаяся мандельштамовским переводом начала второй реплики Федры из третьего явления первого действия.

Другой вариант перевода той же реплики находим в первых двух строках следующего стихотворения: «— Как этих покрывал и этого убора / Мне пышность тяжела средь моего позора!» Здесь поэт имитирует фрагмент античной трагедии, подобно тому, как Иннокентий Анненский стилизовал под античные трагедии свои авторские произведения. Как указано в комментарии М.Л. Гаспарова, Мандельштам чередует реплики Федры, частично передающие расиновские строки, и реплики хора прислужниц, тогда как у Расина этот коллективный персонаж отсутствует.

Так, вместо того чтобы, следуя совету Анненского, овладеть поэтическим мастерством, создавая стихотворные переводы, поэт попытался освоить опыт самого Анненского — автора «античных» трагедий. Причем сделано это было в жанре отрывка / фрагмента, включенного в последнюю книгу «Стихотворения» 1928 г. таким образом, что образовался скреп-стык между двумя соседними сборниками: стихотворение «Я не увижу знаменитой “Федры”...» заканчивает раздел «Камень» (ставший последним, четвертым, «исправленным и дополненным» изданием одноименной первой книги стихов Мандельштама), тогда как фрагмент «— Как этих покрывал и этого убора...» открывает следующий раздел, «Tristia», также представляющий собой исправленный и дополненный вариант одноименной книги. Этим

не исчерпывается роль расиновской «Федры» для О. М. Он переводит еще 22 строки – начальный фрагмент трагедии и включает в третье издание «Камня» (1923).

Значительно раньше образ великой актрисы Элизы Рашель в роли расиновской Федры становится элементом сравнения в стихотворении 1913 г. об Ахматовой («Вполоборота – о, печаль! – ...»), а позже Россия уподобляется Федре в статье (1915–1922?) на смерть Скрыбина и, наконец, в статье «О природе слова» (1922) фразой «Расин раскрылся на “Федре”» Мандельштам подведет своего рода итог этому многолетнему увлечению, отразившемуся в стихах и прозе, различных по жанрам и стилю.

Не исключено, что мандельштамовское увлечение расиновской «Федрой» в начале 20-х годов, когда поэт обстоятельствами истории, жизни и новой государственной литературной политики был вынужден «перейти на переводы», завершилось бы полным переводом трагедии. Но соответствующий проект, вроде бы связанный с горьковской «Всемирной литературой» (даже если он и существовал как проект), и, может быть, принес в виде аванса какие-то малые средства к существованию в эпоху голода и нищеты, уже становившихся привычными для поэта, в реальности не осуществился. Возможно, «Начало “Федры”», вошедшее в «Камень» 1923 г., является реальным следом именно этого замысла, а подчеркиваемая Надеждой Яковлевной недоброжелательность Горького к Осипу Эмильевичу – результатом невыполнения Мандельштамом одобренного Горьким издательского плана.

Предположений и вопросов получается явно больше, чем ответов, хотя перечисленные тексты неоднократно комментировали видные исследователи. Вопросы лежат как в области биографии («труды и дни» поэта), так и в области поэтики (значение классицизма, жанрового эксперимента – античной стилизации и фрагмента и, наконец, образа самой «Федры» в его творчестве в очень важное во многих отношениях рубежное десятилетие 1913–1923).

Аналогичные вопросы возникают и в отношении других стихотворных переводов Мандельштама, прежде всего

тех, которые он включал в корпус собственных стихотворений. Это, конечно, «Сыновья Аймона» (из старофранцузского эпоса, 1922 г., перевод включен в издание «Камень» 1923) и переложения (1933–1934) четырех, точнее четырех с половиной, сонетов Петрарки из книги «На смерть Донны Лауры», по авторской воле и общему признанию входящих в книгу стихотворений 1930–1934 гг. Особый случай представляют переводы нескольких фрагментов «Божественной комедии», сделанные Мандельштамом по ходу работы над «Разговором о Данте» (1933).

Таким образом, выделяется группа стихотворных переводов, выполненных исключительно по внутренней потребности. Об этом можно судить по тому, что они включены поэтом в корпус его авторских произведений и, видимо, тесно связаны с личным опытом, глубинными переживаниями, творческим самовыражением, с наиболее близкими мыслями и воззрениями. Остальные стихотворные переводы можно условно определить как своего рода «договорные», созданные О. М. в рамках договора с издательскими инстанциями. Хотя и здесь, как мы знаем, всё не так уж и просто.

Старофранцузский эпос переводился вроде бы «по договору», однако (возможно, вследствие отрицательной рецензии) издан не был, и Мандельштам включил «Сыновей Аймона» в третье издание «Камня» (почему? или: зачем?). Надежда Яковлевна полагала, что еще два перевода из старофранцузского эпоса – «Алисканс» и «Жизнь Святого Алексея» – были особенно близки Мандельштаму.

Среди изданных «договорных» стихотворных переводов есть более близкие поэту, возможно, выражающие то, чего он не говорил в собственных стихах. Имеются в виду, прежде всего, переводы (1922) «революционных» стихотворений Огюста Барбье: «1793», «Наполеоновская Франция», «Мятеж», «Собачья склока» (публикации последней предпослано было предисловие переводчика, где Мандельштам отстаивал право поэта откликаться на злобу дня, используя при этом не только личные наблюдения, но и публицистические, газетные материалы, – принципы, важные, как мы знаем, для поэзии самого Мандельштама).

Аналогии русской революции с революциями во Франции были распространены в то время, термины «бонапартизм» и «термидор» использовались во внутривосточной борьбе, статья Маркса «18-е брюмера Луи Бонапарта» постепенно вводилась в обязательный курс политграмоты, однако под недреманным оком созданного в 1922 г. Главлита резкие стихи о событиях вековой давности, видимо, имели шанс быть напечатанными лишь как переводные. Собственное стихотворение Мандельштама о Париже эпохи Великой французской революции «Язык булыжника мне голубя понятней...» (1923) гораздо мягче, веселее и лиричнее, чем резкие, злые ямбы Барбье. Даже близкий по историко-революционным реминисценциям, но всё же далеко не таким прямолинейным, как у Барбье, «Рояль» (1931) мог, может быть, благодаря музыкальности и сложности, хоть и с купюрами, попасть тогда на страницы «Нового мира».

Итак, часть стихотворных переводов, выполненных Мандельштамом, выражала некоторые темы таким образом, каким из-за цензурных ограничений не мог их выразить поэт в своих собственных стихах.

Но были и другие темы – «пролетарские», «классовые», «социалистические», «социально-революционные», «коллективистские»... Они – в опубликованных Мандельштамом «заказных» переводах (Толлера, Бартеля, Жюль Ромена), но отсутствуют в его собственном творчестве (если не считать предисловий и внутренних рецензий, написанных им в связи с переводимыми авторами и их произведениями).

Еще больше подобных тем мы находим в переведенных Мандельштамом прозаических произведениях. Может быть, именно переведенные им «революционно-пролетарские» стихи и прозу имел в виду он, когда, отвечая в 1928 г. на вопросы анкеты газеты «Читатель и писатель», говорил, что приносит революции свои дары, но она в них пока не нуждается.

Кажется, «не нуждается» в них и современный читатель Мандельштама, за редким исключением не склонный перечитывать его не входящие в корпус переводы.

Не так обстояло дело при жизни поэта, когда, например, добрейший Д.С. Усов предлагал книгу «Завоюем мир!» (1925), включившую 50 переведенных Мандельштамом избранных стихотворений поэта-социалиста Макса Бартеля (с предисловием переводчика, где он стремился доказать, что поэт, усвоивший наследие немецкого символизма и всю мудрость германской культуры, может быть и пролетарским, и социалистическим поэтом), считать «третьей книгой стихов» самого Мандельштама.

Мы не знаем, соглашался ли Мандельштам с такой оценкой, но несомненно, что и в «заказных» переводах он сохранял свои евроцентричные, просветительские, культуртрегерские позиции. Такова примерная типология мандельштамовских переводов, очевидно, в какой-то мере сознаваемая самим поэтом.

Видимо, на неоднородность отношения поэта к своим переводам, особенно прозаическим, на способность делить их по «сортам» и «разрядам» указывает и то обстоятельство, что в ряде случаев Мандельштам, публикуя переводы, пользовался псевдонимами или даже совсем не ставил свою подпись.

Вот такое количество вопросов, не всегда доступных детальному подтверждению предположений, возникает даже при самом кратком взгляде на переводческую работу О. М. во всей ее полноте. Если же прибавить сюда вопросы, которые появятся, когда мы обратим свое внимание на редакционно-издательскую сторону дела, то безответных вопросов окажется еще больше: кто инициировал «заказы», где брал Осип Эмильевич книги для переводов, пользовался ли словарями и какими именно... Кстати, аналогичные редакционно-издательские вопросы возникают и касательно произведений «авторского корпуса», и далеко не всегда у нас имеются исчерпывающие ответы.

Таким образом, несмотря на то что в последние годы мы работаем над «Мандельштамовской энциклопедией», подводящей итоги почти векового, если считать от первых рецензий на стихи О.Э. Мандельштама, развития мандельштамоведения, у данной отрасли изучения поэзии XX в.

еще имеются достаточно обширные и разнообразные задачи.

Частичной иллюстрацией может служить нижеследующая публикация.

Вот, по-видимому, оригинал, из которого Мандельштам вырвал переведенный им фрагмент.

Обложка книги выглядит так:

Jules Romains
L'armée dans la Ville
Deuxième Édition
Paris
Mercure de France
MCMXI

Переведенные Мандельштамом строки как бы вырваны изнутри книги (они выделены у нас полужирным шрифтом и пронумерованы). Не даем подстрочника, поскольку мандельштамовский текст с очевидностью является не столько пословным переводом, сколько поэтическим переложением. Это видно хотя бы из того, насколько приблизительно придерживается Мандельштам авторской разметки оригинала во всех ее деталях, не выделяя «лесенки», убрав композиционно, казалось бы, совершенно необходимую помету «Акт I». Мы не ставили здесь задачу – сравнение с оригиналом, однако приведем буквально первый попавшийся пример поэтической свободы Мандельштама-переводчика. Экспрессивному зачину перевода – «И дерзкий пробежал по рядам восторг...» – в оригинале у Ромена «соответствует» (точнее было бы сказать – противостоит) достаточно бесцветное, хоть и снабженное восклицательным знаком: «Тогда <мы> почувствовали, что очень довольны!» («Alois on a senti qu'on était bien content!»). Возможно, степень свободы Мандельштама в поэтических переводах еще станет когда-нибудь предметом специального исследования.

Отметим, что знакомством с оригинальным текстом мы обязаны нашим коллегам П.М. Нерлеру и Жислен Бар-

де (известной переводчице писем, прозы и стихов Мандельштама на французский). Пользуемся приятным поводом высказать им свою признательность.

Жислен Барде написала нам: «Книгу “Армия в городе” я нашла в Национальной библиотеке. Такие ужасные стишки я еще не видела! Кое-где верлибры, кое-где рифмы, кое-где “alexandrins”, все очень вульгарно. Мне жалко Осипа Эмильевича за то, что ему нужно было переводить такие вещи. Что касается “Армии в городе”, ее, по-моему, опубликовало на первый раз издательство Mercure de France в 1911 г. Потом в издание всех театральных произведений Ж. Ромэна (Gallimard) эту пьесу не включали. Вот что мне сказали в издательстве Галлимар. Я сама не проверяла, так как тираж этой книги испорчен».

Итак, вот оригинал переведенного Мандельштамом фрагмента и нескольких окружающих его строк.

<Страница 66>

Et, sur la chaussée, en pleine milieu, tout debout,
Des becs de gaz ayant des branches comme un arbre!

- (1) Alors on a senti qu'on était bien content!
- (2) Il m'en venait des frissons, et la chair de poule.
- (3) Ils avaient tout fermé, les boutiques, les stores,
- (4) Les grilles, les volets, les loquets, les verrous;
- (5) Les murs étaient bouchés, cachetés, recousus,
- (6) Sans un seul trou, sans le passage d'une goutte,
- (7) Comme si le déluge allait recommencer.

- (8) Il n'y avait pas deux yeux qui osaient nous voir.
- (9) On sentait les gens trembler, à travers les murs.
- (10) On se disait: «Si je soulevais les maisons,
- (11) Je les trouverais dessous, comme des limaces.»
- (12) On se sentait jouir après chaque pas.

- (13) Il y avait comme une chose résistante
(14) Qu'on fendait avec ses jambes et sa poitrine
(15) Les trente régiments nous pesaient sur les reins.
(16) C'était nous que l'armée entrainait comme un couteau!
(17) Et la bête éventrée avait un si bon rôle!
(18) Il fallait nous entendre cogner du talon!
(19) Puis la ferraille des artilleuses par derrière!
(20) Les caissons faisaient écho sur la murailles,
(21) Et des volet claquaient à cause de chevaux.
Un silence: puis d'une voix tonnant.

<Страница 67>

ACTE I

- (22) C'est alors qu'il eut un moment plus terrible.
Il se lève.
(23) Car le chef des clarions qui était devant nous
(24) A levé son clarion comme ça, sur sa tête.
Il lève le bras.
(25) Tous les clarions ont mis l'embouchure à la bouche:
(26) Et, soudain, quand le chef a rabaissé son bras,
Il baisse le bras.
(27) Les cent clarions ont éclaté comme une bombe!
Ils faisait tant de bruit que nous fermions nos yeux.
Ce bruit-la, on sentait qu'il brûlait les façades
Il mangeait les verrous, les portes et les murs

Рукопись мандельштамовского перевода хранится в Отделе редких книг и частных собраний Ферстоунской библиотеки Принстонского университета в составе Архива Мандельштама, переданного туда более 30 лет назад Надеждой Яковлевной. Воспользуемся еще раз поводом принести нашу благодарность администрации и сотрудникам Отдела редких книг, неоднократно помогавшим нам и нашим коллегам в работе с Архивом Мандельштама и всегда позволявшим обнародовать изученные нами материалы.

Рукопись лежит в бумажной обложке с надписью (рукой И.М. Семенко?):

«И дерзкий пробежал по рядам восторг...»

Черновой автограф, карандаш, без даты

*Из перевода драмы Жюль Ромена «Армия в городе»
<начало 1919 г.>*

Автограф нанесен на лист большого формата (потеперешнему, видимо, А-3). Все слова умецаются на строке до конца правого края, причем справа даже оставлены поля, т. е. ничего подобного «лесенке» некоторых строк Ромена у Мандельштама в его переводе нет.

В начале нижней трети листа, справа, синими чернилами, тоненько, с неразборчивой первой цифрой, похожей на двойку 2<?>7, возможно, общее количество строк в мандельштамовском переводе. Их 27. (У Ромена тоже, если не считать четыре случая своеобразной «лесенки» за отдельные строки.)

В нашей транскрипции квадратными скобками выделены зачеркнутые знаки, буквы, слова, словосочетания и строки.

Строки 10-я и 11-я заключены в двойные квадратные скобки – обе вычеркнуты общей пометой после того, как внутри каждой из них проделана определенная правка.

Значком \llcorner указано начало вставленных Мандельштамом знака, буквы, слова или словосочетания; значком \lrcorner – их конец.

В угловых скобках наши пометы и коньектуры, включая номера строк, но чаще всего не проставленные Мандельштамом значки: «вставить!» (он часто пишет вставляемые слова над соответствующим местом строки, не прорисовывая при этом знака вставки).

Сохраняется авторская орфография. Знаки препинания, не проставленные им, мы не восстанавливаем.

Если у нас какие-то строки не умещаются до правого края страницы, то это – технический дефект, поскольку у Мандельштама они все умещаются.

- <1> И дерзкий пробежал [среди рядов] <ℒ> по <Д> рядам
восторг
- <2> Гусиная кожа ... озноб ... холодок
- <3> Они закрылись наглухо ... лавки ... жалюзи
- <4> Решотки ... ставни ... щекóлды ... замки
- <5> [Запечатали стены <?> – замазкой <?> свинцом <?>]
- <5> Запечатали... [крепкой] <ℒ> дратвой <Д> зашили дома
- <6> Законопатили каждую щель
- <7> Чтоб [ни] капл[и]я ℒ [не могла] Д... словно сейчас
потоп ...
- <8> И [некому было] глаз не нашлось, чтоб [увидеть] ℒ [гля
деть] <ℒ> взглянуть <Д> на Д нас
- <9> [Там внутри:] <ℒ> А <Д> в квартирах <ℒ> людская <
Д> угадывалась дрожь
- <10> [[Я [думал] думал: [что над домами-то колпак] <ℒ>
приподыми <Д> ℒколпакД -
- <11> [А под ним д<?>] В каждо[й] <ℒ> <Д> доме слизняков
найдешь]]
- <10> Я думал: любой дом приподыми
- <11> Людьми <ℒ> – <Д> [и] слизняками полны дома.
- <12> И с каждым шагом радость звенела сильнеей.
- <13> Словно упругий, [у<пругий?> шар <?>] [упор <?>
<ный>] упрямый матерьял
- <14> Топтали наши ноги, рассекала грудь
- <15> Нас наступало <?> тридцать полков
- <16> Армия в город врезалась как нож –
- <17> И нам был сладок вспоротой жертвы хрип!
- <18> Любо вспомнить, как щелкал[и] каблук[и] <ℒ> ами< Д>
батальон
- <19> [Гремел] ℒ А за ним Д артиллерии железный скарб
- <20> Грохот зарядных ящиков эхом в стены бил
- <21> И ставни дрожали от града копыт

- <22> Тогда наступал самый грозный миг –
 <23> Старший, горнист, [перед нами] <ℒ> впереди <Д> ша
 гавший
 <24> [Вскинув голову] <ℒ> Над голово[ю]й <Д> [вот так]
 [запрокинул]
 <ℒ> [под<Д> <кинул>]<Д> ℒ выпростал<?>Д рожок
 <25> [Другие вслед за ним пригуб<или?>]
 <25> Вот так – и все пригубили<?> фанфары
 <26> [И] по знаку упавшей руки начальника – вдруг –
 <27> <ℒ [>Сто глоток<Д>] – Вся [С] сотня <ℒ> [до] <Д>
 взорвал <ℒ>[и]<Д> ась серебряной картечью

Попробуем проследить ход правки:

- <1> *И дерзкий пробежал [среди рядов] <ℒ> по <Д> рядам
 восторг*

Вместо первоначального «среди рядов», зачеркнув его, Мандельштам сверху пишет «по», а внизу на строке повторяет «рядам», что можно расценить как признак быстрой, торопливой работы. «По рядам» – видимо, более простое и привычное словосочетание, чем «среди рядов». Возможно, в этом случае он как переводчик нарушает старинное эмпирическое правило, указывающее, в частности, что автор (особенно – «трудный» автор) предпочитает при работе над текстом более сложный вариант, а текстолог, транскрибируя плохо читаемое место, невольно стремится к более легкому, простому чтению (*lectio facilis*) и потому, видимо, должен делать свою текстологическую работу с соответствующей «установкой на усложнение». Однако, как явствует из данного примера, это старинное правило не имеет силы абсолютного закона.

- <5> *[Запечатали стены <?> – замазкой <?> свинцом <?>]*
 <5> *Запечатали... [крепкой] <ℒ> дратвой <Д> зашили
 дома*

Мандельштам иногда при правке переписывает исправляемый текст. Так и с этой строкой. Вариант с нераз-

борчиво записанными и потому читаемыми предположительно «стенами», «замазкой» и «свинцом» (и с первым тире в тексте перевода) полностью зачеркнут, а в переписанной строке фигурирует только «дратва», вписанная сверху над зачеркнутым словом «крепкой». Первоначальный вариант «Запечатали стены <?> – замазкой <?> свинцом <?>» выглядит менее точным и более сложным, чем окончательный, где «Запечатали <...> дома» (явно происходящее из выражения «опечатать дом» – ср. в «Шуме времени») вместо «Запечатали стены <?>», еще и поясняется через сравнение с сапожным ремеслом: «Запечатали дратвой зашили дома». Как уже сказано, «крепкой» вычеркивается, что упрощает строку и образно, и метрически. «Сапожное» сравнение влечет ассоциацию с герметизацией жилища – как обувь снабжают крепко пришитой прочной подошвой, чтоб она не промокала:

<6> *«Законопатели каждую щель».*

Правка не понадобилась. Отметим, что из шести строк этой части фрагмента только в трех имеется правка. Расценим это как признак быстрой работы над переводом (быстроу при обращении с французским текстом отмечал и С.Б. Рудаков, видевший, как Осип Эмильевич в Воронеже переводил с листа «Иветту» Мопассана).

После «запечатанных домов» достаточно естественно вводится образ «потопа» – или, как окажется далее, – воинского нашествия, затопляющего город:

<7> *Чтоб [ни] капл[и]я ☞ [не могла] ☜ словно сейчас потоп...*

Фраза отрывистая, с явной и легко заполняемой эллиптической лакуной: «Чтоб ни капли <не просочилось> словно сейчас потоп». Этот вариант не устраивает переводчика, и, вычеркивая «ни», переводя «капли» в единственное число и вставляя «не могла», он предлагает следующий: «Чтоб капля не могла <просочиться> словно сейчас потоп».

Получается как будто яснее и в то же время отрывистой. Это не устраивает его, и «не могла» вычеркивается. Формальный итог еще более отрывист и эллиптичен: «Чтоб капля <не могла просочиться> словно сейчас потоп». <Не могла просочиться> – слишком большая, трудно реконструируемая при обычном чтении лакуна. Это явно оттого, что Мандельштам, вычеркнув «не могла», не вставляет многоточие или тире и не устраняет предыдущую правку. Смысл становится слишком отрывистым, метрика нарушается. Позволим себе, следуя выявившемуся ходу авторской работы над текстом, конъектурно продолжить указанную правку и частично восстановить предыдущий вариант: «Чтоб ни капли словно сейчас потоп...» Полагаем, это соответствует авторскому намерению, во всяком случае в метрическом плане.

<8> *И [некому было] глаз не нашлось, чтоб [увидеть]
 ☞ [глядеть] взглянуть на ☞ нас*

«Нас» – показывает, что повествователь, Жюль Ромен, как и положено коллективистам-унанимистам, отождествляет себя с частицами «потопа», воинами армии, входящей в город. В феодосийских главках «Шума времени» Мандельштам в нескольких словах отразит свои наблюдения периода Гражданской войны: «По льду замерзшего Перекопа возили тяжелую артиллерию. <Возможно, это – одна из тех фраз, которые довели постепенно Василия Аксенова до географической части замысла повести «Остров Крым».> ... Теплый и кроткий овечий город превратился в ад. ... В прекрасное тело его впились клещи тюрьмы и казармы, по улицам ходили циклопы в черных бурках, сотники, пахнущие собакой и волком... На иных людей возможность безнаказанного убийства действует, как свежая нарзанная ванна, и Крым для этой породы людей, с детски наглыми и опасно пустыми карими глазами, был лишь курортом, где они проходили курс лечения, соблюдая бодрящий, благотворный их природе режим». Осипу Эмильевичу не раз довелось видеть «армию в городе», наблюдать, как в город входили ди-

визии, полки, отряды, банды, со своими расстрельщиками из ЧеКа, ОСВАГа и просто по призванию. Он чуть однажды не стал их жертвой. Закаленный крымский постоялец Волошин насмешливо удивлялся, что Мандельштам никак не привыкнет – предлагает какому-то пьяному есаулу «с пустыми глазами» арестовать не его, еврея Мандельштама, а вот этого, освоившегося с огнями и медными трубами благородного русского поэта, крымского старожила Волошина. Как-то не по-петербургски. Только вот Петербурга давно уже не было. Надежда Яковлевна так никогда и не простила Волошину этого удивления. Сам Осип Эмильевич, конечно, простил, если судить по эпитафии Волошину в черновиках «Разговора о Данте», – но ведь у поэтов всё по-другому.

«Армия в городе», возможно, отнюдь не самое удачное произведение Жюль Ромена, на какой-то миг привлекла поэта возможностью единственный раз взглянуть на город, его законопаченные дома, его дрожащих обитателей с противоположной стороны, со стороны неудержимо вторгающихся завоевателей, с веселым и презрительным ликованием рассчитывающих на «благовторный их природе режим». В оправдание Мандельштама-переводчика отметим, что в строках «Армия в город врзалась как нож – / И нам сладок был вспоротой жертвы хрип!» – все-таки речь идет не столько о человеке, в которого вонзают нож (ведь раньше сказано, что все люди попрятались в домах!), сколько о метафорическом (или метонимическом?) «убийстве» захватываемого города.

От варианта: «И некому было» Мандельштам, не закончив строки, переходит к более редкому, метонимическому (глаза, а с ними и зрение, приписываются домам), а следовательно, видимо, и более сложному: «И глаз не нашлось чтоб увидеть нас». Законопаченные дома и люди в них лишаются зрения. Вычеркивает «увидеть» и вставляет сверху (возможно, по фонетическим соображениям) «глядеть на»: «И глаз не нашлось чтоб глядеть на нас», а затем меняет длительное «глядеть» на фонетически еще более близкое «глазам», краткое или даже однократное, испуганное «взглянуть».

<9> [Там внутри:] <ℒ> А <⌋> в квартирах <ℒ> людская
<⌋> угадывалась дрожь

Следующая строка – снова про этих зажмурившихся от страха обывателей, укрытых в лишившихся зрения домах: «Там внутри: в квартирах угадывалась дрожь». Но переводчик предпочитает более внешнюю позицию. «Там внутри:» вычеркивается, сверху вписываются «А» и «людская». Синтаксическая конструкция облегчается: «А в квартирах людская угадывалась дрожь». Атакуемые слепы, в то время как зоркость атакующих позволяет им видеть, что делается внутри закрытых домов. Союзам «и» в предыдущей строке и «а» в этой Мандельштам, возможно, стремился увеличить связность повествования, словно компенсируя отрывочную фразу 7-й строки перевода.

Следующие две строки правятся сильнее всего:

<10> [[Я [думал] думал: [что над домами-то] <ℒ>
приподыми <⌋> колпак

«Я думал» – «думал» вычеркивается и пишется снова (с важным для поэта двоеточием): «Я думал: что над домами-то колпак». Возможно, он собирался продолжить: «над домами-то колпак <приподними>», т. е. «колпак», традиционный старинный ночной головной убор простого обывателя, становится метонимическим олицетворением крыши дома. Но, видимо, еще раньше Мандельштам вернулся к двоеточию (которое по правилам совсем не нужно перед «что»), вычеркнул «что над домами-то» (устранив тем самым разговорное «-то») и наверху вписал «приподыми», именно в его разговорной форме: «Я думал: приподыми колпак».

<11> [А под ним д] В каждом доме слизняков найдешь]]

Не будем забывать, что 11-я строка продолжает фразу, начатую в 10-й: «над домами-то колпак приподыми / А под ними д» – возможно, «д<рожащих?>» – например,

«д<рожащих тварей?>» – вспомним Достоевского... Но «а под ними д» вычеркивается, и на этой строке появляется совсем другая фраза: «В каждом доме слизняков найдешь». «Слизняки» – вот метафорическая конкретизация предположенных нами «д<рожащих тварей?>». Фраза на строчках 10-й и 11-й приобретает вид:

Я думал: приподыми колпак
В каждом доме слизняков найдешь.

«Найдешь» из этого промежуточного варианта еще прозвучит в стихах того времени – периода «Тристий» и следующего за ними – в первом стихотворении о Тифлисе, «Мне Тифлис горбатый снится...», 1920 г. («Ты обманщика найдешь»), в похищении Европы, «С розовой пеной усталости у мягких губ...», 1922 г. («Где ты для выи желанней ярмо найдешь?») и в «1 января 1924» («И щучью косточку найдешь»).

Но в варианте «Я думал: приподыми колпак» становится совсем неясно, что такое «колпак». Мандельштам зачеркивает обе строки и переписывает их наново, как при правке 5-й строки, как вообще нередко поступает при работе над стихотворным текстом (двоеточие сохраняется):

<10> Я думал: любой дом приподыми
<11> Людъми <Л> – <Л> > [и] слизняками полны дома

Уподобление обывателей «слизнякам» делает ненужным соединительное «и» («Людъми и слизняками полны дома»). Оно вычеркивается, сверху прописывается отождествляющий дефис: «Людъми-слизняками полны дома». Нельзя сказать, что в результате фраза усложняется в семантическом отношении. Скорее, смысл ее разъясняется, упрощается: неясное эллиптическое уподобление крыши дома «колпаку» устраняется, становится понятно, что такое «слизняки».

Правка проводится неравномерно. В первом семи-строчном отрезке (строки 1–7) правятся три строки (на-

ново при этом переписывается одна), во втором четырехстрочном (строки 8–11) правятся все четыре и две из них переписываются наново – интенсивность правки нарастает, в третьем десятистрочном отрезке (строки 12–21) правку находим только в трех строках (13-й, 18-й и 19-й), т. е. перевод идет с минимальной правкой, а в заключительном для данного фрагмента шестистрочном отрезке (строки 22–27) правятся пять последних строк, т. е. густота правки снова возрастает.

Вот три строки с правкой из третьего отрезка:

<13> *Словно упругий, [у<пругий?> шар <?>[упор<?>
<ный>] упрямый матерьял*

13-я строка уточняет, как звенела радость («И с каждым шагом радость звенела сильнее»): «Словно упругий» – поэт ищет слово и вписывает его бегло, неразборчиво, вслед за первой буквой повторяемого эпитета «у<пругий?>» – это остается неясным, «шар <?>» – тоже неразборчиво. Позже, в «Нашедшем подкову», мы встретим звенящий шар – «Эра звенела, как шар золотой». В конкордансе Кубурлиса указан еще один звучащий шар в стихах того же периода «Вокзала шар стеклянный» («Концерт на вокзале»). Есть три примера из стихов 30-х годов, ну и, конечно, детские «Шары». Как бы то ни было, этот вариант вычеркивается, строка приобретает вид: «Словно упругий, упрямый матерьял», с первой запятой, проставленной Мандельштамом в этом тексте.

<18> *Любо вспомнить, как щелкал[u] каблук[u]ами бата-
льон*

Здесь вторая запятая. Поэт правит быстро и переходит от варианта «щелкали каблуки» к варианту «щелкал каблуками», еще не дописав последнего слова строки – «батальон».

<19> [Гремел] ℒ А за ним ≡ артиллерии железный скарб

Здесь иначе. Сначала пишется: «Гремел артиллерии железный скарб». Затем Мандельштам возвращается к началу строки, вычеркивает «гремел» и вставляет вместо него: «А за ним», указывая порядок движения колонны – пехота, а за ней пушки. Возможно, это связано с некоторым усилением мотива упорядоченности, естественного после целканья каблуков, хотя, конечно, сниженное, нищенское слово «скарб» нарушает парадность. В конкордансе Кубурлиса оно отсутствует.

<23> Старший, горнист, [перед нами] <ℒ> впереди <≡> шагавший

<24> [Вскинув голову] <ℒ> Над голово[ю]й <≡> [вот так] [под<нял>] [запрокинул] ℒ выпростал≡ рожок

<25> [Другие вслед за ним пригуб<или>]

<25> Вот так – и все пригубили фанфары

<26> [И] по знаку упавшей руки начальника – вдруг –

<27> <[>Сто глоток<]> – Вся [С] сотня [до] взорвал[и]ась серебряной карточью

Итоговый текст:

<1> И дерзкий пробежал по рядам восторг

<2> Гусиная кожа ... озноб ... холодок

<3> Они закрылись наглухо ... лавки ... жалюзи

<4> Решотки ... ставни ... щекóлды ... замки

<5> Запечатали дратвой зашили дома

<6> Законопатили каждую щель

<7> Чтоб <ни> капл<и> словно сейчас потоп...

<8> И глаз не нашлось, чтоб взглянуть на нас

<9> А в квартирах людская угадывалась дрожь

<10> Я думал: любой дом приподыми

<11> Людьюми-слизняками полны дома

<12> И с каждым шагом радость звенела сильней

<13> Словно упругий, упрямый матерьял

<14> Топтали наши ноги, рассекала грудь

<15> Нас наступало <?> тридцать полков

<16> Армия в город врезалась как нож –

<17> И нам был сладок испортой жертвы хрип!

<18> Любо вспомнить, как щелкал каблуками батальон

<19> А за ним артиллерии железный скарб

<20> Грохот зарядных ящичков эхом в стены был

<21> И ставни дрожали от града копыт.

<22> Тогда наступал самый грозный миг –

<23> Старший, горнист, впереди шагавший

<24> Над головой выпростал рожок

<25> Вот так – и все пригубили фанфары

<26> И по знаку упавшей руки начальника – вдруг –

<27> Вся сотня взорвалась серебряной картечью

Фрагмент закончен. Его перебеленный вариант нам не известен. В равной мере неясно, переводил ли О.Э. Мандельштам этот текст по собственной инициативе, вырвав из пьесы, или всё же это была проба (заказанного? – кем?) перевода. Может быть, он попробовал и решил, что работа идет с большой правкой и получается несоразмерно кропотливой или что пьеса недостаточно удачна (вспомним критическую реплику Жислен Барде) – и отказался от этого замысла... Снова, как и во всей, бегло обрисованной в начале нашей заметки истории мандельштамовских переводов, вопросов и предположений гораздо больше, чем четких ответов. Возможно, со временем появятся новые, дополнительные материалы.

В дальнейшем О. Мандельштам переводил другие произведения Жюль Ромена, издавал эти переводы, писал о них и называл «Армию в городе» высокой эсхилловской трагедией.

Как бы там ни было, скорее всего, данный черновик так и остался неперебеленным. А согласно библиографическому указателю Библиотеки иностранной литературы «Армия в городе» и в последующие десятилетия так и не была переведена на русский язык.

ИНСКРИПТЫ И МАРГИНАЛИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

В публикации приводятся все выявленные к настоящему времени инскрипты и маргиналии О.Э. Мандельштама, а также надписи на книгах, подаренных ему. В специальный раздел вынесены сведения о книгах с инскриптами поэта, разыскать которые не удалось.

Приносим искреннюю благодарность Р.Д. Тименчику за помощь в подготовке публикации.

1. ДАРИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА НА АВТОРСКИХ КНИГАХ

Камень
(СПб.: Акмэ, 1913)

Н.И. Альтману

Дорогому Натану Исаевичу с глубоким уважением.
Автор. 27 июня 1915. Петербург

Собрание А.М. Луценко, Санкт-Петербург.

Ласунский, 1990. С. 402.

А.А. Ахматовой

Анне Ахматовой – вспышки сознания / в беспамятстве дней, почтительно, / Автор. / 12 Апр. 1913.

РГАЛИ, Ф. 13 (Ахматова А.А.). Оп. 4. Д. 39. Л. 2.

Ахматова А. Листки из дневника // Воздушные пути. Нью-Йорк, 1965. Альм. 4. С. 24 (без даты). Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем в трех томах. Т. 3. М., 2011. Вклейка 1 между с. 768–769 (факсимиле).

З.А. Венгеровой

Зинаиде Афанасьевне Венгеровой / в знак глубокого уважения / Автор / 22 мая 1913

Книжные фонды ГЛМ. Инв. № 17624.

Мец, 1990. С. 279.

В.В. Гишпиусу

Дорогому Владимиру Васильевичу, на память / о прошедшем и в залог будущего / Автор. / 12 Апр. 1913.

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.

Сведения о книге приводятся в каталоге: Late Dick Books. The Russian Catalogue. Каталог русских книг. Boston. Fall 2001. P. 82–83. Публикуется впервые по ксерокопии.

С.М. Городецкому

С.М. Городецкому, с любовью и / уважением. Автор. / 3 апр. 1913.

Собрание И.Ю. Охлопкова, Москва. Ранее: семейный архив С.М. Городецкого, затем собрания Ф.Н. Медведева, Москва, Л.А. Мнухина, Москва, А. Савина, Москва.

Ласунский, 1990. С. 402; Охлопков И.Ю. Книги и рукописи в собраниях И.Ю. Охлопкова. М., 2009. С. 83 (факсимиле).

А.Л. Грипичу

Алексею Львовичу Грипичу с добрым чувством.
Автор. 20 ноября 1913

Собрание Л.М. Турчинского, Москва.

Парнис, 1991. С. 201 (с неточным указанием, что книга с инскриптом хранится в ЦГАЛИ).

В.И. Иванову

Вячеславу Иванову с радостным восхищением /
Автор / 13 мая 1913.

Эстонский семиотический фонд (Estonian Semiotics Repository Foundation), Таллинн. Ранее: собрание З.Г. Минц, Тарту.

Морозов, 1973. С. 261.

В.И. Иванову

Вячеславу Ивановичу Иванову / с глубокой признательностью / и настоящей любовью / Автор / 2 октября 1913 / Петербург

Частное собрание. Ранее: собрание А. Ивича (И.И. Бернштейна), Москва; собрание Л.М. Турчинского, Москва.

Морозов, 1973. С. 261.

С.П. Каблукову

Дорогому С.П. Каблукову – / суровому ценителю стихов / Автор / 3 апр. 1913

Собрание Е.С. Шальмана, Москва. По сообщению А. Парниса, предыдущий владелец книги, возможно, О. Роговский, Киев.

Морозов, 1979. С. 150.

Н.И. Кульбину

Н.И. Кульбину, визионеру и другу поэтов – Автор. 6 окт. 1913. Петербург

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.

Парнис, 1991. С. 184. А. Парнис, со ссылкой на А. Морозова, сообщает, что книга с инскриптом находится в Музее книги Российской государственной библиотеки, однако подтвердить эти сведения не удалось.

М.И. Ливеровской

Многоуважаемой Марии Исидоровне. Автор. 7 апр. 1913

Собрание А.М. Луценко, Санкт-Петербург. Ранее: собрание А.Е. Снопкова, Москва, затем собрание З. Новикова, Москва.

Ласунский, 1990. С. 402.

Мария Исидоровна Семёнова-Ливеровская (урожд. Борейша; 1879–1923) – выпускница Смольного института, в 1907 г. поступила на романо-германское отделение Санкт-Петербургского универ-

ситета, где в 1912 г. защитила диссертацию и стала первой в России женщиной-профессором. Ей принадлежит перевод «Новой жизни» Данте. Мандельштам, возможно, посещал ее журфиксы, которые она устраивала по средам со своим первым мужем (см. о ней ст.: Белодубровский Е. Примавера: Биограф. очерк // Дантовские чтения. 1976. М., 1976. С. 119–131).

М.Л. Лозинскому

Дорогому и внимательному / собеседнику, М.Л. Лозинскому / Автор / 30 марта 1913.

Архив М.Л. Лозинского, Санкт-Петербург.

Мец, 1990. С. 279.

К.В. Мочульскому

К.В. Мочульскому, филологу, чудесно понимающему, что такое стиль. Мандельштам. 3 апреля 1913

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.

Тименчик Р. О.Э. Мандельштам. «Камень» (1913) // Памятные книжные даты. М., 1988. С. 187.

Н.А. Оцупу

Дорогому Николаю Авдеевичу с истинной дружбой. О. Мандельштам. 23 февр. 1921. Петербург

Собрание Я.С. Сидорина, Санкт-Петербург.

Ласунский, 1990. С. 402.

С.Б. Рудакову

Эта книжка доставила большое огорчение моей покойной матери, прочитавшей в «Речи» рецензию Н.О. Лернера. О. М. В<оронеж>. июнь 36

Собрание А.Г. Бызова, Санкт-Петербург.

Герштейн Э. Письма и дарственные надписи Осипа Мандельштама С.Б. Рудакову. Письма Надежды Яковлевны Мандельштам ему же // Russian Literature Triquarterly. 1986. № 19. P. 400.

В.Г. Шершеневичу

Вадиму Шершеневичу от ценителя / его поэзии – автора / 10 окт. 1913

Библиотека Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва. Сигнатура: 8940 Кам 1913.

Нерлер П. Мандельштам и Шершеневич // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тез. и материалы конференции. 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 30; Дроздков В. Зарождение русского имажинизма в творчестве Шершеневича (хронология событий, 1911–1916 годы) // Русский имажинизм: история, теория, практика. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 40 (факсимиле).

Неустановленному лицу

<Текст надписи неизвестен> Автор. 30 марта 1913

Книжные фонды ГЛМ. Инв. № 108841.

Материалы О.Э. Мандельштама. С. 298.

Камень
(Пг.: Гиперборей, 1916)

Г.В. Адамовичу

Дорогому Георгию Викторовичу – / с любовью, приветствуя его стихи – / Осип Мандельштам / 6 янв. 1916.

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно. Ранее: собрание М.И. Будыко, Санкт-Петербург.

Мец, 1990. С. 280.

Г.В. Иванову

«Издревле сладостный союз / Поэтов меж собой связует...» / Георгию Иванову – / в обмен на «Вереск» – / Осип Мандельштам. / 6 янв. 1916 г.

Собрание Н.А. Еськовой, Москва.

Ласунский, 1990. С. 402.

«Вереск» – сборник стихов Г.В. Иванова (СПб.: Альциона, 1916).

Рюрику Ивневу

Рюрику Ивневу / с нежным увещанием – / быть поэтом – / Осип Мандельштам / Москва / 25 янв. 1916.

Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург. Ранее: собрание М.С. Лесмана, Санкт-Петербург.

Лесман, 1989. С. 146 (на с. 145 – факсимиле).

С.П. Каблукову

Сергею Платоновичу Каблукову / с любовью / Осип Мандельштам / 21 дек. 1915 г.

Архив О.Э. Мандельштама. Отдел рукописей Файерстоунской библиотеки Принстонского университета. Короб 1. Папка 2.

Морозов, 1979. С. 150 (в примечаниях).

В.Г. Лидину

Дорогому Владимиру Германовичу / Лидину – / книгу которой у меня нет / дружески / О. Мандельштам. 25/IV/22 / Москва

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.

Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю.Г. Оксмана к Л.Л. Догмеру / Публ. А. Устинова // Themes and Variations: In Honor of L. Fleishman. Темы и вариации: Сб. ст. и материалов к 50-летию Л. Флейшмана. Stanford, 1994. P. 538 (со ссылкой на следующее описание, сделанное Ю.Г. Оксманом и предположительно приложенное к письму Г.П. Струве от 2 июня 1961 года: «В собрании писателя В.Г. Лидина (Москва) хранится “Камень” в изд. 1916 г., со след. надписью О.Э. Мандельштама, сделанной 25 апреля 1922 г. <...>»).

М.Л. Лозинскому

Дорогому Михаилу Леонидовичу – / сей временный «Камень» – в вечное обладание / Осип Мандельштам / 31 дек. 1915.

Архив Е.Г. Эткинда, Франция.

Публикуется впервые.

В.А. Пясту

В. Пясту / с любовью / Осип Мандельштам / 21 дек.
1915

*ИРЛИ. Ф. 754. Коллекция. Альбом X. № 25ж (верхняя часть
титального листа).*

*Осип Мандельштам в дневниковых записях и материалах
архива П.Н. Лукницкого / Публ. В. Лукницкой, коммент. А. Меца //
Звезда. 1991. № 2. С. 121.*

С.Э. Радлову

Дорогому Сергею Эрнестовичу / дружески / Осип
Мандельштам / 28 дек. 1915 г.

ОР РНБ. Шифр 37.59.7.337а.

Мец, 1990. С. 280.

В.А. Рождественскому

С дружеским приветом Всеволоду Рождественскому /
О. Мандельштам / Петербург, 5 ноября 1920

Семейный архив В.А. Рождественского.

Публикуется впервые.

М.И. Цветаевой

Марине Цветаевой – / камень-памятка / Осип Ман-
дельштам / Петербург 10 янв. 1916.

РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 2. Д. 216. Л. 1 (шмуцтитул книги).

*Саакянц А. Из книг Марины Цветаевой // Альманах библио-
фила. 1982. Вып. 13. С. 105.*

Неустановленному лицу

Любови <дальнейший текст обрзан при переплетении книги>.

На обороте с. 91 имеется следующая запись рукой Мандельштама:

Запечатлейте на жизни волю / Вашу тверже камня, благороднее / камня. / Пусть каждый камешек в руке Вашей загорится стоцветными / огнями. / Камень в Вашей руке – / драгоценность. / 30.1.1916

Частное собрание, Москва. Ранее: собрание Я.И. Бердичевского, Киев.

Ласунский, 1990. С. 403.

Tristia

(Пб.; Берлин, 1922)

Г.А. Шенгели

Дорогому Георгию Аркадьевичу / с дружеским чувством / О. Мандельштам / Москва 30/XI/22.

Собрание Т. Птушкиной.

Публикуется впервые.

Авторский(?) экземпляр

Книжка составлена без меня против моей воли безграмотными людьми из кучи понадерганных листков. О. Мандельштам. 5/II/23

Книжные фонды ГЛМ. Инв. № 94722 (характер надписи позволяет считать экземпляр условно принадлежавшим автору).

Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 453 (в примеч. П. Нерлера).

Д.И. Выгодскому

Дорогому Давиду Исааковичу Выгодскому – с просьбой помнить, что эта книга вышла против моей воли и без моего ведома. О. Мандельштам. 10.XI.1922

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.

Осип Мандельштам. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 452–453 (в примеч. П. Нерлера; текст инскрипта сообщен А. Мецем).

Вторая книга
(М.; Пб.: 1923)

Д.К. Богомильскому

Другу книги Давиду Кирилловичу Богомильскому с благодарностью О. Мандельштам 24/V.23

Книжные фонды ГЛМ. Инв. № 53656.

Материалы О.Э. Мандельштама. С. 299.

В.А. Рождественскому

Дорогому Всеволоду Александровичу с любовью / 1/4 1928 / О. Мандельштам

Семейный архив В.А. Рождественского.

Публикуется впервые.

Л.С. Рудаковой

Лине Самойловне Рудаковой – / в хорошее, рабочее и дружное / воронежское время – / с сердечным уважением / О. Мандельштам / 25 сент. 35 г.

РО РНБ. Ф. 1372 (Рудаков С.Б., не обработан). Фотокопия:
ИРЛИ. Ф. 803. Ед. хр. 15.

Герштейн Э. Письма и дарственные надписи Осипа Мандельштама С.Б. Рудакову. Письма Надежды Яковлевны Мандельштам ему же // *Russian Literature Triquarterly*. 1986. № 19. P. 395.

Шум времени
(Л.: Время, 1925)

З.С. Давыдову

Зиновию Самойловичу/Давыдову/дружески/О.Мандельштам / 13/IV/25

Собрание Е.С. Шальмана, Москва.

Публикуется впервые.

И.А. Груздеву

Илье Александровичу Груздеву дружески О. Мандельштам. 13/IV/25

Собрание М.С. Тютторского, Санкт-Петербург.

Ласунский, 1990. С. 403.

М.А. Зенкевичу

Дорогому Михаилу Зенкевичу эту никчемную и ненужную книжку О. Мандельштам 2/5.27 Москва

Книжные фонды ГЛМ. Инв. № 205288.

Материалы О.Э. Мандельштама. С. 299.

Л.М. Клячко

Льву Моисеевичу Клячко с искренним / уважением
О. Мандельштам. 20/V 1925

Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург. Ранее – собрание М.С. Лесмана, Санкт-Петербург.

Лесман, 1989. С. 146.

Н.О. Лернеру

Николаю Осиповичу Лернеру с глубоким уважением
О. Мандельштам 26/IV. 25 г.

Книжные фонды ГЛМ. Инв. № 73656.

Материалы О.Э. Мандельштама. С. 299.

П.Н. Лукницкому

Павлу Николаевичу Лукницкому в знак искреннего
уваженья. Детское Село 5/IV/25 О. Мандельштам

ИРЛИ.

Лукницкий П. Дневник / Публ. В. Лукницкой // Наше наследие. 1989. № 3. С. 73.

К.А. Федину

Константину Александровичу / Федину / дружески /
13/IV/25 / О. Мандельштам

Музей К.А. Федина, Саратов.

Публикуется впервые.

Н.Е. Штемпель

Милой хорошей Наташе / от автора / В<оронеж>. 16/V/37.

РГАЛИ.

Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже // Новый мир. 1987. № 10. С. 223; Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990 (факсимиле на вкладке между с. 64–65).

Египетская марка
(Л.: Прибой, 1928)

В.П. Катаеву

Дорогому Валентину Петровичу Катаеву – / с любовью, любопытством / и ожиданием / О. Мандельштам / 25 окт. 1928

*Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.
Публикуется впервые по машинописной копии.*

Э.Г. Герштейн

Эмме Григорьевне / Герштейн / с сердечным уважением / О. Мандельштам. / 20 нояб. 1928 / Москва

РО РНБ. Ф. 1359 (Герштейн Э.Г.). Ед. хр. 43.

Герштейн Э. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 13 (упоминание).

А.О. Моргулису

Александру Осиповичу / Моргулису – / с любовью – /
О. Мандельштам. / 19 окт. 1928 / Петербург.

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно. Ранее (в 1979 г.): собрание В.В. Рыскова, Ленинград.

Григорьев А., Петрова М. Мандельштам на пороге тридцатых годов // Russian Literature. 1977. Vol. V. № 2. P. 187.

С.Б. Рудакову

3 апреля 1936 / О. Мандельштам. / Поживем – поглядим, / С. Б. / М.

РО РНБ.

Герштейн Э. Письма и дарственные надписи Осипа Мандельштама С.Б. Рудакову. Письма Надежды Яковлевны Мандельштам ему же // Russian Literature Triquarterly. 1986. № 19. P. 400.

Стихотворения

(М.; Л.: Государственное изд-во, 1928)

В.Б. Бронштейну

Вениамину Борисовичу Бронштейну – / в ожидании от него литературных действий / с дружеским приветом /
О. Мандельштам / 26/IX/33

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно. Ранее (в 1982 г.) собрание И. Жванецкого.

Публикуется впервые по фотокопии.

В.А. Луговскому

Владимиру Александровичу / Луговскому – / с воинским салютом, / ибо поэзия – военное / дело – / О. Мандельштам. / Москва 12 мая 1929.

Собрание Т. Могилевской, Квебек (Канада).

Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М., 1994. С. 682 (факсимиле).

Б.Л. Пастернаку

Дорогому Борису Леонидовичу / – с крепкой дружбой, удивленьем / и гордостью за него – / О. Мандельштам. / 25 окт. 1928.

Семейный архив Б.Л. Пастернака, Москва.

Память: исторический сборник. Париж, 1981. Вып. 4. С. 306. Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993. С. 196 (факсимиле).

Н.Е. Штемпель

Милой Наташе, – не знаю / что и надписать: так мне / приятно, что нашлась книжка – / подарить, хоть и плохая. / Обещаю никогда больше / таких книг не писать и во всем слушаться, – / при условии, что и меня / будут слушаться. / О.М. / В<оронеж>. 1/III/37.

Архив О.Э. Мандельштама. Отдел рукописей Файерстоунской библиотеки Принстонского университета. Короб 1. Папка 1. Д. 1.

Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже // Новый мир. 1987. № 10. С. 222–223; Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990 (факсимиле на вкладке между с. 64–65).

О поэзии
(Л.: Academia, 1928)

П.Н. Лукницкому

Дорогому Павлу Николаевичу – / перед его отплытием – / О. Мандельштам. / Ялта, 28 авг. 1928.

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.

Lame Duck Books. The Russian Catalogue: Каталог русских книг. Boston. Fall 2001. P. 86 (в переводе на английский язык; факсимиле).

**2. ИНСКРИПТЫ И МАРГИНАЛИИ
О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА НА СБОРНИКАХ,
ЖУРНАЛАХ, ПЕРЕВОДНЫХ КНИГАХ
И КНИГАХ ДРУГИХ АВТОРОВ**

Гиперборей
(1912. № 2 (ноябрь))

Н.А. Чернявскому

Иосиф Мандельштам / Чернявскому

Собрание А.В. Наумова, Москва.

Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 322 (факсимиле). В левом верхнем углу авантюла с автографом рукой Н.А. Чернявского написано: «Io, io, Rap», а в правом углу владельческая подпись: Николай Чернявский /12 г

Ковалевский П. Стихи и воспоминания
(СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912)

Неустановленному лицу

Милому другу Мане на / память о детстве от / Оси /
1912 г.

Собрание Т.В. Мандельштам, Санкт-Петербург.

Публикуется впервые.

Ковчег
(Феодосия, 1920)

Э.Л. Миндлину

Что я скажу? / О. Мандельштам

Библиотека РГАЛИ. Шифр 81719/11879а.

*Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М., 1994.
С. 655 (факсимиле). Автограф среди автографов других участников сборника.*

Дракон
Вып. 1 (Пг., 1921)

Всё было встарь, всё повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг.

О. Мандельштам Пб. Ноябрь 1921

Собрание С.И. Богатыревой.

Ласунский, 1990. С. 403.

Иванов Г.И. Вереск
(М.; Пг., 1916)

Сергею Яковлевичу Эфрон, с самой неподдельной симпатией. Г. И.

«Остерегайтесь подделок!» О. Мандельштам.

Собрание Л.А. Мнухина, Москва.

Ласунский, 1990. С. 403.

Московские поэты
(Великий Устюг, 1924)

Е.А. Глинке

Несколько теплых слов: / Евгении Александровне Глинка / от признательных авторов: И. Аксёнов / Андр. Белый / Ан. Мариенгоф / Вал. Брюсов. / Вад. Шершеневич / С. Есенин. / [Нрзб.] / Р. Ивнев. / Г. Владычина. / Ос. Мандельштам. / Ив. Рукавишников. / Маяковский по прич<ине> неграмотности +. / Серг. Спасский

РГАЛИ. № 6289а (подарено Г. Суперфином в 1962 г.). Дарительная надпись рукой И. Аксёнова.

Публикуется впервые.

**Андерсен-Нексе М. «Революция женщины»
и другие рассказы**
[Пер. О. Мандельштама] (Л.: Прибой, 1926)

М.И. Беккеру

т. Беккеру / 3/IV-26 г.

Собрание Ю.Л. Фрейдина, Москва. Ранее: собрание А. Перлиной, Москва, собрание О.А. Лекманова, Москва.

Новонайденный инскрипт Мандельштама / Публ. О. Лекманова // «Сохрани мою речь...». Вып. 3. Часть 1. М., 2000. С. 22.

Беккер Михаил Иосифович (1900–1943) – советский критик, автор многочисленных работ в основном о пролетарских писателях, автор книги «Поэтессы» (М., 1929). См. о нем кн.: Ленобль Г. Михаил Беккер // Беккер М. О поэтах. М., 1961.

3. ДАРИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Зенкевич М. Дикая порфира
(СПб.: Цех поэтов, 1912)

Осипу Эмильевичу Мандельштаму Мих. Зенкевич.
3.IV.1912. СПб.

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.

Публикуется впервые по машинописной копии.

Городецкий С. Ива
(СПб., 1913 [1912])

<Текст надписи неизвестен>. 1913 8 мая

Собрание М.А. Луценко, Санкт-Петербург.

Публикуется впервые.

Эрберг К. Цель творчества:
Опыты по теории творчества и эстетике
(М.: Русская мысль, 1913)

Осипу Эмильевичу Мандельштаму. Автор. Дек. 1913.

Собрание В.А. Петрицкого, Санкт-Петербург. Потерек листа – владельческая надпись: «Марк Вулих. Петербург. 1918».

Марк Вулих (сценический псевдоним Марк Галл) – актер, режиссер, в 20-е годы играл в театре «Гениоль» на Невском проспекте, затем работал на Ленфильме.

Ласунский, 1990. С. 404.

Гнедов Василиск. Гостинец сентиментам
(СПб.: Петербургский глашатай, 1913)

Отчехвощенному Сологубом Мандельштаму автор – 1913. 23-1.

Собрание А.М. Луценко, Санкт-Петербург.

Ласунский, 1990. С. 404. Поводом для столь курьезного инскрипта мог послужить отказ Ф. Сологуба принять О. Мандельштама и выслушать его стихи.

Шкловский Виктор. Воскрешение слова
(СПб., 1914)

Осипу Эмильевичу от автора (подробности почтой).
Виктор Шкловский.

РГАЛИ. Ранее: библиотека О.Э. Мандельштама (собрание Ю.Л. Фрейдина, Москва).

Фрейдин, 1991. С. 235.

**Вийон Ф. Отрывки из «Большого заветания»,
баллады и разные стихотворения**
(М.: Зерна, 1916)

Поэту Мандельштаму И. Эренбург. 1916.

Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург. Ранее: собрание М.С. Лесмана, Санкт-Петербург.

Лесман, 1989. С. 236.

Шершеневич В. Зеленая улица
(М.: Плеяды, 1916)

Многоуважаемому Осипу Эмильевичу / Мандельштаму / в знак уважения / Вад. Шершеневич

Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург.

Публикуется впервые.

Гришашвили И. Стихотворения
([Тифлис: Государственное изд-во, 1922])

Поэту О. Мандельштаму. Автор – Гришашвили. 1933 г. Тифлис. 3/Х

Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург. Ранее: собрание М.С. Лесмана, Санкт-Петербург.

Лесман, 1989. С. 81.

Гумилёв Н. Костер
(СПб.: Гиперборей, 1918)

Дорогому Осипу Эмильевичу / от / Н. Гумилёва. / 14 июля 1918

РГАЛИ. № 18246.

Публикуется впервые.

Ивнев Рюрик. Солнце во гробе
([М.]: Имажинисты, 1921)

Дорогому Осипу Эмильевичу в память украинской эпопеи с братской любовью. Рюрик Ивнев. 24/II-21 М<осква>.

Собрание Н.В. Соколовой, Москва.

Соколова Н. Кое-что вокруг Мандельштама. Разрозненные странички // Сохрани мою речь. Вып. 3. Часть 2. М., 2000. С. 83.

Лозинский М. Горный ключ
(Пг.: Мысль, 1922)

Иосифу Эмильевичу Мандельштаму после долгой разлуки.

М. Лозинский. СПб. 4/IV. 1924.

Собрание Л.М. Турчинского, Москва.

Публикуется впервые.

Тихонов Н. Поиски героя
(Л.: Прибой, 1927)

Осипу Эмильевичу Мандельштаму – с любовью.
Н. Тихонов. 1928.

РГАЛИ. Ранее: библиотека О.Э. Мандельштама (собрание Ю.Л. Фрейдина, Москва).

Фрейдин, 1991. С. 235.

Пяст В. Встречи
(М.: Федерация, 1929)

Соавтору Осипу Мандельштаму, от любящего автора.
В. Пяст. 25/IX. 1929.

РГАЛИ. Ранее: библиотека О.Э. Мандельштама (собрание Ю.Л. Фрейдина, Москва).

Фрейдин, 1991. С. 236.

Вагинов К. Опыты соединения слов посредством ритма
(Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931)

Осипу Эмильевичу Мандельштаму / от очень любящего его / стихи автора / 11/II 31 г.

Частное собрание, Москва.

Тименчик Р.Д. Что вдруг. Иерусалим-Москва, [2008]. С. 593 (факсимиле). Полностью публикуется впервые.

Груздев И. Горький
(Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933)

Осипу Эмильевичу Мандельштаму, первому поэту, автору прекраснейшего эпоса – на отповедь, а может быть, и на сочувствие от Ильи Груздева. 5/IV. 33 г.

РГАЛИ. Ранее: библиотека О.Э. Мандельштама (собрание Ю.Л. Фрейдина, Москва).

Фрейдин, 1991. С. 236.

Приложение

*Сведения об инскриптах
на неразысканных изданиях*

Камень
(СПб.: Акмэ, 1913)

Николаю(?) Давидовичу Бурлюку

Текст инскрипта неизвестен.

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно. В 1960-е годы сборник находился в собрании А.Г. Островского, Ленинград (Мец, 1990. С. 279).

Камень
(Пг.: Гиперборей, 1916)

Е.О. Кириенко-Волошиной

Текст инскрипта неизвестен.

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно. О ее существовании сообщают Т. Никольская и Г. Левинтон (Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 711); упоминание о ней содержится в письме М.А. Волошина А.А. Новинскому (Купченко В.П. Ссора поэтов (к истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Волошина) // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991. С. 179); см. также статью: Купченко В. Библиотека Максимилиана Волошина: Доклад, прочит. 26 декабря 2001 года // Деизидераты библиотеки М.А. Волошина в Коктебеле. СПб.: Всерос. музей А.С. Пушкина. Клуб библиофилов «Бироновы конюшни», 2002. С. 39.

Tristia
(Пб.; Берлин, 1922)

Я.Э. Голосовкеру

Собрание С.О. Шмидта (сообщено владельцем).

Стихотворения
(М.; Л.: Государственное изд-во, 1928)

Н.И. Бухарину

В этой книге каждая строчка говорит против того, что вы собираетесь сделать...

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.

Мандельштам Н.Я. Воспоминания. Вашингтон: Изд-во имени Чехова, 1970. С. 120. В передаче, по памяти, Н.Я. Мандельштам.

Э.Г. Герштейн

...Спасибо за Пруста.

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.

Герштейн Э. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 13.

О поэзии (Л.: Academia, 1928)

Б.В. Якубскому

Текст инскрипта неизвестен.

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.

Борис Владимирович Якубский (ок. 1880–1945) – киевский литературный и художественный критик, профессор Киевского университета, поэт, примыкавший к неоклассикам. По свидетельству Н.И. Терещенко, Якубский имел обыкновение демонстрировать книги с дарственными надписями на своих лекциях. После его смерти книга с инскриптом в числе других его книг была приобретена киевским букинистическим магазином Окровоенторга (директор – Яков Рафаилович Радзиховский). В 1948 г. ее, в свою очередь, приобрел директор Литфонда и коллекционер Дмитрий Григорьевич Гринько (Киев). В 1960-х годах, после его смерти, библиотека его была распродана (сообщено С.А. Захаркиным, Киев, и Я.И. Бердичевским, Киев–Берлин).

Неустановленное издание

И.Г. Эренбургу

Текст инскрипта неизвестен.

Местонахождение книги с инскриптом неизвестно. Упоминается в кн.: Гендлин Л. Человек, не ставший пророком // Перебирая старые блокноты... Амстердам, 1986. С. 128.

Условные сокращения

- ГЛМ* – Государственный литературный музей, Москва.
- ИРЛИ* – Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург.
- Ласунский, 1990* – Ласунский О.Г. Мандельштам и книга // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 393–405.
- Лесман, 1989* – Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана: Аннот. каталог. Публикации / Сост. М. Лесман, Н. Князева, Н. Захаренко и др. М.: Книга, 1989.
- Материалы О.Э. Мандельштама* – Материалы О.Э. Мандельштама из коллекции Государственного литературного музея / Подг. текста и публ. Л. Алексеевой, А. Бобосова, Е. Варенцовой, М. Соколовой при участии Л. Брусиловской, И. Делекторской, П. Нерлера // О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Записки Мандельштамовского общества. Вып. 11: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М.: РГГУ, 2007. С. 292–301.
- Мец, 1990* – Мандельштам О. Камень / Вступ. ст. Л. Гинзбург, подгот. текста и коммент. А. Меца, С. Василенко, Ю. Фрейдина. Л.: Наука, 1990.
- Морозов, 1973* – Письма О.Э. Мандельштама к В.И. Иванову / Публ., вступ. ст. и примеч. А. Морозова // Записки Отдела рукописей / Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. 1973. Вып. 34. С. 258–274.
- Морозов, 1979* – Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова / Публ. и примеч. А. Морозова // Вестник русского христианского движения. 1979. № 129. С. 135–155.
- ОР РНБ* – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург.
- Парнис, 1991* – Парнис А. Штрихи к футуристическому портрету О.Э. Мандельштама // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М.: Наука, 1991. С. 183–204.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

Фрейдин, 1991 – Фрейдин Ю. «Остаток книг»: библиотека О.Э. Мандельштама // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991. С. 231–239.

Публикация С. Василенко и П. Нерлера

Ирина Кабанова

АВТОГРАФ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА
В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
К.А. ФЕДИНА

В фондах Государственного музея К.А. Федина хранятся бесценные документы, свидетельства эпохи. Музей был организован в 1979 г. в Саратове, на родине писателя, а открыт в 1981 г. Основу богатейшей фондовой коллекции (более 70 000 ед. хранения) составляет архив К.А. Федина, который чудом выжил в труднейшие годы репрессий и Отечественной войны, значительные потери понеся лишь во время пожара на даче писателя в Переделкине в июле 1947 г. Нина Константиновна Федина, дочь писателя, передавала материалы в дар музею на протяжении всех лет его существования. Сегодня рукописный фонд музея составляет 42 000 ед. хранения, из которых большая часть – эпистолярный; значителен также фонд книг с дарственными надписями авторов К. Федину.

Федин вошел в большую литературу в Петрограде в 1921 г.; 1920-е годы стали началом его отношений с признанными и начинающими писателями, со многими из них они переросли в многолетнюю дружбу. Тогда же началась его переписка и со многими российскими и зарубежными деятелями культуры.

Круг корреспондентов писателя весьма широк: почти все члены содружества «Серрапионовы братья» – Л.Н. Лунц, М.М. Зощенко, Н.С. Тихонов, В.В. Иванов, М.Л. Слоним-

ский, И.А. Груздев, Н.Н. Никитин, Е.Г. Полонская, В.А. Каверин; старшие современники, оказавшие неоспоримое влияние на Федина, – А.М. Горький, А.М. Ремизов, Ф.К. Сологуб, и ставшие ближайшими друзьями – Е.И. Замятин, А.Н. Толстой, В.Я. Шишков.

С разной степенью интенсивности и откровенности Федин переписывался с И.С. Соколовым-Микитовым, К.И. Чуковским, Б.Л. Пастернаком, И.Г. Эренбургом, Р.Б. Гулем, Б.А. Пильняком, А.К. Воронским, В.П. Полонским, С.М. Алянским, О.Д. Форш, Б.А. Лавреневым, М.М. Пришвиным, Л.М. Леоновым, И.Л. Андрониковым, К.Г. Паустовским и многими другими. Среди уникальных материалов – две записки А.А. Ахматовой К.А. Федину середины 1920-х годов. Кроме писателей, среди корреспондентов Федина были и выдающиеся деятели театра: В.Э. Мейерхольд, З.Н. Рейх, А.Я. Таиров и художники: Н.В. Кузьмин, Т.А. Маврина, В.А. Милашевский и другие.

Особый интерес представляют материалы об истории издательства «Круг», «Издательства писателей в Ленинграде», о создании и деятельности Союза советских писателей, который на протяжении 18 лет возглавлял К.А. Федин, об издании произведений М.А. Булгакова (письма Е.С. Булгаковой), о судьбе журнала «Новый мир» (письма А.Т. Твардовского и К.М. Симонова)...

В музее также хранятся письма С. Цвейга, Р. Роллана и его жены М. Кудашевой, Ж. Веркора, Б. Брехта, М. Андерсена-Нексе, А. Зегерс, К. Манн (вдовы Томаса Манна), а также материалы, связанные с проведением международных писательских встреч.

В фондах музея находится большой блок писем самого Федина (около 3 тыс.), из них незначительная часть была опубликована в посмертном собрании сочинений писателя 1986 г.¹, но цензурные выемки в значительной мере исказили отношение Федина как к отдельным писателям, фактам литературной жизни, так и в целом к литературному процессу, общественной и политической жизни страны.

Сегодня не приходится говорить о полноте издания эпистолярного наследия как самого Федина, так и его кор-

респондентов, которое публиковалось разрозненно и нерегулярно².

Эпистолярные материалы бесценны для тех, кто будет писать объективную историю русской литературы XX в., которая сегодня вновь переосмысливается. Невозможно говорить о написанной и изученной истории сообщества «Серрапионовы братья» до тех пор, пока не опубликованы письма К.А. Фебина, М.Л. Слонимского, В.В. Иванова, Л.Б. Харитон, В.Б. Шкловского и М.М. Шкапской, не прослежены поздние отношения между «братьями» после того, как группа фактически прекратила существование.

Среди корреспондентов Фебина мы не встречаем О.Э. Мандельштама, но музей обладает раритетом, свидетельствующим об одном из пересечений путей великого поэта и начинающего прозаика.

Трудно судить по имеющимся в нашем распоряжении документам о влиянии личности или творчества Мандельштама на судьбу Фебина; отсутствуют свидетельства о серьезном внимании поэта к творчеству Фебина, которого он, однако, заметил в самом начале его литературного пути. Знакомство их предположительно могло состояться в конце 1920 – начале 1921 г., в Доме искусств, куда ходил Фебин на литературные вечера и где стал регулярно бывать на заседаниях группы «Серрапионовы братья» с весны 1921 г., когда согласно записи в дневнике от 24 апреля 1921 г. его «приняли в лоно серрапионов»³. Если это знакомство и состоялось весной 1921 г., то вряд ли оно было долговременным, поскольку О. Мандельштам вскоре покинул Дом искусств, а затем и сам Петроград⁴.

Лишь однажды О. Мандельштам в своем творчестве упоминает Фебина – в ряду других «серрапионовых братьев» в полемической статье 1922 г. «Литературная Москва. Рождение фавулы»⁵, во многом касавшейся творчества серрапионов и писателей – Е.И. Замятина, Б.А. Пильняка, М.Я. Козырева, В.Г. Лидина. Мандельштам считал их близкими этой группе.

Необходимо отметить, что Фебин в 1922 г. был известен как писатель лишь узкому кругу литераторов, имея

ряд публикаций в петроградской периодике, из которых, возможно, Мандельштаму могли быть интересны статья на смерть А.А. Блока⁶ и полемика с близким ему В.Б. Шкловским⁷. Единственным «публичным» успехом Федина к этому времени можно считать победу в 1921 г. на конкурсе начинающих писателей, проведенном Домом литераторов в Петрограде, где рассказ «Сад» получил первую премию и был издан маленькой отдельной книжечкой.

Можно предположить, что толчком к написанию статьи «Литературная Москва. Рождение фабулы» стало издание в 1922 г. первого и оставшегося единственным альманаха «Серапионовы братья» (Петроград, «Алконост»), затем переизданного в том же году в Берлине в издательстве «Русское творчество». Федин представлен в альманахе рассказом «Песьи души». Утверждая в статье, что у серапионов психология «прикована к другой каторжной тачке – не к быту, а фольклору», Мандельштам все же считал, что «водораздел быта и фольклора очень серьезный», в фольклоре таится рождение сюжета, и в этом усматривал «залог жизненности». Мандельштам увидел в творчестве серапионов и причисляемых к ним писателей «милый анекдот, первое свободное и радостное порхание фабулы, освобождение духа из мрачного траурного куколя психологии». Федин он упоминает в ряду прозаиков, у которых «премного разных трав и вер» (неточная цитата из стихотворения В.В. Хлебникова «Кузнечик»), замечая в той же статье, что «всякий настоящий прозаик – именно эклектик, собиратель».

Любопытно отметить, что статью Мандельштама опубликовали в журнале «Россия» за 1922 г. № 3, а в следующем номере напечатали отрывок под названием «Как это по-вашему» из первого романа Федина «Города и годы», первоначально называвшегося «Еще ничего не кончилось».

Более тесное общение Федина и Мандельштама, вероятно, началось после возвращения поэта в Ленинград в середине 1924 г. Свидетельством тому является сохранившаяся дарственная надпись, выполненная черными чернилами на титульном листе книги «Шум времени» (издательство «Время», обложка работы Е.Ф. Килюшевой): «Константину

Александровичу Федину дружески. О. Мандельштам. 13/IV 1925» (ГМФ 3316)⁸. Следует отметить, что Федин получил книгу в дар одним из первых, через несколько дней после ее выхода из печати. О дате выхода книги свидетельствует письмо-доверенность Е.Э. Мандельштаму в издательство «Время» от 3 апреля 1925 г. на проведение окончательных расчетов по книге «Шум времени»⁹.

К этому моменту Федин уже автор повести «Анна Тимофевна» и сборника «Пустырь»¹⁰, но прежде всего романа «Города и годы», который сразу же вывел Фебина в первые ряды молодых прозаиков. Роман вышел отдельным изданием в Госиздате в конце 1924 г. и стал заметным литературным событием, вызвавшим бурную и длительную дискуссию: роман яростно ругали и восторженно хвалили в прессе и на модных в те времена устных дискуссиях, перераставших в «литературные суды» над автором и его произведением.

О романе много говорили в среде литераторов, Федин получил высокую оценку романа в письмах Эренбурга, Пильняка, Гуля...

Пастернак 16 августа 1925 г. писал Мандельштаму о романе «Города и годы»: «Молодец Федин. Не правда ли?»¹¹

В феврале 1926 г. Федин в качестве сотрудника Госиздата пытался включить в план издательства книгу стихов Мандельштама. 19 февраля 1926 г. Мандельштам писал жене: «К трем часам заехал в Гиз. Зашел в комнатку к Федину и Груздеву. Они как раз заполняли бланки с предложеньями книг: я мельком прочел: “один из лучших совр<еменных> поэтов”. Стараются! <...> Надоело мне это проталкиванье и протискиванье! Эти няньки и спасители-охранители! Грустно мне, деточка моя»¹².

Наряду с четырнадцатью другими литераторами (К. Зелинским, В. Ивановым, Н. Адуевым, Б. Пильняком, М. Козаковым, И. Сельвинским, А. Фадеевым, Б. Пастернаком, В. Катаевым, Ю. Олешей, М. Зощенко, Л. Леоновым, Л. Аварбахом, Э. Багрицким) Федин подписал коллективное письмо в редакцию «Литературной газеты»¹³ с протестом против оскорбительной статьи Д.И. Заславского о

Мандельштаме «Скромный плагиат и развязная халтура»¹⁴.

Единственное известное упоминание имени Мандельштама в дневниках Федина относится к 24 апреля 1930 г.: «Заходила Ахматова. Хлопочет о пенсии. Новое из Москвы: сошел с ума Осип Мандельштам (мания преследования)»¹⁵.

О том, что Мандельштам продолжал читать новые произведения Федина и в 30-е годы, свидетельствует ироническое высказывание поэта о романе «Похищение Европы», зафиксированное Ахматовой в «Листках из дневника»: «В 30-х годах в Ленинграде О<сип> М<андельштам>, встретив Федина где-то в редакции, сказал ему: “Ваш роман (‘Похищение Европы’) – голландское какао на резиновой подошве, а резина-то советская»¹⁶. Как теперь известно из ранее не опубликованных дневниковых записей Федина, это перекликается с отношением самого писателя к роману, созданному в 1929–1934 гг., когда мучительный процесс осмысления усиливающегося тоталитаризма и его влияния на собственно творческие процессы привел к грубой трансформации авторского замысла, который вначале был движим искренним «горячим и злым желанием чем дальше, тем резче ставить в романе самые страшные вопросы нашей жизни»¹⁷, а закончился потерей внутренней независимости и горьким выводом: «я кажусь себе иногда аптекарем, отвечающим и отмеривающим порошочки сильнодействующих средств»¹⁸.

К сожалению, не сохранились дневники Федина 1920–1927 гг. (за исключением немногих записей 1921 г.), дневниковые записи 1934–1935 гг. – всего лишь несколько страниц текста, отсутствуют дневники 1936–1940-х годов. Тем более ценны документы, свидетельствующие о пересечении писательских судеб.

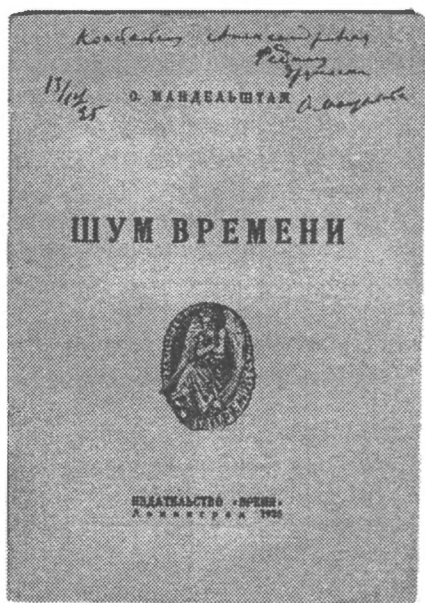
¹ См.: Федин К.А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1986.

² Кроме разрозненных публикаций в периодике, см. сборники: Фединские чтения. Саратов, 1988; «Найти свой лад»: Фединские чтения. Вып. 2. Саратов, 1992; Только одна человеческая жизнь: Фединские чтения. Вып. 3. Саратов,

1993; Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1920–1930-х годов: Исслед. и материалы. Кн. 2. СПб., 2006. С. 8–82; Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов. Саратов, 2003. С. 216–367.

- ³ См.: *Федин К.А.* Из трех Петроградских дневников 1920–1921 годов / Публ. Н.К. Фединой и В.В. Перхина; коммент. В.В. Перхина // Русская литература. 1992. № 4. С. 157.
- ⁴ По мнению большинства биографов, он оставался в Доме искусств до середины марта 1921 г. (см., например: *Нерлер П.* Даты жизни и творчества // *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4: Письма. С. 443). По другой версии Мандельштам в конце 1920 г. переехал в общежитие Дома ученых (см.: *Мандельштам Е.Э.* Воспоминания // *Новый мир.* 1995. № 10).
- ⁵ См.: Россия. 1922. № 3.
- ⁶ См.: *Федин К.* Александр Блок // *Федин К.А.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. Впервые: Книга и революция. 1921. № 1.
- ⁷ Там же. Впервые: Жизнь искусства. 1921. 2–7 авг. № 792–797.
- ⁸ См. ее также в общем перечне инскриптов О.Э. Мандельштама, публикуемом в настоящем издании.
- ⁹ *Мандельштам О.* Собр. соч. Т. 4: Письма. С. 44.
- ¹⁰ «Анна Тимофевна» опубликована в альманахе «Круг» (М.; Пг., 1923. Кн. 2); отдельное издание вышло в «Книгоиздательстве писателей в Берлине» (1923), сборник «Пустырь» – в издательстве «Круг» (М.; Пг., 1923).
- ¹¹ См.: Письма Б.Л. Пастернака К.А. Федину / Публ. и примеч. Е.Б. Пастернака и Р. Лихт; Послесловие Р. Лихт // *Волга.* 1990. № 2. С. 171.
- ¹² См.: *Мандельштам О.* Собр. соч. Т. 4. С. 65.
- ¹³ См.: *Нерлер П., Никитаев А.* Комментарии // *Мандельштам О.* Собр. соч. Т. 4. С. 396–397. Впервые: Литературная газета. 1929. 13 мая.
- ¹⁴ Литературная газета. 1929. 7 мая.
- ¹⁵ Художник и общество (неопубликованные дневники К. Фебина 1920–30-х годов) / Публ. Н.К. Фединой, Н.А. Сломовой; Примеч. А.Н. Старкова // Русская литература. 1992. № 4. С. 173.

- ¹⁶ Ахматова А. <Дополнения к «Листкам из дневника»> // Ахматова А. Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. М., 2005. С. 129.
- ¹⁷ Федин К.А. Дневник от 8–23 апреля 1931 г. // Федин К.А. Собр. соч. Т. 12. С. 55.
- ¹⁸ Письмо К.А. Феина Д.С. Феиной от 19 ноября 1933 г. / Кабанова И.Э. Романы «Похищение Европы» и «Санаторий Арктур»: к проблеме творческого самоопределения К. Феина в 1930-е годы // Русский роман XX века: Духовный мир и поэтика жанра. Саратов, 2001. С. 189. О противоречивом авторском отношении к роману см. также: Кабанова И.Э. Проблемы творческой свободы и самоцензуры (по дневникам К.А. Феина конца 1920 – начала 30-х годов) // Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов. Саратов, 2003.

Инскрипт Осипа Мандельштама К. Феину
на «Шуме времени».
Саратов, Гос. музей К.А. Феина

Анаида Худавердян

ВСТРЕЧИ С ПОЭТОМ

Впервые у О. Мандельштама Армения упоминается в статье «Кое-что о грузинском искусстве», где отмечается, что не Армения, а Грузия стала для русской поэзии «обетованной страной»¹. Незадолго до этого в Тифлисе Мандельштам перевел стихотворение армянского поэта-футуриста Кара-Дарвиша «Пляски на горах».

В 1929 г. Мандельштам замыслил поездку в Армению, о чем свидетельствует письмо Н.И. Бухарина, бывшего тогда председателем Коминтерна и главным редактором «Известий», к С.М. Тер-Габриэлян (1886–1937), председателю Совнаркома Армянской ССР от 14 июня 1929 г.:

«Дорогой тов. Тер-Габриэлян! Один из наших крупных поэтов, О. Мандельштам, хотел бы в Армении получить работу культурного свойства (напр., по истории армянского искусства, литературы, в частности, или что-либо в этом роде). Он очень образованный человек и мог бы принести вам большую пользу. Его нужно только оставить некоторое время в покое и дать ему поработать. Об Армении он написал бы работу. Готов учиться армянскому языку и т. д. Пожалуйста, ответьте телеграфом на ваше представительство. Ваш Бухарин»².

Ответ, подписанный А.А. Мравьяном, наркомом просвещения и зампредсовнаркома Армянской ССР, пришел спустя 11 дней телеграфом:

«Москва, Закпредство. Просьба передать поэту Мандельштаму возможно предоставить в Университете лекции по истории русской литературы, также русскому языку в Ветеринарном институте. Наркомпрос Мравьян. 23 июня 1929 года»³.

Однако после внезапной смерти А.А. Мравьяна 23 октября 1929 г. поездка расстроилась. Но через год, в 1930 г., путешествие в Армению все-таки состоялось, а еще через два года было написано «Путешествие в Армению» – проза, жанр которой сам Мандельштам определял как полуповесть. Как и проза «Шум времени», «Путешествие в Армению» автобиографично, но композиционно оно ближе не к «Шуму времени» с его внутренне цельными, самостоятельными главками, а к «Египетской марке» с ее фрагментами, смысл которых может быть вполне усвоен лишь на уровне произведения в целом⁴.

Материалов, которые хоть как-то дополнительно характеризовали бы месяцы, проведенные поэтом в Армении, сохранилось поразительно мало. В архивах Туманяна, Сарьяна, Торамяна и некоторых других армянских интеллигентов, с которыми Мандельштам, будучи в Ереване, дружески общался, какие бы то ни было упоминания о нем до сих пор не выявлены. Чуть ли не единственным «изодокументом» является чудесная фотография, где Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна вместе с Яковом Самсоновичем Хачатрянцем и, видимо, местными жителями сняты на фоне развалин аванского храма⁵. Тем драгоценнее воспоминания «учительницы А.Х., вызвавшей обучить меня армянской грамоте»⁶. Анаида Ашотовна Худавердян родилась в 1902 г. в селе Нижний Камарлу (ныне город Арташат) в семье мелкого торговца. Училась в Витебской женской гимназии. Когда умер отец и началась Первая мировая война, она с матерью и двумя младшими братьями вернулась в родное село и, чтобы обеспечить осиротевшую семью, начала трудовую деятельность с 14 лет. В 1916 г. окончила Рилсимеанскую женскую гимназию (в Ереване), работала воспитательницей в детдоме в Александрополе (ныне Ленинакан), заменяя мать детям, уцелевшим после геноцида 1915 г. Девять лет она учительствовала в Арташатской школе и, впоследствии, став ее директором, принимала активное участие в революции и установлении советской власти в Армении. Окончив в 1931 г. Ереванский университет (исторический факультет), работала сна-

чала заместителем директора колонии беспризорных детей, позднее в Государственном архиве, в Наркомпросе, в школах в Нижнем Камарлу и в Ереване (в частности, в школе им. Шаумяна – учительницей, в школе им. 26-ти комиссаров – завучем), инспектором детдомов Армянской ССР, затем директором Степанаванского детдома. В 1937 г. по ее инициативе в Ереване открылось русское педучилище им. Н. Островского, директором которого Анаида Ашотовна была до 1963 г. Член КПСС с 1932 г., награжденная орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и др., и четырежды народный депутат А.А. Худавердян умерла в 1983 г.

Мандельштам упоминает и двух ее сыновей – «двух разбойников, Рачика и Хачика, то и дело поднимавших на нее свои кулачки»⁷. Оба носили фамилию матери. Старший, художник Грачья Тигранович Худавердян, родился в 1922 г.⁸ В 1941 г., едва закончив изоучилище, он был призван в армию и прошел войну – от Кавказа до Болгарии – артиллеристом. По памяти нарисовал, как летом 1930 г. выглядела их небольшая севанская колония. Хотя было ему тогда всего восемь лет, но он запомнил Мандельштама и его соломенную шляпу: тот в его детских глазах был «очень добрым стариком (а Мандельштаму тогда еще не было и 40 лет! – П. Н.) и еще он боялся, что остров провалится».

Его младший брат-разбойник – Сурик, Сурен Тигранович Худавердян, родился в 1924 г., в школе увлекался гимнастикой и авиамоделизмом, во время войны – курсант военно-воздушного училища, после войны стал кадровым летчиком, с 1958 г. – заместитель командира корабля. Погиб в авиакатастрофе в Ленинграде 31 декабря 1969 г.

Анаида Худавердян написала эти воспоминания в первой половине 1966 г. – не раньше февраля (в январе вышел номер «Литературной Армении» с мандельштамовскими стихами) и не позже июня, поскольку уже в июле их получил А.А. Сурков как председатель Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама при Союзе писателей СССР. 14 июля 1966 г. он переслал их Н.Я. Мандельштам вместе со следующей запиской⁹:

«Уважаемая Надежда Яковлевна! По просьбе А.А. Худавердяна посылаю Вам ее письмо. Очерк-воспоминание о О.Э. я прочел

и пересылаю в комиссию по наследству. Очерк беглый и содержит в себе мало материала, рисующего образ Осипа Эмильевича.

Крепко жму Вашу руку, Ал. Сурков. 14 июля 1966 г.».

В архиве Н.Я. Мандельштам, конфискованном у Ю.Л. Фрейдина КГБ в 1983 г. и переданном впоследствии в ЦГАЛИ (в настоящее время он подготовлен к присоединению к мандельштамовскому фонду № 1893 в РГАЛИ в качестве ядра его будущей «Описи 3»), этих воспоминаний нет. Скорее всего, Н.Я. Мандельштам передала их А.А. Морозову для дальнейших разысканий: именно Морозов в 1980 г. сообщил мне ереванский адрес А.А. Худавердян¹⁰. Оказавшись в Ереване в середине 1980-х годов, я уже не застал по этому адресу в живых ее саму, но нашел ее старшего сына, который поделился собственными воспоминаниями о лете 1930 г. на Севане и предоставил машинопись маминых воспоминаний для публикации.

Впервые воспоминания А.А. Худавердян были опубликованы П. Нерлером в журнале «Литературная Армения» (1991. № 5. С. 74–82). Учитывая труднодоступность этого журнала в наши дни, составители сочли желательной их републикацию в настоящем издании (вступительная заметка при этом дается в сокращенном и переработанном виде).

Перелистываю страницы журнала «Литературная Армения» № 1, где стихи поэта Осипа Мандельштама об Армении¹¹.

Они возродили во мне далекие и вместе с тем близкие воспоминания.

В памяти воскресли события, образы 1930-х годов.

Тогда наша республика готовилась к встрече десятой годовщины своего рождения.

Десять лет Советской власти в Армении. Десять лет упорной борьбы против голода, разрухи, лишений, отсталости. Десять лет героического самоотверженного труда.

В эти годы и появился в Армении поэт Осип Манделъштам.

Познакомилась я с Манделъштамом и его женой в доме отдыха на острове «Севан». Это было в июле—августе 1930 года.

Они были моими ближайшими соседями по комнате.

Севанский дом отдыха был организован сравнительно недавно, он был еще недооборудован, в нем не хватало порой самого необходимого. Отсутствовали такие элементарные удобства, как прачечная, душевая и даже умывальники.

Не было клуба, где вечерами можно было бы организовать культурный досуг отдыхающих.

Но привлекали сюда изумрудные воды Севана, чистый, прохладный горный воздух. Еще одно преимущество этого оригинального курорта заключалось в том, что здесь семейным предоставлялись отдельные комнаты. Кроме того, здесь кормили хорошо, а для 1930 года это имело не второстепенное значение.

Помню, тогда в Севанском доме отдыха проводили свой отпуск многие видные государственные и общественные деятели, работники науки, искусства: Арташес Каринян, профессор химии Степан Павлович Гамбарян, композитор Романос Меликян, писатель Левой Сагателян с семьей и другие.

Иногда по субботам, после работы сюда с однодневным отдыхом приезжали работники ЦК с семьями, среди них и первый секретарь, неизменный, жизнерадостный, всеми любимый Агаси Ханджян с женой Розой Виндзберг.

С появлением их на площадке все оживлялось, устраивались шумные игры, организовывались прогулки на баркасе по озеру, велись интересные беседы с отдыхающими. Все было так просто, непринужденно.

Помню Осипа Манделъштама, мужчину лет сорока, роста среднего, с несколько заостренным подбородком, длинной шеей, с откинутой назад головой. С первого взгля-

да казалось, что это он умышленно так держит голову, чтобы смотреть на людей сверху вниз.

Но это только казалось на первый взгляд, в дальнейшем убеждались, что это у него от природы.

В его характере бросалось в глаза нервное беспокойство. Он нервничал по пустякам. Это чувствовалось во всем его поведении.

Но каждый раз на помощь приходила его верная подруга – жена Мандельштама – Надежда Яковлевна.

Это была культурная, задушевная, очень общительная, добрая женщина с серыми глазами и пепельными волосами.

На вид она казалась намного моложе мужа, но заметно гордилась и дорожила им.

От нее мы и узнали, что муж ее Осип Мандельштам видный поэт, приехали они из Москвы и что он пишет стихи об Армении.

Так как он очень трудно переносил ереванскую жару и духоту, ему предложили отдых на острове «Севан», и так Мандельштамы очутились в этом доме отдыха.

Супруги Мандельштамы не имели детей, но очень любили и жаждали иметь их. Жена поэта мечтала о сыне. Не знаю, сбылась ли ее мечта. Но от души хотелось бы, чтобы эта добрая, хорошая женщина познала радость и счастье материнства.

Когда Осип Мандельштам садился за стол работать, она осторожно на цыпочках выходила, прикрывая за собой дверь, манила к себе играющих под окном детей, уводила их подальше, чтобы они «не мешали дяде писать стихи».

Дети также любили добрую, хорошую «тетю», которая умела интересно рассказывать сказки, и послушно следовали за ней.

Особенно подавляюще действовали на поэта вечера на острове, хотя они были и нам всем в тягость.

Дело в том, что в силу нашей бедности электроэнергий свет выключали чуть не в 10 часов.

Тогда многие электростанции Севанского каскада существовали еще в головах специалистов или же рождались

уже в проектах, а потому приходилось экономить каждый киловатт-час электричества.

На всей территории острова оставляли 2–3 лампочки, которые своим неуютным, тусклым светом напоминали о существовании на острове жизни.

После ужина матери торопились уложить детей, пока не был выключен свет, а сами спешили на площадку, к людям.

Здесь обычно рассаживались на скамейках и тихо беседовали, как бы боясь и чего-то остерегаясь.

Огромные черные тени острова и древнего монастыря силуэтом скользили по ночной поверхности воды.

Тогда остров походил на огромное чудовище, готовое броситься и раздавить собравшихся сюда дерзких людей, осмелившихся нарушить вековой покой его.

К 11 часам отдыхающие уходили на покой. Хорошо, если на озере было спокойно, слышен только легкий плеск воды, скоро засыпали, убаюканные приятным шелестом ветра.

А в ненастье, когда на озере бушевал ветер, издавая звериный вой, и волны, ударяясь о скалы, превращались в столб белой водяной пыли, и брызги от них стучали в окно, выходящее прямо на озеро, тогда попробуй уснуть, если нервы у тебя не в порядке.

Так было у нас в первые дни, но человек постепенно привыкает к любым условиям, и мы привыкали к капризам севанской природы. Однако людям вроде Мандельштама трудно было привыкнуть. Вечерами он особенно мрачнел, нервничал.

Помню, как однажды он подошел к группе отдыхающих и, как бы спрашивая у самого себя, воскликнул:

– Ну, кто придумал устроить дом отдыха на этом острове?

– А что? – спросили у него.

– Да оторванность от земли, от людей ничего хорошего не сулит. А вдруг несчастье какое, никто не спасется.

– А какое именно несчастье тут может случиться? – спрашивали с улыбкой у него.

– Ну, скажем, к примеру, если провалится наш остров.

Зная характер Осипа Мандельштама и хорошо настроенные к нему, отдыхающие всячески старались отогнать от него мрачные мысли.

– Да ничего с нашим островом не случится, стоял он тысячелетиями и будет стоять еще!

Но не так просто и легко было успокоить такого возбужденного человека, как Осип Мандельштам.

Обычно в такие минуты он говорил жене:

– Завтра же едем в Эривань, я больше не могу оставаться здесь!

– Ладно, ехать так ехать, завтра едем. – Очевидно, она уже привыкла к его поспешным решениям, а потому быстро соглашалась с ним, будучи твердо уверенной, что он утром забудет об этом. Так оно и было.

Мандельштам просыпался чуть свет, поднимался на гору и оттуда созерцал красоту севанской зари.

Обычно солнечные лучи сперва озаряют верхушки Гюнейских гор, а затем постепенно спускаются к их подножию, а потом как-то сразу огромными снопами золотом рассыпаются по голубой поверхности озера.

Трудно оторваться от изумительно-красивого зрелища.

По утрам, в ясную теплую погоду трудно отличить цвет севанской воды от его неба. Кажется, что они где-то далеко, далеко сливаются, образуя целое большое безбрежное море.

Когда отдыхающие еще спали и обслуживающий персонал ходил на цыпочках и говорил шепотом и кругом царил тишина, огромные стаи форелей совершали свою утреннюю прогулку, подплывая близко к берегу. Услышав малейший шорох, они ныряли и уходили ко дну. Но и там они были видны, до того чиста и прозрачна севанская вода.

Переливаясь под лучами утреннего солнца, они восхищали своим серебристым блеском, яркими пятнышками и красивой, изящной формой тела.

Поэт возвращался со своей утренней прогулки в прекрасном настроении. В такие минуты он обычно восклицал:

– Интересно, чья это идея создания на острове дома отдыха, это же замечательно! – совершенно не помня, о чем говорил он вечером.

Осип Мандельштам нетерпимо относился ко всякого рода нарушениям, к несправедливости, к беспечному отношению к людям, к их запросам. Помню, как однажды он отчитывал администрацию.

– Что это у вас за порядки! Собрали здесь более ста человек, среди них много детей.

Кругом вода, а у вас нет никаких спасательных приспособлений и средств – ни моторной лодки, ни пловцов, ни даже простых спасательных кругов! Кто же отвечает за безопасность этих людей? – с возмущением говорил и спрашивал он.

Вскоре на острове все убедились, насколько правильны и справедливы были замечания Осипа Мандельштама.

А случилось вот что. Как-то профессор Степан Павлович Гамбарян вздумал совершить «беспосадочное» вокруг-островное путешествие вплавь. На всякий случай он нашел себе и спутника, дабы не скучать в пути.

После завтрака, не предупредив никого, они пустились в дальнейшее плавание. Однако спутник профессора вскоре почувствовал, что такое путешествие ему не под силу, стал уговаривать Гамбаряна отказаться от такой опасной мысли. Но тот был неумолим и смело, игнорируя стихию, продолжал свое плавание в одиночку.

О замысле Гамбаряна узнали на острове от его спутника тогда, когда он уже переплыл добрую половину намеченного пути.

Ему оставалось проплыть самую опасную часть своего путешествия – северо-восточный выступ острова.

Сильные течения с севера и с востока здесь образовывали водовороты. Вода вокруг скал у выступа походила на бурлящий котел. Никто из купающихся не осмеливался и близко подойти к этому месту. Один взгляд на него сверху вызывал ужас и головокружение.

Поговаривали, что к этому месту и искусные пловцы не осмеливались приблизиться, они старались его обойти.

Все боялись одного, как бы наш пловец не попал в этот водоворот.

– Тогда ему конец, спасения не будет, – заранее предполагали многие.

Часть отдыхающих перешла на южный берег острова, откуда должен был появиться Гамбарян. Все с глубоким волнением, с замиранием сердца ждали его.

Прошел мучительный час ожидания, другой, его нет как нет.

Сообщили в поселок, просили срочно прислать помощь. И пока пришла помощь, прошел еще добрый час.

Лодка с пловцами прямо направилась к северному мысу, осторожно обойдя водовороты, и вернулась обратно, сообщив, что никого там нет. Затем пловцы стали нырять на дно, так как огромные белые известковые глыбы на глубине десяти–пятнадцати метров походили на зверей, животных и даже на человека. Но все старания спасателей были безрезультатны. Теперь уже мало кто сомневался в гибели профессора Гамбаряна. Напрасно звонок приглашал отдыхающих в столовую на обед.

Случай с Гамбаряном оказал удручающее воздействие на людей. Общая боль грызла сердца всех: погиб человек...

Профессор Степан Павлович Гамбарян тогда уже был известен не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами как крупный специалист по синтетическому каучуку.

На острове все уважали и любили профессора за его обаятельную улыбку, за его по-детски лучистые глаза, за простоту и сердечность.

Надо было видеть в эти часы Осипа Мандельштама, возбужденного, возмущенного случившимся. Он подходил к каждому, хватал за рукав и с жаром говорил:

– А ведь человек погиб зря, беды не случилось бы, если бы лодка и пловцы были у нас здесь, у причала!

На острове все уже говорили между собой по-армянски о том, что Мандельштам правильно и уместно бранил администрацию дома отдыха.

Потеряв всякую надежду, спасатели собрались вернуться обратно в поселок. Тут Осип Мандельштам и несколько отдыхающих стали просить их еще раз обойти мыс на более близком расстоянии, может быть... Хотя сами были уверены в безнадежности своей просьбы, тем не менее уговорили пловцов.

Это было уже на закате. День на острове подходил к концу.

Телеграмма Правительству о гибели профессора Гамбаряна давно была подана.

И опять волнения и мучительные минуты ожидания.

Помню, как Осип Мандельштам в белых брюках, по колено стоя в воде, протянул пловцам бинокль и объяснял, как им пользоваться...

Через несколько минут из-за выступа, куда направилась лодка с пловцами, послышался громкий радостный крик:

– Ура! Нашли! Живой!

Лодка вернулась, чтобы сообщить нам радостную весть, и вновь скрылась за выступом.

Оказалось, что счастливой волной Гамбарян был выброшен на единственную скалу, наполовину покрытую зеленым мхом, наполовину омываемую волнами бурлящего котла.

Вот здесь и примостился пострадавший Гамбарян Степан Павлович. Выбраться из своего опасного пристанища без помощи извне он никак не смог бы, наоборот, сильной волной его могло легко столкнуть обратно в воду, в водоворот.

Вскоре Гамбаряна, живого, невредимого, но окоченевшего от холода, доставили на остров. Радости всех не было конца, люди поздравляли друг друга. Теперь только отдыхающие вспомнили, что за целый день они почти ничего не ели, что они голодны.

Вечером радостно и шумно было на площадке. После ужина оживленно обсуждали чрезвычайное событие дня, которое так взбудоражило, взволновало всех.

Группа учителей уже успела сочинить текст веселой шуточной песни на злобу дня, а композитор Романос Меликян подбирал к нему музыку.

Тут же под зелеными ивами, наклонившими свои ветви низко над водой, сидел и герой дня профессор Гамбарян, обогретый людской заботой и любовью, но с несколько сконфуженной виноватой улыбкой. Он как бы внутренне отмечал свое второе рождение.

А рядом с ним, не менее счастливый, сидел поэт Осип Мандельштам, который сильнее всех переживал исчезновение Гамбаряна и больше всех радовался его спасению.

И кажется, это был единственный случай, когда он не бранил вечерний Севан и не сердился на него.

Я сдержала свое обещание, данное Мандельштамам на Севане, по возвращении в Ереван навещать их в гостинице.

Они принимали меня как близкого, родного человека.

Я познакомила их с моей новой приятельницей. Это была З.И. Ясинская.

Когда я рассказала Зое о поэте Осипе Мандельштаме, она очень обрадовалась, оказывается, она уже знала о нем.

В свою очередь и Мандельштам хорошо знал отца Зои, видного ленинградского литератора И.И. Ясинского.

Они оживленно беседовали на литературные темы, вспоминали общих знакомых, говорили об их достоинствах и недостатках. Я с удовольствием слушала их интересные беседы о литературных новинках.

Впервые Осип Мандельштам прочел нам с Зоей Ясинской свои стихи об Армении, которые заканчивались строками: «Ах, Эривань, Эривань! ничего мне больше не надо. Я не хочу твоего замороженного винограда».

Правду сказать, стихи его мне тогда не очень понравились, может быть, мои сведения и знания в области литературы тогда были еще недостаточны, чтобы принимать их.

По специальности я историк, училась на историческом факультете и преподавала обществоведение в школе.

Но я была изрядно сконфужена и несколько обижена за наш чудесный виноград, который своей сладостью, сочностью и ароматом так нравится всем, кто приезжает в гости к нам в Армению.

Почему же наш виноград не понравился Осипу Манделъштаму? И где он взял «замороженный виноград» у нас? – внутренне протестовала я.

Сколько жила в Армении, никогда не видала замороженного винограда и не слыхала про такое. Своими недоумениями я поделилась с Зоей Ясинской, и она согласилась со мною.

В оправдание и к чести нашего винограда я тут же вспомнила и рассказала Зое, что когда в 1918 году турки заняли наш виноградный район – Камарлинский (ныне Арташатский), они не смогли убрать и десятой доли урожая. Хотя зима 1918–1919 годов была не из теплых, но и тогда виноград не замерз. Его надежно охранял мягкий, белый, пушистый снежный покров.

После освобождения Камарлинского района от турецкой оккупации жители возвращались к своим ограбленным, пустым и холодным очагам.

В тот страшный голодный год виноград спас жизнь многим тысячам голодающих людей.

И я всячески старалась, чтобы Осип Манделъштам изменил свое мнение о нашем винограде, чтобы он дал ему справедливую и заслуженную оценку.

Идя к ним, я выбирала лучшие кисти ереванского винограда – янтарного харджи, дабышний раз доказать, вернее, реабилитировать в глазах поэта армянский виноград.

И, кажется, с тем же намерением, однажды пригласив Манделъштама с женой на обед, Зоя Ясинская украсила свой стол лучшими сортами нашего винограда.

Наивно и немного смешно, не правда ли? Только не знаю, догадывался ли он о наших намерениях. Но тогда мы это делали вполне серьезно и искренне, от чистого сердца.

Постскриптум.

Узнав, что Манделъштамы собираются в обратный путь – в Москву, а затем и в Ленинград, мы с Ясинской стали уговаривать их погостить еще некоторое время у нас в Ереване, тем более что погода стояла прекрасная, урожай

винограда и других фруктов, овощей был исключительно обильный!

Тогда Осип Мандельштам признался нам, что гонорар, полученный им в Наркомпросе Армении, на исходе, что денег у них едва хватит на дорогу. И действительно, было видно, что супруги живут в нужде.

Помнится, Мандельштам поведал нам, что у него договоренность с ректором Ереванского Гос. университета читать цикл лекций по шекспироведению для студентов и что, возможно, он вскоре вернется в Ереван.

Накануне отъезда Мандельштамов Ясинская сказала Осипу:

– Счастливые вы, что едете в Ленинград! Я так соскучилась по родному городу, ведь там прошла вся моя жизнь, там мои родные!

Эти востороженные слова Ясинской не произвели на поэта впечатления, чувствовалось, что возвращение на родину не особенно радует его. Он, скучный, с тоской сказал:

– Там у меня много врагов. Они или убьют меня, или запрячут в тюрьму!

Эти слова Мандельштама мы тогда приписали некоторым чертам его характера – нервозности, мнительности, а потому не придали им серьезного значения, наоборот, всячески старались отогнать от него недобрые мысли.

Публикация и вступительная заметка Павла Нерлера

¹ См.: Советский юг. Ростов-н/Д, 1922. 21 янв.

² См.: Государственный архив Армении. Ф. 113. Оп. 6. Д. 49. Л. 91.

³ Там же. Л. 34.

⁴ О композиции этого произведения см.: *Нерлер П.* Заметки о «Путешествии в Армению» (Литературная Армения. 1987. № 10. С. 69–79).

⁵ Нам в свое время эта фотография была передана М.А. Торбин.

⁶ О. Мандельштам. Записные книжки // Вопросы литературы. 1968. № 4. С. 182.

⁷ Там же.

⁸ Еще в 1990-е годы он проживал в Ереване.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1899. Оп. 1. Д. 153. Л. 1.

¹⁰ Ереван, ул. Алавердяна, 79, кв. 14.

¹¹ Имеется в виду републикация мандельштамовского цикла «Армения» в январском номере «Литературной Армении» за 1966 г.

Нелли Портнова

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ И АРОН ШТЕЙНБЕРГ В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ

Два студента философского факультета Гейдельберга встречались во время зимнего семестра 1909/10 г., и больше им не случалось пересекаться, притом что Штейнберг (1891–1975) любил вспоминать и концентрироваться на прошлом¹. Имя О. Мандельштама отсутствует в исключительно интроспективном дневнике А. Штейнберга, не возникло оно и в мемуарах, Вольфиле², посвященных «друзьям» по «архипелагу» послереволюционных лет. Если бы профессор К. Браун не попросил А.З. Штейнберга поделиться своими воспоминаниями о своих встречах с поэтом³, эти имена не стояли бы рядом. Ныне Штейнберг «оказался, по сути, единственным человеком, свидетельствующим о гейдельбергской жизни Мандельштама»⁴.

Беседу с профессором воодушевленный Штейнберг описывал на следующий день, 1 июня 1965 г., своему близкому другу Фанни Каплан: «...Что до Брауна, то я понадобился ему в связи с книгой, которую он пишет об Осипе Мандельштаме. И представьте себе, я откопал в геологических наслоениях моих бумажных груд следы выступления М. на моем докладе в Heidelberg'e об "Искусстве и критике" 10-го февраля 1910 г. Для гостя моего это была ценнейшая находка. По совести говоря, я и сам удивлялся тому, что 19-летний Мандельштам так запечатлелся в памяти со сво-

им детским голосом, которому я тут же подражал, и своей почти неподражаемой походкой»⁵. Таким же смешением времен, портрета героя – с собственным присутствием, отличалось само устное воспоминание во время встречи с К. Брауном. «Потом он закрыл глаза и воссоздал по памяти, что говорил Мандельштам», – пишет тот. Неотделимость планов объективного и субъективного (принцип мемуарного письма философа-экзистенциалиста) требует обратиться к материалам его архива, которые позволяют дать объективный портрет Мандельштама, сближая и противопоставления двух сверстников.

1. Появляется возможность оценить такую черту складывающегося мировоззрения будущего поэта, как «ребяческий» характер связи О. М. со всевозможными политическими, конфессиональными и культурными «величественными идеями»⁶. Она полностью соответствует поведению Штейнберга, который отличался неиссякаемой любознательностью и активностью еще в гимназии. В Гейдельбергском университете, студентом которого он стал в 1908/09 уч. г., погружение в мировую философию сопровождалось открытостью всем видам знаний, всем явлениям культуры и деятельности. Ему хотелось бы сузить эту широту ради «Прекрасной дамы философии», но не удавалось: он все время писал (стихи и прозу), много путешествовал, проделывал опыты психоанализа, выступал перед аудиторией русской библиотеки и т. д. «Последние 2 месяца забыл о себе, погрузился в чужие мысли, наблюдал людей, любил природу, писал и читал доклад об эстетике; об одном еврейском писателе, много часов провел в беседах... скучно. Написал один хороший сонет “Зима”, начинал много стихотворений, не находил терпения довести их до конца; много читал Кант’а и, мне кажется, скоро и эта чаша разбавленного вина будет допита до конца... Скучно» (15.2.1910).

В воспоминаниях Штейнберг вскользь отметил, как они обменивались оценками университетской науки: профессор В. Виндельбанд Мандельштаму казался *унылым*. То же отношение в дневнике Штейнберга: «Я ненавижу профессора философии...» (14.8.1909). Оба с симпатией

относились к молодому профессору Эмилю Ласку, которого Мандельштам называл живым и очень поэтичным (он «имел сильное влияние на мировоззрение поэта в будущем»); Штейнберг работал в семинаре Ласка и под его руководством готовил диссертацию «Der Begriff der Realität» («О понятии реального»).

2. Разница в интенции самовыражения 19-летних сверстников сказалась в следующей детали: «Мандельштам был таким гипнотическим оратором, что поглощал всеобщее внимание, ни одного не оставляя без впечатления». Ораторское искусство Мандельштама, так органично чувствовавшего себя в общении со слушателями (ставшего в зрелом возрасте «одним из самых блестящих собеседников: он слушал не самого себя и отвечал не самому себе»⁷), контрастно поведению Штейнберга в той же аудитории. Еще в гимназии он пришел к необходимости разделить на «наблюдателя» и «деятеля», и его выступления перед публикой, когда они бывали, были ситуативным переходом на позицию «деятеля», что с точки зрения «наблюдателя», философа-максималиста, осуждалось как акты недостойные⁸ (вот еще проявление этой раздвоенности – в 1911 г. Штейнберга избрали заведующим библиотекой).

Державший себя на «высоте» универсальности «по поводу моих людских встреч я заметил в себе перемену: за последние 8–9 месяцев сделал еще шаг к высотам холодности: благодарю судьбу». Штейнберг не мог не запомнить, а через 55 лет восстановить детали облика Мандельштама, в которых легко увидеть не только его личную органическую свободу, но и приметы национального поведения художника, передающего «шум времени» через особую пластику⁹.

3. Восстановить моменты внутреннего мира Мандельштама позволяют две выделенные Штейнбергом темы общения: «еврейский вопрос» и философия. Неизвестно, были ли между ними другие эпизоды обсуждения первой темы: в студенческой среде Гейдельберга было принято говорить о политике и науке, но не о национальных проблемах, но тот, что описал интервьюируемый, крайне интересен и объемнен. На вопрос, не состоял ли он в родстве со знаме-

нитым офтальмологом (и сионистом), с которым в студенческой среде связывали имя Мандельштама, последовал холодный ответ: «Я не интересуюсь родственниками». «...Поэт казался определенно пристыженным и огорченным своим еврейством». Заметим, что место национальной идеи в философских поисках максималиста и будущего спасителя человечества в 1910 г. еще не определилось; в том же году после встречи со своими провинциальными родственниками в Ковно он записал 22 февраля 1910 г. в дневнике: «Хорошие очень и нервные люди» и далее: «Как странно: я – еврей!?»

Типичная для ассимилированной еврейской молодежи реакция была раскрыта позже Мандельштамом («Шум времени») в картине своих поездок к бабушке и вообще об окружавшем его в детстве «хаосе иудейском», «грязной еврейской клоаке»¹⁰. В сознании же развивающегося Штейнберга эта мысль о «странности» своей еврейской национальности была маргинальной и действительно «странной». Братья были воспитаны в семье с богатыми традициями, где сочетались национальная культура и европейское просвещение, в гимназии оба продолжали заниматься изучением иврита и Талмуда с учителем Барухом Залманом Рабинковым, в Гейдельберге – с ним же – изучением Талмуда. Напомним, что разговор состоялся за год до крещения поэта в лютеранской церкви 11 мая 1911 г. Браун добавляет, что ответ показался Штейнбергу «не совсем нормальным». Трудно отвергнуть возможность влияния на эту реакцию десятилетий деятельности Штейнберга в еврейской культуре, но нет сомнения и в адекватности ее тому далекому времени. Искавший абсолютное единство мира, он позже сформулировал абсолютное единство мира как гармонию человека–семьи–рода–национальности. Для будущего же поэта игнорирование национальной идентичности было необходимым эстетическим шагом, при том что суть иудаизма, «трепет иудейский», был уже воплощен в облике и переведен в творчество.

4. Вторая тема общения была связана с присутствием Мандельштама на обсуждении доклада Штейнберга «Искусство и критика», состоявшемся 10 февраля 1910 г.

Пытаясь представить суждения Мандельштама, мы ступаем на топкую почву предположений, ибо в записках, показанных Штейнбергом Брауну, не было записано ничего, кроме фамилии, что можно объяснить как согласием оппонента с докладчиком, так и его завораживающим выступлением.

Доклад был конспектом задуманной им системы¹¹. Штейнберг планировал опубликовать его под псевдонимом, о чем свидетельствует список, хранившийся в архиве вместе с черновиками доклада – «Доклад М. Аврелина, т. е. А.З. Штейнберга, в русской колонии Heidelberg'a 10 февраля 1910 года». Цитируем начало: «В кругу вопросов об искусстве центр занимает красота. Обыденный мир субъекта и объекта: субъект воспринимает, объект воспринимается. Все различают в мире восприятия красивое от некрасивого. Многие хитроумные и просто лукавые эстеты и все просто мудрые люди думают, что области безобразия и красоты строго отграничены <...> Это неверно. Мир бесконечен». Далее доказывалась общность между полярными понятиями в эстетике, этике, философии. «Границы между красотой и безобразием, между добром и злом, между истиной и ложью, границы эти незаконны». Эта идея, считал он, должна быть основанием системы, которую он предложит миру. Свои идеи он расписывал в дневнике стихотворениями в прозе*.

Философия

Мне понятна красота безобразного и безобразия красоты, и в этом беда моя.

Я люблю Леонардо да Винчи

Я жалею Фридриха Ницше

Я ненавижу профессора философии

Я люблю и жалею, я ненавижу себя.

Только гипотезы недогматичны.

День, ты сын мой! – говорит ночь.

– Ночь, ты моя дочь, – говорит день.

– День и ночь – две полуокружности одного круга;

* Сохранена пунктуация автора.

Они обуславливают друг друга – говорит философ без догматов (14.8.1909)

В баденской столице неокантианства замышлялась революция против царства рассудка: «Рубикон, пересекающий мир на 2 враждебных царства: красоты и безобразия, будет, должен быть перейден». «Нет мировой истины, нет мировой лжи – есть моя истина и есть моя ложь». Мандельштам остановился в большей степени на «критике». Можно думать, что Мандельштам, который скажет потом, что «только реальность может вызвать к жизни реальность»¹², оценил идеи об участии субъекта в познании, и «тоска по мировой культуре», как определял он суть акмеизма, была тесно связана с идеологией европейского философского единства, над которой работали «логосцы» и следовавший за ними А. Штейнберг. Существенно замечание последнего о строке Верлена: «музыка прежде всего»¹³, которую он цитировал в докладе и которая была подхвачена Мандельштамом.

Параллелизм в развитии обоих студентов виден в их начальном поэтическом творчестве, в их стихах 1910 г.

Небо звездною страницю
Вновь открыто предо мной,
Взвились *думы* вереницею
Над задумчивой душой¹⁴.

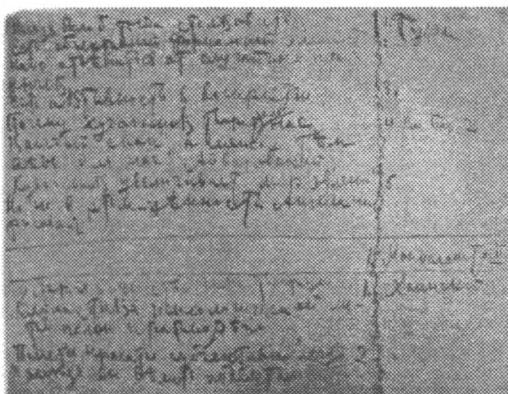
Но ризой *думы* важной
Всю душу мне одень,
Как лиственницы влажно-
Трепещущая тень¹⁵.

Осенью Штейнберг обратился к В. Брюсову, чтобы с его помощью уйти от искушения поэзией. «Дело дошло до стихов – негодный! – и до жалкого самодовольства. Еще позже и это осталось позади, я стал иронизировать и над белым, и над пестрым, и над черным» (22.2.1912). Мандельштам посылал свои стихи В. Иванову и М. Волошину, надеясь на одобрение. Оба – и Штейнберг, и Мандельштам –

остались верны себе¹⁶: первый утвердился в своем философском предназначении, а стихи писал для себя, второй – удалился от философии и осенью того же года дебютировал в «Аполлоне».

-
- ¹ См.: Письма Ф. Степуна А. Штейнбергу / Публ. Н. Портновой // Новый журнал. 2004. № 236. С. 119–129; «Для меня это истинная находка...»: Переписка С.Г. Пушкарева и А.З. Штейнберга / Подг. текста и примеч. Н. Портновой // Новый журнал. 2007. № 248. С. 119–129.
- ² См.: *Штейнберг А.З.* Литературный Архипелаг. 2-е изд. / Вступ. ст. и коммент. Н. Портновой, В. Хазана. М., 2009.
- ³ См.: *Brown C. Mandelstam.* Cambridge University Press, 1973. P. 11, 45, 46, 183, 300.
- ⁴ См.: *Нерлер П.* Осип Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994. С. 60.
- ⁵ Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). A. Steinberg Collection. Box 13.
- ⁶ См.: *Аверинцев С.С.* Так почему же все-таки Мандельштам? // Новый мир. 1998. № 6. С. 216–220.
- ⁷ *Ахматова А.* Листки из дневника // Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1993. С. 7.
- ⁸ В один из припадков пессимизма Штейнберг записал в дневнике: «Третьего дня я читал перед стадом (почти исключительно) баранов (около 50 голов) доклад: “Европа и пошлость” (“Несколько истин о передоновощине XX века”). Я там провел параллель между А.Б. Передоновым и г-жой Европейской Культурой. Оппонентов – 4 штуки. 2 из них “омерзительны”. Один из двух, «философ» по профессии, не умел бороться ничем, кроме гнусностей по адресу моей молодости» (21.5.1909).
- ⁹ «Вся сила юдаизма, весь ритм отвлеченной пляшущей мысли, вся гордость пляски, единственным побуждением которой в конечном счете является сострадание к земле, -- все это уходит в дрожание рук, в вибрацию мыслящих пальцев, одухотворенных, как членораздельная речь» (*Мандельштам О. Михоэлс* // Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. С. 448).

- ¹⁰ Мандельштам О. Шум времени // Там же. С. 364.
- ¹¹ Свой реферат Штейнберг оценивал как судьбоносный. 12 октября 1969 г. он записал в дневнике: «Каждый может написать одну, по крайней мере, интересную книгу: историю собственной жизни. Высказал впервые в русском “реферате” под заглавием “Искусство и критика”, давшем мне под конец 1910 академического года, во время каникул в Москве, повод поставить тему о новейших течениях в немецкой эстетике в самом начале списка тем, намеченных мною по предложению Вал[ерия] Як[овлевича] Брюсова для “Русской мысли” (напечатано в феврале 1911 г.)».
- ¹² Мандельштам О. О собеседнике // Собр соч.: В 4 т. Т. 3.
- ¹³ Brown C. Op. cit. P. 183.
- ¹⁴ Штейнберг А.З. Литературный Архипелаг. Приложение.
- ¹⁵ Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. Т. I. С. 53.
- ¹⁶ Идеи доклада были развернуты в публикациях: «Различные течения в новейшей немецкой эстетике» (Русская мысль. 1911. № 2), «В поисках философии будущего» (Там же. № 6), «Парламент философии» (Там же. № 7), «Философия мнимого» (Там же. № 11), «Философия и культура» (Там же. № 5–6).

Беглая запись А. Штейнберга о докладе
в Гейдельберге 15.02.1910.

Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem).
A. Steinberg Collection. Box VIIa

Анна Еськова

«ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ ХИМИК ГАМБАРОВ»¹

В мандельштамовском «Путешествии в Армению» действует большое число персонажей, и все они вовлечены во множество сюжетов. Одним из армянских спутников и собеседников О. Мандельштама оказался Степан Павлович Гамбарян – «жизнерадостный химик Гамбаров», – упоминание о котором встретилось уже в главке «Севан»: «На Севане подобралась, на мое счастье, целая галерея умных и породистых стариков – почтенный краевед Иван Яковлевич Сагателян, <...> археолог Хачатурьян, наконец, жизнерадостный химик Гамбаров» (3, 181). Думается, что слово «породистый» указывает на происхождение этого человека. Ведь родители его принадлежали к дворянскому сословию².

Степан Павлович³ Гамбарян⁴ родился в 1879 г. в Коджорах, близ Тифлиса. О его родителях стоит сказать подробнее. Его мать, урожденная княжна Нина Петровна Бебутова, доводилась родственницей генералу В.О. Бебутову (1791–1858). В автобиографии С.П. Гамбарян счел нужным указать, что интересы матери «лежали главным образом в области музыкальной. Сама пианистка, организовывала квартеты, хоры. Она сыграла немалую роль в деле пропаганды музыки Комитаса, так как первый концерт Комитасовского хора в Тбилиси (1905) был организован ею»⁵.

По словам И. Гусельникова, Нина Петровна была «высокообразованная женщина, пианистка, дававшая домашние концерты (в числе прочего исполнявшая такие сложные вещи, как “Симфонические этюды” Шумана) и принимавшая у себя избранное общество. Ее гостями становились приезжавшие в Тифлис художники, писатели, музыканты, в частности композитор Комитас, клавесинистка Ванда Ландовска»⁶.

Отец Степана Павловича, Павел Степанович Гамбаров, магистр прав, состоял на службе в Тифлисе, затем занимал различные руководящие должности в отделениях Государственного банка в Киеве, Варшаве и Риге. Позднее П.С. Гамбарову «удалось выговорить себе двухгодичную научную командировку за границу...»⁷. Степан, окончивший к тому времени гимназию в Риге, остался в Германии для продолжения образования. Он «учился в нескольких университетах Германии, по обычаю этой страны кочуя из Университета в Университет»⁸. Воспользовался предложением углубить свое образование, прослужив 4–5 лет ассистентом сначала у профессора Тиле в Страсбурге, а затем у профессора Мейзерштейна в Берлине»⁹. Довелось Степану Павловичу работать и у знаменитого немецкого химика Виланда. Однако Гамбаряна «тянуло домой. В 1911 году, – продолжает он в автобиографии – приехал в Баку и работал на должности заведующего химической лабораторией. Работа была главным образом аналитическая. В 1914 году, когда брата мобилизовали и старики родители остались одни, счел своим долгом переехать в Тифлис, где и оставался, состоя на службе в Департаменте земледелия старшим специалистом и доцентом женских курсов, до революции»¹⁰. К тому времени родители С.П. Гамбаряна скончались, и он переехал в Ереван.

Описание С.П. Гамбаряна в «Путешествии в Армению» подчеркнуто метафорично: «Был он помазан каким-то военным елеем, словно только что вернулся из полковой церкви, что, впрочем, ничего не доказывает и бывает иной раз с превосходными советскими людьми» (3, 182). По словам Н.П. Гамбарян, «никакого отношения ни к воен-

ной службе, ни к военным Степан Павлович не имел. И в войну, как старшего сына, обязанного заботиться о родителях, его не призвали»¹¹. Указание на это есть и в автобиографии Гамбаряна: «По возрасту я не призывался из запаса в армию во время империалистической войны; также и в дальнейшем на военную службу не призывался»¹². С церковью Степан Павлович тоже не был связан. Как сообщает Н.П. Гамбарян, он «вырос и жил в атеистической среде. Был атеистом и с некоторым удивлением и веселым скептицизмом относился к умножающимся случаям “обращения” среди знакомых»¹³.

С.П. Гамбарян утверждает в автобиографии: «Политическое лицо свое могу характеризовать так: Советской власти предан и вполне сознаю, что все наши успехи связаны с развитием Советской власти, особо ценной для мелких народов»¹⁴. По словам его дочери, Марии Степановны Гамбарян, как только началась советизация Армении, «он все бросил и приехал в Ереван. Сюда же приехала целая группа крупных ученых из самых разных стран. Всех их объединяли общие чувства – энтузиазм и патриотизм»¹⁵. Патриотизм – одна из самых ярких черт личности С.П. Гамбаряна. Как пишет Вартан Хачатурьян, «строительство и развитие Армении, возможность трудиться на ее благо вызывали у Степана Павловича подлинный энтузиазм» (здесь и далее цитаты приводятся по данному изданию)¹⁶. Об этом красноречиво свидетельствуют и письма, относящиеся к тому времени. Осенью 1922 г. С.П. Гамбарян писал брату и невестке: «Постоянно я должен жить здесь. Я страшно люблю Армению и чем дальше, тем больше». Спустя несколько лет он признавался: «Тифлис сделался каким-то чужим. А в Эривань я приезжаю как домой». Работы было действительно много. В 1920-е годы «в Армении широким фронтом изучались возможности организации горной, химической, фармацевтической промышленности, и С.П. Гамбаряну как “главному химику” поручали давать заключение о перспективах тех или иных направлений. Он изучает возможности культивирования в республике пахучих растений, переработки спирта на бывшем Шустовском заводе, производит анализ арзнийских минеральных вод». С.П. Гамбарян занимался и

научной, и педагогической деятельностью: в 1930-е «преподавал, а также вел или курировал лабораторные исследования почти во всех вузах Армении, был консультантом на заводе с<интетического> к<аучука> и других предприятиях с химической технологией». Именно им был организован Институт органической химии АН Армянской ССР. Степан Павлович подготовил множество химиков и инженеров.

Мечтой Степана Павловича было собрать в Армении всех родных. Он писал младшему брату Петру в Париж: «Я действительно хочу, чтобы все мы жили в Армении и работали вместе. Это не столько нужно для Армении, которая отлично может обойтись без нас, а нужно это для нас самих, для твоих малюток». По его настоянию в 1928 г. Петр, окончивший Сорбонну по специальности «кристаллография и геология», приехал в Эривань вместе с семьей. П.П. Гамбарян работал в Государственном геолого-разведывательном управлении, принимал участие в Севанской экспедиции академика Л. Лессинга¹⁷. В 1933 г. он погиб в аэропланной катастрофе.

Степану Павловичу пришлось осваивать и язык исторической родины. По сообщению Н.П. Гамбарян, «родным языком для него (так же, как и для его отца, деда, прадеда <...>) был русский. Армянский учили (из патриотических чувств) как иностранный. Но если немецкий и французский были почти родными, то чтение лекций в созданных им с плеядой друзей вузах Эривани требовало большого дополнительного труда»¹⁸. В мандельштамовской характеристике речи Гамбаряна причудливо переплетаются прямой и переносный смыслы: «Химик Гамбаров говорит по-армянски с московским акцентом. Он весело и охотно обрусел» (3, 182). Упоминание о московском акценте здесь – явная метафора. С.П. Гамбарян никогда в Москве не учился и не работал. По словам М.С. Гамбарян, его не раз приглашали в Москву и предлагали кафедру, но он неизменно отвечал: «Мое место в Армении»¹⁹.

В «Путешествии в Армению» Мандельштам уделяет немало внимания внешности своих героев, их физическому облику. Не стал исключением и химик Гамбаров:

«У него молодое сердце и сухое поджарое тело. Физически это приятнейший человек и прекрасный товарищ в играх» (3, 182). Сходное впечатление отразилось и в воспоминаниях его дочери: «Вспоминаю сияющее, улыбающееся лицо всегда рядом. Игры – вместе, уроки – вместе. <...> Каким большим праздником для детворы были игры, возглавляемые отцом...»²⁰.

Игра в волейбол предстает одной из привычек Гамбаряна: «Горный воздух его молодил, он засучивал рукава и кидался к рыбацкой сетке волейбола, сухо работая маленькой ладонью» (3, 182). Описание внешности персонажа у Мандельштама, как правило, неотделимо от характеристики поведения: «С женщинами – он рыцарственный Мазепа, одними губами ласкающий Марию, в мужской компании – враг колкостей и самолюбий, а если врежется в спор, то горячится, как фехтовальщик из франкской земли» (3, 182). Возможно, в последнем сравнении отразился факт пребывания Гамбаряна в Германии.

Как вспоминает М.С. Гамбарян, ее отец действительно был физически крепким человеком²¹. Косвенным подтверждением этого можно считать один из самых драматичных эпизодов «Путешествия»: «...однажды, соревнуясь с комсомольцем Х., Гамбаров затеял обогнуть вплавь всю тушу Севанского острова» (3, 182). Н.П. Гамбарян полагает, что соревнования не было, а была «просто “прогулка” вдвоем (вплавь). Остров довольно большой. Очень красив и разнообразен (за каждым поворотом совершенно другой ландшафт)»²². Однако эта прогулка едва не закончилась трагически: «Шестидесятилетнее сердце не выдержало, и, сам обессилевший, Х. вынужден был покинуть товарища, вернулся к старту и полуживой выбросился на гальку. – То-то поднялась тревога. <...> Люди заметались по острову, гордые сознанием непоправимого несчастья» (3, 182–183). Как вспоминает А.А. Худавердян, «надо было видеть в эти часы Осипа Мандельштама, возбужденного, возмущенного случившимся. Он подходил к каждому, хватал за рукав и с жаром говорил: “А ведь человек погиб зря, беды бы не случилось, если бы лодка и пловцы были у нас здесь, у причала”».

Напряжение все увеличивалось. «Непрочитанная газета загремела жестью в руках» (3, 183). – «Телеграмма Правительству о гибели профессора Гамбаряна давно была подана»²³. По свидетельству Н.П. Гамбарян, Степан Павлович остался в живых потому, что под ногами у него оказался пик подводной скалы. Он дождался помощи чуть не по горло в ледяной воде²⁴. Эпизод завершается почти ликующим финалом: «Когда экспедиция во главе с товарищем Кариньяном, имея с собой одеяло, бутылку коньяку и все прочее, привезла оконченного, но улыбающегося Гамбарова, подобранного на камне, его встретили аплодисментами. Это были самые прекрасные рукоплескания, какие мне приходилось слышать в жизни: человека приветствовали за то, что он еще не труп» (3, 183). Мы вновь видим этого человека улыбающимся – вот и еще одно свидетельство его жизнелюбия.

С.П. Гамбарян отнюдь не был чужд миру культуры. Неизвестно, насколько тесно общался Мандельштам с Гамбаряном, но можно с уверенностью предположить, что одним из их общих интересов была музыка. Мария Степановна вспоминает: «...хотя мои родители и были учеными, в нашем доме царил культ музыки. Среди моих родственников были музыканты-профессионалы. Да и сама мама окончила в свое время музыкальное училище. У нее было настоящее чутье музыканта»²⁵. (Супруга Степана Павловича, Софья Георгиевна Тамамшева, по специальности была ботаником.) С.П. Гамбарян любил и ценил музыку, регулярно посещал концерты²⁶. Мария Гамбарян с 12 лет училась в школе при Московской консерватории²⁷.

Но и основная специальность С.П. Гамбаряна, вне всякого сомнения, не могла оставить Мандельштама равнодушным. Конечно, странно искать в тех или иных реальных событиях непосредственный источник конкретного художественного образа. Тяга к естественным наукам была свойственна Мандельштаму в разные периоды жизни. Об этом писала, в частности, Е. Завадская²⁸. Но с особой силой эта тяга проявилась в позднем его творчестве. И здесь, по всей вероятности, немалую роль сыграло общение с С.П. Гамбаряном. Много упоминаний о химии встретилось в «Раз-

говоре о Данте»²⁹: «Теперь попробуем охватить всю семнадцатую песнь в целом, но с точки зрения органической химии дантовской образности...» (3, 232)³⁰. Не забудем, что С.П. Гамбарян – специалист в области органической химии. Едва ли случайно химическая тема в этом мандельштамовском произведении часто соседствует с музыкальной: «Музыка здесь не извне приглашенный гость, но участница спора; а еще точнее – она способствует обмену мнений, увязывает его, благоприятствует силлогистическому пищеварению, растягивает предпосылки и сжимает выводы. Роль ее и всасывающая и рассасывающая – роль ее чисто химическая (3, 243)». Оказывается, музыка обладает неотъемлемыми химическими свойствами: «В пляске дирижера <...> находит свое выражение химическая природа оркестровых звучаний, а дирижерская палочка содержит в себе качественно все элементы оркестра» (3, 244). И дальше эта палочка прямо сравнивается с химической формулой. Кроме того, по Мандельштаму, «дантовские песни суть партитуры особого химического оркестра», в которых различимы арии и ариозо, а Данте – это «самый сильный химический дирижер существующей только в наплывах и волнах, только в подъемах и лавированьях поэтической композиции» (3, 245).

Мандельштамовская рецензия на вышедший в 1935 г. сборник литкружковцев Метростроя «Стихи о метро» открывается фразой: «В одной из шахт Метростроя на Смоленской площади работали люди 34 профессий (резинщики, химики, токари, формовщики, мебельщики и др.) – так велика была тяга к работе на Метрострое» (3, 264). Примечательно, что первыми в этом перечне оказались резинщики и химики.

С.П. Гамбарян – один из создателей советского синтетического каучука. Производство каучука, важная победа социалистического строительства, нашло свое отражение и в художественной литературе. Так, перу Г.А. Санникова принадлежит поэма «Каучук». Рецензируя книгу Санникова «Восток. Стихотворения и поэмы 1924–34», Мандельштам вписывает эту поэму в русскую литературную традицию: «В “Каучуке” Санников говорит о горном каучуконосном

растении тау-сагызе, словно о романтическом кавказском герое эпохи Марлинского:

При шапке крупного размера
Листвы игольчатой, с лица
Он выглядел довольно дико...

Блеском романтического костра озарено случайное открытие каучуконосного растения» (3, 271). Далее Мандельштам со свойственной ему метафоричностью описывает химические свойства водорода и упоминает об органической химии: «Водород – самый подвижный элемент в органической химии. Перемещаясь, вступая в соединения, он работает с удивительной дерзостью, как гимнаст на трапеции»³¹ (3, 271).

Научную карьеру С.П. Гамбаряна можно назвать блистательной. В 1920–1938 гг. он руководил кафедрами и лабораториями органической химии в Ереванском государственном университете, Ереванском политехническом институте, медицинском, сельскохозяйственном и зооветеринарном институтах. В 1935 г. получил звание заслуженного деятеля науки Армянской ССР, с 1937 г. С.П. Гамбарян – доктор химических наук. В 1935–1938 гг. был членом Президиума и заведующим отделом органической химии Армянского филиала АН СССР.

Но, как справедливо отмечает В. Хачатурьян, «специалист, получивший образование в Германии и имевший там коллег и знакомых, вряд ли мог уберечься от репрессий»³². В июне 1938 г. его арестовали по обвинению, фантастичности которого, пожалуй, подивился бы и Кафка: «хотел взорвать завод без взрывчатых веществ»³³. Вот что рассказывает о том времени М.С. Гамбарян: «Летом 1938 года, когда мы с мамой собирались к папе в Ереван и считали дни до нашей встречи, папу арестовали. Я была одна дома, когда пришла телеграмма от бабушки, где он просил нас задержаться в Москве и не приезжать в Ереван. Какой-то детской интуицией я почувствовала, что произошло. Мой отец старался воспитать во мне чувство патриотизма. <...>. Собы-

тия 1937–1938 годов полностью меня сразили. <...> Сейчас, перечитывая письма отца, я вижу, что от того воодушевления, которое было, когда он приехал из Мюнхена в Ереван, и которое первые годы нарастало и нарастало, не осталось и следа. В одном из писем – такая фраза: “Меня посетило самое страшное чувство, это чувство – равнодушие”. А через несколько месяцев после этого письма его арестовали...»³⁴.

По сведениям В. Хачатурьяна, первые годы после ареста Степан Павлович находился в заключении, а с начала 1942 г. был в ссылке в Семипалатинской области, в совхозе Чалобая, недалеко от станции Чарская Туркестано-Сибирской железной дороги³⁵. Какое-то время ему пришлось быть совхозным пастухом, но истощенному ссыльно-му оказалось не под силу управляться со стадом³⁶.

Степан Павлович и в ссылке не утратил оптимизма. Когда в 1944 г. он нашел приют в семье учителей местной школы, то писал в одном из писем: «Я попал в наилучшие за все время моего здесь пребывания условия – регулярное питание, уютная обстановка, хорошее место на деревянном полу (это здесь тоже редкость, т. к. полы преимущественно земляные), рядом с теплой печкой...» Повод для радости и в самом деле был. В первых письмах из совхоза Степан Павлович рассказывал, что ему приходится спать «на двух узеньких досках: повернешься неудачно, и одеяло, тюфяк падают»³⁷.

Степан Павлович искренне радуется и за себя, и за других. Он пишет племяннице Кристине: «Такая радость: служба с окладом, делающим тебя опорой семьи! Тебя интересуется твоя работа на заводе по хронометражу и нормировке? Это очень хорошо. Ведь, знаешь, меня тоже в конце концов заинтересовала моя работа учетчика. Во всякой работе есть интересная сторона...»³⁸.

С.П. Гамбаряну даже посчастливилось вернуться к научным занятиям. М.С. Гамбарян вспоминает: «В 1944 году в Армении открылась Академия наук, но ученых на месте не оказалось. Кого же выбирать в академики? Стали искать по лагерям. Мой отец оказался жив, и ему послали вызов. Он приехал в Ереван тяжело больным»³⁹. Степан Павлович

писал родителям жены: «Встретили меня в Ереване хорошо. Оказалось, что у меня здесь много друзей. И работу тоже предоставили, и паек дают, и консультантом зовут»⁴⁰. К сожалению, обширным планам не суждено было сбыться. Здоровье Степана Павловича было основательно подорвано. В 1947 г. он уже почти не работал. С.П. Гамбарян умер от лейкемии в Москве 7 марта 1948 г. Похоронен в Ереване.

В посвященном Гамбаряну отрывке «Путешествия в Армению» остается немало загадок. Что заставило Мандельштама сравнить химика Гамбарова с Мазепой? Откуда появились военные и церковные образы? Но при знакомстве с фактами из жизни Гамбаряна трудно не оценить точность мандельштамовского определения *жизнерадостный*. В одном слове оказалась заключена емкая характеристика нового собеседника. Очевидно и то, что общение с этим человеком оставило заметный след в творчестве Мандельштама.

¹ Благодарю всех тех, кто любезно предоставил материалы об С.П. Гамбаряне и помогал в сборе сведений о нем: Марию Степановну Гамбарян, Нину Петровну Гамбарян, Александру Сергеевну Гамбарян, Наталью Евгеньевну Гамбарян, Ирину Александровну Гаспарян, Степана Петровича Гамбаряна и Наталью Ильиничну Рукояткину. Отдельная благодарность Сергею Геннадьевичу Шиндину, чьи советы также помогли в работе. Кроме того, использовались материалы сайта: <http://www.sci.am/members.php?mid=251&langid=3>. Все цитаты из произведений Мандельштама даны в тексте с указанием тома и страницы по изданию: *Мандельштам О. Собрание сочинений*: В 4 т. Т. 1: Стихи и проза 1906–1921. М., 1993; Т. 2: Стихи и проза 1921–1929. М., 1993; Т. 3: Стихи и проза 1930–1937. М., 1994; Т. 4: Письма. М., 1997.

² См.: Автобиография инженера С. Гамбаряна. Январь 1938 (Архив семьи Гамбарянов). В цитатах сохраняется орфография и пунктуация подлинника (далее – Автобиография...).

- ³ Во многих источниках приводится арменизированная форма отчества – Погосович (Погос – армянский вариант имени Павел). См., например: *Михайлов А.Д., Нерлер П.М.* Комментарии // Осип Мандельштам. Соч.: В 2 т. Т. 2. Проза. М., 1990. С. 426. Между тем, по свидетельству племянницы С.П. Гамбаряна Нины Петровны Гамбарян, «все всегда называли его Степан Павлович, даже говоря по-армянски (в армянском отчества не употребительны)». (письмо автору от 26.12. 2008.)
- ⁴ Фамилии грузинских армян в те годы были с русскими суффиксами, и Степан Павлович изначально носил фамилию Гамбаров. Армянский вариант Гамбарян появился, очевидно, уже в советское время.
- ⁵ Автобиография...
- ⁶ *Гусельников И.* Мария Гамбарян // Филармоник. 2000. № 6.
- ⁷ Автобиография...
- ⁸ В 1899–1906 гг. С.П. Гамбарян учился в Лейпцигском, Гейдельбергском и Мюнхенском университетах.
- ⁹ Автобиография...
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Письмо автору от 26.12. 2008.
- ¹² Автобиография...
- ¹³ Письмо автору от 26.12.2008.
- ¹⁴ Автобиография...
- ¹⁵ *Гусельников И.* Мария Гамбарян // Филармоник. 2000. № 6.
- ¹⁶ *Хачатурьян В.* Под гнетом власти роковой // Элитарная газета. 2001. № 7 (81).
- ¹⁷ Кроме того, Петр Гамбарян был талантливым художником: во флигеле тбилисского дома Гамбарянов он написал фреску во всю стену. С.П. Гамбарян пишет, что брат «настойчиво изучал технику фресковой живописи и создал художественное произведение, высокое качество которого признавал художник Татевосян (Тбилиси)» (см.: Автобиография...).
- ¹⁸ Письмо автору от 26.12.2008.
- ¹⁹ Устное сообщение М.С. Гамбарян. Как поясняет Н.П. Гамбарян, «приглашали его крупные московские химики (например, <Н. Д.> Зелинский), знавшие о поголовном истреблении науки в Армении, желая спасти его лично. А ему не хоте-

лось спастись одному, когда все друзья погибли». (Письмо автору от 08.04.2009.)

²⁰ Гусельников И. Указ. соч.

²¹ Устное сообщение М.С. Гамбарян.

²² См.: Письмо автору от 26.12.2008.

²³ Худавердян А.А. Встречи с поэтом. См. в настоящем сборнике.

²⁴ Письмо автору от 26.12.2008. Несколько иную версию эпизода излагает в своих воспоминаниях А.А. Худавердян «Встречи с поэтом».

²⁵ Гусельников И. Указ. соч.

²⁶ Немало интересных сведений о музыкальных вкусах С.П. Гамбаряна можно найти в указанной статье В. Хачатурьяна.

²⁷ Ныне М.С. Гамбарян – заслуженная артистка Армении, заслуженная артистка России, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных, активно концертирующая пианистка.

²⁸ Завадская Е. Поэзия и природа. О.Э. Мандельштам о значении естественных наук для поэзии // Простор. 1990. № 4. С. 180.

²⁹ Благодарю С.Г. Шиндина за указание на это.

³⁰ О роли понятия органического в мировоззрении и творчестве Мандельштама см.: Пак Сун Юн. Органическая поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2008.

³¹ На эту мандельштамовскую рецензию мое внимание обратил С.Г. Шиндин.

³² Хачатурьян В. Указ. соч.

³³ Устное сообщение М.С. Гамбарян.

³⁴ Гусельников И. Указ. соч.

³⁵ Хачатурьян В. Указ. соч.

³⁶ Устное сообщение М.С. Гамбарян.

³⁷ Хачатурьян В. Указ. соч.

³⁸ Там же.

³⁹ Гусельников И. Указ. соч.

⁴⁰ Хачатурьян В. Указ. соч.

Полина Поберезкина

МИХАИЛ РУДЕРМАН
И ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

С января 1932 г. по октябрь–ноябрь 1933 г. О.Э. Мандельштам, как известно, жил в Москве, на Тверском бульваре, 25. Одним из соседей по правому флигелю был поэт Михаил Исаакович Рудерман (1905–1984). Поздний мемуарный очерк, любезно предоставленный для публикации дочерью и внуком Рудермана – Татьяной Михайловной и Николаем Всеволодовичем Могилевскими, – проясняет обстоятельства получения им комнаты в Доме Герцена. Текст печатается по авторизованной машинописи, содержащей незначительную правку; пунктуация приведена в соответствии с современными требованиями.

Незабываемое

Я иду с внуком Колей по солнечному тротуару на юго-западе Москвы. Коля поступает в первый класс. За плечами у него новенький ранец. В нем тетради, книжки, цветные карандаши. Все это мы только что купили в магазине «Школьник» на проспекте имени В.И. Ленина. Мы сворачиваем направо, и вот мы уже на улице, где тот же полдневный зной. Здесь так же много детей. Эти семилетние мальчики и девочки идут с родителями, нагруженные пособиями и подарками, загорелые, веселые, счастливые...

Коля поднимает кверху глаза и читает по складам буквы на табличке.

– Улица Марии Ульяновой. Кто это Мария Ульянова? – спрашивает он.

– Это сестра Ленина.

– Сестра Ленина...

Глаза внука широко раскрываются, и в них сверкают искорки восторга.

Много лет назад, начинающий журналист, я работал в газете «Комсомольская правда». Написав новое стихотворение, я решил предложить его «Правде». Робко я вошел в дом на Тверской улице, 48, и увидел табличку с надписью: «Рабоче-Крестьянский корреспондент». Меня встретил энергичный и обаятельный редактор литературного отдела «Правды» С.В. Евгенов. Взяв мою рукопись, он исчез за обитой черной клеенкой дверью. Минут через десять он вернулся.

– Мария Ильинишна просит вас пройти к ней.

Я с бьющимся сердцем вошел в большой кабинет. В углу у окна за письменным столом сидела худенькая седеющая женщина в черном платье с ослепительно белым воротничком. Она мне показалась очень усталой. Она посмотрела на меня внимательно и сказала:

– Садитесь. Я прочла ваши стихи. Они мне нравятся. Только попрошу последнюю строфу переработать. Она написана небрежно. А стихи мы напечатаем.

И она улыбнулась так доброжелательно, что мое волнение исчезло вмиг.

Я взял листок со стихами и направился к двери.

– Пойдите, – остановила меня Мария Ильинишна. – Почему, юный автор, вы такой худой и бледный? Как у вас с жильем и питанием?

Я пожал плечами.

– У меня все в порядке. Я здоров.

– Ну, хорошо, – кивнула мне Мария Ильинишна. – Поскорей приносите стихи.

Я не шел, а летел по Тверской улице. Мои стихи напечатывают в «Правде»! Мне хотелось остановить каждо-

го прохожего и прокричать ему: «Мои стихи напечатают в “Правде”!» Их действительно напечатали в ближайшее воскресенье. Я купил номер газеты на станции Лосино-островское, где в то время жил. А жил так: снимал восьмиметровый угол за фанерной перегородкой в домике у одной цыганки по фамилии Огонькова. Хозяйка моя, бывшая певица, жена фабриканта, который эмигрировал после революции за границу, сдавала комнаты жильцам. Я носил воду и дрова. Зимой мерз от холода. Часто после вечернего дежурства, опоздав на поезд, ночевал на вокзале, на деревянной скамье, и возвращался утром в редакцию. Хозяйка моя недоверчиво относилась к моей профессии и говорила:

– Что вам дают ваши стихи?

Я не отвечал. До сих пор люди, которые мне задают подобный вопрос, вызывают у меня глухое раздражение. Но у моей хозяйки была прелестная внучка Лена. Играя с ней, я думал, что когда она вырастет, то не будет задавать бабушкиных вопросов.

Прошло время. Мне позвонили из Рабкрин (Рабоче-крестьянская инспекция). Я пришел по указанному адресу. Человек в кожаной куртке протянул мне какую-то бумагу. Это был ордер на небольшую комнату в центре Москвы на Тверском бульваре. Я не верил своим глазам. Оказалось, что Мария Ильинишна узнала о том, как я живу за городом.

Я не был исключением. Мария Ильинишна по разным поводам помогала многим и многим людям, в том числе рабочим и крестьянским корреспондентам, начинающим журналистам и литераторам. Когда я уезжал из Лосино-островского, моя хозяйка смотрела на меня с известным уважением. Оказывается, писать стихи не такое уже праздное занятие...

...Я прихожу с моим Колей домой.

– Мама! – кричит он, – мой дедушка знал родную сестру Ленина.

Нет, мальчик. Я не знал сестру Ленина. Я просто несколько раз беседовал с ней как автор. Что же? Когда мой внук научится читать не по складам, а бегло, когда вырастет, он обязательно узнает и поймет, что ленинская, деятельная заботливость и внимание Марии Ильиничны к людям были в конечном счете направлены к нему, маленькому первокласснику 1967-го года, к миллионам таких, как он, ребят, детство которых поистине замечательно, детство нового поколения советских людей.

Очерк «Незабываемое» перекликается с мемуарами «Мария Ильинична» упомянутого писателя и журналиста Семена Владимировича Евгенова (1897–1973): «Началась моя работа в “Правде”. Я был назначен секретарем редакции рабселькоровского журнала и введен в его редколлегию.

Помещалась редакция на третьем этаже, наискосок от секретариата “Правды”. <...>

Дверь из секретариата вела в кабинет Марии Ильиничны. Это была самая большая комната на этаже, немногим больше двадцати квадратных метров. Перед письменным столом стояли широкие пружинные кресла, обитые черной кожей, и такой же диван. <...>

Литературный отдел поручили мне, я вел его года два.

Мария Ильинична любила стихи и была искренним другом поэтов. При ее поддержке удавалось чаще печатать стихи. В некоторых номерах стало появляться даже по несколько стихотворений, посвященных политической “злобе дня”. Рядом с маститым Демьяном <Бедным> печатались тогда в “Правде” Альтаузен, Безыменский, Бродский, Доронин, Жаров, Железнов, Инбер, Казин, Владимир Луговской, Иван Молчанов, Ойслендер, Олендер, Рудерман, Санников, Светлов, Сидоренко, Уткин, Шведов и другие. Комсомольская молодежь преобладала среди поэтов»¹.

К сожалению, не удалось установить, о каком именно стихотворении идет речь в мемуарном очерке Рудермана: он печатался в «Правде» с 1925 г.², а с середины 1920-х регуляр-

но публиковался и в «Комсомольской правде», «Красной нови», «Новом мире», «Октябре». В 1928 г. «Новый мир», в числе других рецензий Рудермана³, поместил его отклик на «Стихотворения» Мандельштама⁴:

«В книге – стихотворения сборников “Камень”, “Tristia” и стихотворения 1921–25 гг. В первом разделе отчетливо выступает лицо поэта-акмеиста, пропагандирующего “осязаемость”, “предметность” явлений.

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность...

...Образ твой мучительный и зыбкий
Я не мог в тумане осязать.

Это – программные стихи художника, противопоставившего символистской теории соответствий полную смысловую отчетливость образа. В свое время эти стихи были вызовом философии символистов, были полным пересмотром художественных интересов. Но так же как и стихи С. Городецкого, Н. Гумилева, М. Зенкевича и других, они не были связаны с пересмотром идеологической основы символизма. Поэтому наряду с “обыгрываньем вещей” и реализмом стихотворений “Кинематограф”, “Лютеранин” и т. д. мы встречаем у Мандельштама мистические мотивы:

Я в хоровод теней, топтавших нежный луг,
С певучим именем вмешался,
Но все растаяло, и только слабый звук
В туманной памяти остался.

Поэт воспевает “блаженное, бессмысленное слово”, “царство мертвых”, “божье имя” и т. д., отдавая дань символистским теориям о потустороннем мире.

Но такие мотивы не характерны для Мандельштама. В основном его творчество идет по линии реалистического показа действительности. “Notre Dame”, “Старик”, “Петербургские строфы”, “Tristia” и др. являются образцами ску-

пого и завершенного письма, рельефных портретов и пейзажей. Особого искусства достигает поэт в стихах последних лет, совпадающих с периодом увлечения четким пушкинским стихом и появлением группы “неоклассиков”.

Стихотворения “Феодосия”, “Мне Тифлис горбатый снится”, “Язык булыжника мне голубя понятней” проникнуты пафосом безмятежной, живущей своей особой жизнью природы, пафосом красок и форм. Здесь утверждается торжество жизни с ее эпикурейскими радостями.

Человек бывает старым,
А барашек молодым.
И под месяцем поджарым,
С розоватым винным паром
Полетит шашлычный дым.

Хороши лирические миниатюры “Я не слышал рассказов Оссиана”, “Я наравне с другими”, “В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа”, в которых есть необычная для Мандельштама задушевность и даже страстность. В них цвета и краски подчинены человеческой воле, а не являются фетишами, как в других стихотворениях поэта.

Мандельштам – несомненный мастер стиха. В его торжественных и медлительных строфах, в конкретных и смелых эпитетах, в зрительных образах, в тонкой мелодической инструментовке – та сложная простота, о которой мечтают многие современные эпигоны классиков.

Но значение Мандельштама для нового читателя и роль его в современной поэзии непропорциональны его большой поэтической культуре.

Не переставая совершенствоваться, как художник, он перестал ощущать динамику жизни, перестал быть современником.

Нет, никогда ничей я не был современник.
Мне не с руки почет такой,
И как противен мне какой-то соименник,
То был не я, то был другой.

Оставаться в пределах *статического* изображения мира, воспевать бесстрашие вещей и наименований значит идти по пути замкнуто-субъективного творчества. И конечно, нельзя не пожалеть, что поэт, обладающий подлинным зрением художника, глядит как-то поверх или мимо современности.

Поэтому рецензируемая книга воспринимается как интересное, значительное, но уже минувшее явление русской поэзии»⁵.

Рудерман окончил Харьковский университет (в то время – Харьковский институт народного образования) и не мог не ощутить повышенного внимания к акмеизму в поэтических и литературоведческих кругах послереволюционного Харькова. В ноябре 1923 г. журнал «Червоний шлях» («Красный путь») поместил сообщение «Лаборатория “Цех поэтов”»: «Русские молодые поэты основали в Харькове лабораторию поэтического творчества под названием “Цех поэтов”, где проводится кружковая работа по самообразованию и совершенствованию в области изучения поэтического творчества. Принимают участие следующие поэты: Е. Хазин, Н. Волосевич, Рудерман, Красновский и другие. Литераторы: Метгер, Савельева и другие»⁶. Несколько месяцев ранее в другом харьковском журнале – «Студент революции» – была опубликована рецензия Рудермана на посмертное издание «Писем о русской поэзии» Гумилева⁷.

Признавая литературный опыт и мастерство Гумилева и Мандельштама, молодой поэт не был адептом акмеизма. Так, в стихотворении «Вещи» он пытался преодолеть «бесстрашие вещей и наименований»:

Мы с гиком и бранью палили во мгле
Костры из карельской березы.
Резные диваны на щепья – колоты!
Рояль белозубый – в поленья!⁸ –

вызвав недоумение критика: «Из каких фактов нашего бытия сделаны такие заключения поэта?»⁹ Данная рецензентами характеристика ранней лирики Рудермана перекликается с его отзывом

о стихах Мандельштама: «В своих произведениях 1927–1928 гг. Рудерман живописует природу, его зимние и осенние созерцательные пейзажи связаны либо с ощущением оседлости, покоя, чье “изумрудное пламя цветет в очаге и во взглядах”, либо со слабым осознанием тусклости и бессмысленности подобного бытия. <...> Повседневную жизнь Страны советов и людей, строящих в ней социализм, Рудерман наблюдает лишь издали. <...> Причина грусти заключается в изолированности героя, в его отдаленности от жизни, в замкнутости его субъективных переживаний»¹⁰; «Причины, объясняющие творческое топтание на месте Рудермана, заключаются в том, что его поэзия, как видно из всего сказанного, не живет нашей действительностью. Рудерман оторвался от действительности и до сих пор не находит в себе сил, чтобы выбраться из узкой, замкнутой литературщины. Рудерман должен как следует задуматься над тем, что узкая литературная замкнутость лишает его самостоятельного голоса. Груз поэзии Пастернака, Блока, Есенина довлеет над всеми стихами Рудермана»¹¹.

Финальное суждение рецензии Рудермана в «Новом мире» – об «интересном, значительном, но уже минувшем явлении русской поэзии» – в воспоминаниях Э.Г. Герштейн вложено в уста его жены. «Рудерман, – кричала она в коридоре, – молодой поэт, активно работающий, а Мандельштам – старик, уже не пишущий, а если и пишет иногда, все равно он – *бывший* поэт, устаревший»¹². В 1930–1933 гг. Рудерман выпустил несколько детских книжек («Петрушка беспризорный», «Субботник», «Эстафета», «Северный май») и поэтический сборник «Звездный пробег». «За последние годы его стихи появлялись почти во всех “толстых” и “тонких” лит<ературно>-худ<ожественных> журналах», – замечал рецензент в 1934 г.¹³ Однако до «Песни о тачанке» (1936), положенной на музыку К.Я. Листовым и принесшей автору всесоюзную известность, критика не была слишком благосклонной к нему.

Другой словесный портрет оставил Б.С. Кузин: «Тихий и серьезный Миша Рудерман приехал в Москву изучать высший пилотаж поэтического мастерства у Иосифа Уткина, жившего в том же доме, но не в комнатке, а в приличной квартире, так как был он в то время в почете»¹⁴. Миша сообразил, что и у Мандель-

штама можно кой-чему поучиться. Не раз я заставал его у О.Э. Он выучился, чему хотел»¹⁵. Уткин, упомянутый Мандельштамом в составе жилищной комиссии¹⁶, вел «Литературную страницу» в «Комсомольской правде», где работал Рудерман, и критика отмечала его влияние на молодого поэта: «сплошь и рядом попадают-ся и уткинские сентенции»¹⁷. Учеба Рудермана у Мандельштама (как и у Гумилева), думается, касалась скорее поэтической теории, чем практики. В его статье «Поэт и читатель» сочувственно цитируется мандельштамовский «Выпад»:

«Поэтическая грамотность ни в коем случае не совпадает ни с грамотностью обычной... т. е. умением читать буквы, ни даже с литературной начитанностью.

Если литературная неграмотность в России велика, то поэтическая неграмотность чудовищна, и тем хуже, что ее смешивают с общей, и всякий умеющий читать считается поэтически грамотным».

Это сказал О. Мандельштам в своей книжке «О поэзии» (Akademia, 1928 г.), сказал совершенно правильно, как лицо заинтересованное, как поэт, жаждущий повышения поэтической грамотности читателя. Но это высказывание, так же как и приведенные мною факты активного воздействия на читателя, совсем не предполагает отсутствия во всяком читателе права на свободный выбор стихов, на критику, на вмешательство в дело поэтического хозяйства. Советской поэзии нужен активный читатель, читатель-критик, совместно с поэтом решающий судьбы стихов»¹⁸.

Статья в «Литературной газете» опубликована в период соседства на Тверском бульваре, и, вероятно, книгу «О поэзии» Рудерман получил из рук автора. Мандельштам прожил в правом флигеле Дома Герцена менее двух лет; Рудерман – четверть века, пока жилые помещения не были переданы в ведение Литературного института им. А.М. Горького. Бывшие студенты вспоминали его спустя десятилетия: «Мы его знали давно, а он нас вряд ли помнил. Дело в том, что он долгие годы жил на Тверском бульваре, во дворе Литературного института, когда-то еще вместе с Платоновым, Мандельштамом, Пильняком. Теперь освобождали флигели, и его переселили.

Это был милый, трогательный человек. Он всегда находился в движении: выйдешь за хлебом, и он идет по улице, заходит в булочную, становится в очередь и вдруг ее оставляет. Поедешь в наш клуб, а он уже там – пьет кофе. Когда-то Юрий Карлович Олеша сказал: “Гуляя по улице Горького, вы обязательно встретите двух Рудерманов, идущих друг другу навстречу...” Он любил и остановить у подъезда, поговорить о поэзии¹⁹.

¹ См.: *Евгенов С.* Жизнь на миру: Очерки-воспоминания о воителях и мечтателях, о газетчиках и поэтах. М., 1967. С. 153–154, 183.

² См., в частности: «Ответ» (1925. № 260. 14 нояб. С. 3); «Будни» (1925. № 272. 28 нояб. С. 3); «21 января 1924 года» (1926. № 18. 22 янв. С. 5); «Идем с весной» (1926. № 50. 2 марта. С. 2); «Скоро» (1926. № 77. 4 апр. С. 3); «Об острове» (1926. № 299. 25 дек. С. 2); «Слово» (1928. № 103. 5 мая. С. 4), «Молодому рабочему» (1928. № 204. 2 сент. С. 3), «Сквозь одиннадцать...» (1929. № 45. 23 февр. С. 3).

³ Жаров А. Рост: Стихи // Новый мир. 1927. № 10. С. 222–223; Малахов С. Песни у перевоза: Стихи // Там же. № 11. С. 239; Четвериков Дм. Заиграй овражки: Роман // Там же. 1928. № 10. С. 272; Кириллов В. Вечерние ритмы // Там же. № 11. С. 287; Грабарь Л. Семейная хроника. Книга 1-я: Прибой // Там же. 1929. № 7. С. 235–236.

⁴ Этому предшествовала краткая реплика о стихах Е.Д. Эркина: «У Эркина есть опасное пристрастие к недействительным, вышедшим в тираж, словесным темам, широко применявшимся Ходасевичем и Мандельштамом» (*Рудерман М.* [Рецензия] // Новый мир. 1927. № 7. 204 с.). Рец. на кн.: *Эркин Е.* Август: Стихи. М.: Изд-во писателей «Сегодня», 1927. 74 с. Ср.: «До сих пор в его творчестве можно увидеть некий акмеистический холодок, подчас мудрствование от Мандельштама, подчас известный формальный снобизм. <...> В прозрачном и изящно-очерченном “Августе” последняя строфа испорчена нарочитой мудростью Мандельштамовского толка» (*Зарудин Н.* [Рецензия] // Красная новь.

1927. № 6. С. 265–266). Рец. на кн.: *Эркин Е.* Август: Стихи. М.: Изд-во писателей «Сегодня», 1927. 76 с.
- ⁵ *Рудерман М.* [Рецензия] // *Новый мир.* 1928. № 8. С. 222–223. Рец. на кн.: *Мандельштам О.* Стихотворения. ГИЗ, 1928. С. 194.
- ⁶ *Хроніка* // *Червоний шлях.* 1923. № 8. Листопад. С. 280. Перевод с украинского наш. – П. П.
- ⁷ *Рудерман М.* [Рецензия] // *Студент революції.* 1923. № 6. С. 123–124. Рец. на кн.: *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии. Пг.: Мысль, 1923; См.: *Поберезкина П.Е.* Об одной рецензии на «Письма о русской поэзии» Н. Гумилева // *Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 4.* Симферополь, 2006. С. 200–204.
- ⁸ *Красная новь.* 1927. № 3. С. 134.
- ⁹ *Тис А. (Блюм В.И.?)* «Звездный пробег» // *Литературная газета.* 1934. № 123. 14 сент. С. 2.
- ¹⁰ *Сеvрук Ю.* Прощание с сонным миром // *Художественная литература.* 1933. № 12. С. 31.
- ¹¹ *Замотин Н.* Оптимизм на холостом ходу // *Молодость: Альманах первый.* М., 1934. С. 213. Рец. на кн.: *Рудерман М.* Звездный пробег. М.: Советская лит-ра, 1933.
- ¹² *Герштейн Э.Г.* Мемуары. СПб., 1998. С. 29. Жена – Екатерина Дмитриевна (урожд. Безгина, 1900–1991); дочери – Нинель (Елена, 1930–2007) и Татьяна (р. 1932).
- ¹³ *Тис А.* Указ. соч. С. 2.
- ¹⁴ Ср. мнение по «квартирному вопросу» одного из обличителей акмеизма: «Жил он <Уткин. – П. П.> тогда на Тверском бульваре, в известном Доме Герцена – двухэтажном здании, где сейчас помещаются Высшие литературные курсы. Комната его находилась на первом этаже и производила невзрачное впечатление. Несмотря на весьма неважные жилищные условия, Уткин никогда не жаловался, но мне все же казалось, что такой крупный поэт достоин лучших условий жизни. И я не мог согласовать свой взгляд на Уткина со взглядом на его апартаменты» (*Волков А.* За одним столом // *В ногу с тревожным веком: Воспоминания об Иосифе Уткине.* М., 1971. С. 134).

- ¹⁵ Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка; *Мандельштам Н.Я.* 192 письма к Б.С. Кузину. СПб., 1999. С. 167.
- ¹⁶ См. письмо И.М. Гронскому: *Мандельштам О.Э.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1999. С. 146.
- ¹⁷ Тис А. Указ. соч. С. 2.
- ¹⁸ Рудерман М. Поэт и читатель // Литературная газета. 1932. № 42. 17 сент. С. 2.
- ¹⁹ Ваншенкин К. Из записей. Наш дом // Литература. 2000. № 47.

Содержание

Об этой книге (П. Нерлер, С. Шиндин, О. Лекманов, А. Еськова).....	7
---	---

IN MEMORIAM

Памяти Александра Анатольевича Морозова

<i>Нерлер П.</i> Александр Анатольевич Морозов (1932–2008)	19
А. Морозов. Библиография. Составление П. Нерлера, Н. Поболя.....	22
Морозов А. Избранные работы. Републикация С. Василенко, П. Нерлера.....	27
Об Александре Морозове. Н. Мандельштам, П. Нерлер, В. Гыдов, О. Лекманов	49
<i>Глезеров Л.</i> «Могу объяснить почти все стихи!».....	58
Александр Морозов беседует и читает стихи. Расшифровка и подготовка текста к публикации О. Шамфаровой.....	60

Памяти Натальи Евгеньевны Штемпель

<i>Нерлер П.</i> Мифы и загадки мандельштамовского Воронежа.....	65
<i>Видгоф Л.</i> Осип Мандельштам – Наталья Штемпель – Воронеж: Три героя двух новых книг	75
Письма Н.Е. Штемпель к Н.Я. Мандельштам. Публикация и предисловие О.В. Турбиной.....	87

Сажин В.

- Архив Н.Е. Штемпель в Российской национальной библиотеке: История и современное состояние 125
- Избранные места из переписки Н.Е. Штемпель с друзьями. *Публикация П. Нерлера* 148

ПУБЛИКАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Публикации

- Новые материалы О.Э. Мандельштама из архива
А.А. Морозова. *Публикация и вступительная
заметка С. Василенко*..... 173
- Фрейдин Ю.*
К проблемам переводческой работы
О. Мандельштама: черновой набросок
перевода 27 строк из пьесы Жюль Ромена
«Армия в городе» 179
- Инскрипты и маргиналии О.Э. Мандельштама.
Публикация С. Василенко и П. Нерлера 201
- Кабанова И.*
Автограф О.Э. Мандельштама в фондах
Государственного музея К.А. Федина..... 229

Воспоминания

- Худавердян А.*
Встречи с поэтом. *Публикация и вступительная
заметка П. Нерлера* 237

Современники

- Портнова Н.*
Осип Мандельштам и Арон Штейнберг
в Гейдельберге 252

<i>Еськова А.</i>		
«Жизнерадостный химик Гамбаров»		260
<i>Поберезкина П.</i>		
Михаил Рудерман и Осип Мандельштам		272

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Шиндин С.</i>		
Категория ритма в художественном мировоззрении Мандельштама.....		291
<i>Плунгян В.</i>		
Метрика О. Мандельштама: к анализу структуры и эволюции.....		342
<i>Безродный М.</i>		
О Мандельштаме: Из «Короба третьего»		370
<i>Успенский Ф.</i>		
«Ублюдок старых лет»: Из наблюдений над поэтической лексикой О.Э. Мандельштама		377
<i>Михушевич В.</i>		
Бог Нахтигаль: Эстетика Канта и Шиллера в стихотворении Осипа Мандельштама «К немецкой речи»		387
<i>Кубатьян Г.</i>		
Предвкушая праздник: Армянская тема в «Четвертой прозе»		396
<i>Сошкин Е.</i>		
«Жил Александр Герцович...»: Материалы для комментария		407
<i>Жолковский А.</i>		
«Гривенник серебряный в кармане».....		460
<i>Черашняя Д.</i>		
Газетные очерки О. Мандельштама января 1922 года как смысловое единство.....		485
<i>Лекманов О.</i>		
Читатель газет: Пресса как фон стихотворений Мандельштама 1930-х годов		495

ВЕНОК МАНДЕЛЬШТАМУ

<i>Скоморовский Р.</i>	
«Пусть каждый день горяч и озабочен...».	
<i>Републикация П. Поберезкиной. Сопроводительная заметка О. Лекманова и П. Нерлера</i>	609
<i>Меркурьева В., Кочетков А.</i>	
Дориану Евгениевичу Архивову.	
Послание в Кунгахеллу.	
<i>Публикация и сопроводительная заметка Т. Нешумовой</i>	611
<i>Ботникова А.</i>	
«Воронежский миф» Мандельштама	
и его продолжение	620

VARIA

<i>Лесскис Г.</i>	
Новый Мандельштам. <i>Публикация и вступительная заметка К. Атаровой</i>	637
<i>Гефтер В.</i>	
Как начиналось...: К истории первого вечера памяти О. Мандельштама в СССР	646
<i>Нерлер П.</i>	
Вечер памяти О. Мандельштама в Цюрихе (4 июня 1989 г.)	
<i>Воспроизведение выступлений А. Синявского, А. Львова, С. Лурье, А. Битова, Б. Сарнова, Е. Эткинда и В. Войновича</i>	653
<i>Кацис Л.</i>	
К поэтике О. Мандельштама «тенишевского» периода: «Тянется лесом дороженька пыльная...»	664
<i>Лекманов О.</i>	
О.Э. Мандельштам в «Записях и выписках» М.Л. Гаспарова (М., 2000): Аннотированный указатель	670
Издания Мандельштамовского общества	
	676
Об авторах и публикаторах	
	679

- С54 **«Сохрани мою речь...»**. Вып. 5. [Ч. 1] / Ред.-сост.:
С. Василенко, А. Еськова, О. Лекманов, П. Нерлер,
С. Шиндин. М.: РГГУ, 2011. (Записки Манделъштамов-
ского общества. Т. 19.) 288 с.

ISBN 978-5-7281-1157-3

Пятый выпуск традиционного манделъштамовского альманаха «Сохрани мою речь...» посвящен памяти А.А. Морозова и Н.Е. Штемпель. Связанные с ними разделы открывают издание, ядро которого составили статьи и публикации, посвященные самому О.Э. Манделъштаму. Среди них – неизвестные письмо и перевод с французского фрагмента драмы Жюль Ромена «Армия в городе», собрание его инскриптов и маргиналий, воспоминания А. Худавердян о пребывании поэта в Армении, очерки о современниках поэта (А. Штейнберге, С. Гамбарове и М. Рудермане), аналитические статьи и эссе С. Шиндина, В. Плунгяна, М. Безродного, А. Жолковского, Ф. Успенского, В. Микушевича, Г. Кубатьяна, Е. Сошкина, Д. Черашней и О. Лекманова, материалы из рубрик «Венок Манделъштаму» и «Varia».

Издание предназначено для преподавателей и студентов-филологов, а также широкого круга читающей публики.

УДК 821.161.1
ББК 83.3. (2 Рос-Рус)6

Научное издание

«Сохрани мою речь...»

Выпуск 5/1

Художественный редактор *М.К. Гуров*

Корректоры *О.Н. Картамьшева*

Технический редактор *Г.П. Каренина*

Компьютерная верстка *А.Ю. Ефимова*

Подписано в печать 30.08.2011.

Формат 84×108¹/₃₂

Усл. печ. л. 15,3.

Уч.-изд. л. 16,1.

Тираж 500 экз.

Заказ № 247

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
8-499-973-4206

!

Caspian now free (nature) &
 Kyratov's & Kyratov's
 3a ansuz Termeti, - & deroff -
 Type. -

Kan boze & nabropuska koroska
 zomna sh
 repa &
 modnna
 zhad & net & puzemby
 ofazmede silabo ma bouka ma
 zberdan.

